

Уровень жизни населения регионов России

№ 3 (197) / 2015

Издается с 1992 года
Выходит 4 раза в год

DOI 10.12737/ISSN.1999-9836

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОАО «ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР УРОВНЯ ЖИЗНИ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 2 декабря 1996 г. № 015476
Перерегистрирован 26 августа 2013 г. ПИ №ФС77-55146

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, ген. директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волгин Н.А. — д-р экон. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель ген. директора ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Калмыков С.Б. — канд. социол. наук, руководитель Центра подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Артамонов Г.Н. — канд. филос. наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», заслуженный деятель науки РФ

Бурак П.И. — д-р экон. наук, проф., директор Института региональных экономических исследований

Герций Ю.В. — канд. социол. наук., зам. директора Учебного центра «Профессионал», Московское государственное образовательное учреждение

Гонтмахер Е.Ш. — д-р экон. наук, проф., зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Григорьев С.И. — д-р социол. наук, проф., чл.-кор. РАН, зам. генерального директора по связям с регионами ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Калашников С.В. — д-р экон. наук, канд. психол. наук, проф., заслуженный экономист РФ, гл. научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Субетто А.И. — д-р филос. наук, д-р экон. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабосов Е.М. — д-р филос. наук, проф., почетный директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси, академик Национальной академии наук Беларуси

Городяненко В.Г. — д-р социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии социально-гуманитарного факультета Днепродзержинского национального университета им. О. Гончара

Риччери М. — проф., генеральный секретарь Римского института политических, экономических и социальных исследований

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МЭФ-2015)

Бобков В.Н., Субетто А.И.
Резолюция круглого стола 7

ПАРАДИГМЫ РЫНКА ТРУДА

Риччери М.
Соображения по открытым ключевым вопросам в политике трудовой занятости 9

Зиг А.
Работа в возрасте социальной неопределенности: 10 тезисов и контрстратегии 23

Херрманн П.
Кризис в сфере занятости или кризис занятых ... 29

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ

Елизаров В.В., Дмитриев Р.В., Ефремов И.А.
Льготы в районах Крайнего Севера: сохранить нельзя отменить 36

Рыбаковский Л.Л.
Трудовая иммиграция: масштабы и последствия 49

Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С., Таюнова О.А.
Демографическое движение регионов постсоветской России 57

Смирных Л.И., Полякова Е.Ю.
Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда 65

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Бобков В.Н., Джандосова Ф.С., Бучкова Я.Ю.
Эффективность государственной социальной помощи на основании социального контракта 75

Хепп Р.-Д. — д-р социол. наук, профессор Свободного Университета, г. Берлин, ФРГ

Хусаинов Б.Д. — д-р экон. наук, зав. отделом исследований глобализации и региональной интеграции Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Панина Т.А. — ответственный секретарь редакции научных журналов и издательской деятельности

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук, зам. руководителя Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Евсеев В.О. — д-р экон. наук, гл. научный сотрудник-консультант Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Колбанов В.Ф. — заслуженный экономист РФ, директор Департамента комплексного анализа и прогнозирования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации

Литвинов В.А. — д-р экон. наук, профессор кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Московского городского педагогического университета

Мацулюк И.Д. — д-р экон. наук, проф., профессор кафедры «Экономическая теория» Государственного университета управления, заслуженный деятель науки РФ

Мачхелян Г.Г. — канд. экон. наук, доц., редактор по международной информации редакции научных журналов и издательской деятельности ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Меньшикова О.И. — д-р экон. наук, проф., гл. научный сотрудник Научно-образовательного центра проблем регулирования социально-трудовых отношений и социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Павлюченко В.Г. — д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и финансового права филиала Российского государственного социального университета

Пашин Н.П. — д-р экон. наук, проф., первый зам. генерального директора ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Прокудин В.А. — д-р экон. наук, гл. научный сотрудник Научно-образовательного центра проблем регулирования социально-трудовых отношений и социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Смирнова Н.А. — д-р экон. наук, профессор кафедры государственных и муниципальных финансов финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Фролова Е.Б. — канд. экон. наук, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Федеральной службы государственной статистики

Яковлев И.Г. — д-р социол. наук, президент научно-издательской компании «Контент-Пресс», гл. редактор журнала «Управление Мегалополисом»

Издатель:

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96

Факс: (495) 280-36-29

E-mail: books@infra-m.ru

http://www.infra-m.ru

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187

Подписано в печать 10.09.2015

Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 490

Адрес редакции:

105043, Москва, 4-я Парковая улица, дом 29

Телефон/факс: +7499 164 9761

Электронный адрес: info@vcug.ru

Веб-адрес: http://www.vcug.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Шамаева Е.Ф.

Комплексная модель расчета качества жизни в регионе (на основе формализованного принципа устойчивого развития и системы естественнонаучных показателей) 109

ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Иванов В.В., Иванова А.В.

Критический анализ теорий экономических циклов 121

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

Мачхелян Г.Г.

Актуальная проблема культурной доминанты в управлении экономикой 133

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Агаджанян М.А.

Правовое регулирование геноцида на примере Республики Армения 139

Шуняев А.В.

Уровень и качество жизни населения как основа формирования конкурентоспособности рабочей силы региона 142

Правила по комплектности рукописей

и их оформлению для журнала

«Уровень жизни населения регионов России». 151

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

№ 3 (197) / 2015

Issued since 1992
On a quarterly basis

DOI 10.12737/issn.1999-9836

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

All-Russian Centre of Living Standard PLC

Registration mass-media license № 015476, December 2, 1996
Reregistered PI No. FS77-55146, August 26, 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Bobkov V.N. — Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor.

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Volgin N.A. — First Deputy Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor, Head of the Assembly of Experts on Labour and Social Policy.

Kalmykov S.B. — Head of the Centre of Postgraduate and Additional Professional Training, PhD in Sociology.

Artamonov G.N. — PhD in Philosophy, Associate Professor

EDITORIAL COUNCIL

Bobkov V.N. — Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor

Burak P.I. — Doctor of Economics, Professor, General Director of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Honored Science Worker of Russian Federation Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Regional Economic Research

Gertsiy Yu.V. — Candidate of Sociology, Professor, Head of the Federal Service for Labour and Employment

Gontmakher Ye.Sh. — Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS

Grigor'ev S.I. — Doctor of Sociology, Professor, Correspondent Member of the RAE, Deputy Director General of All-Russian Centre of Living Standard PLC

Kalashnikov S.V. — Doctor of Economics, PhD in Psychology, Professor, Honored Economist of Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Sociopolitical Studies of the RAS

Subetto A.I. — Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor, Honored Science Worker of Russian Federation, President of the Noosphere Public Academy of Sciences, Vice President of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Vice President of the St. Petersburg Branch of the Academy of Quality Problems

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Babosov Ye.M. — Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Director of the Institute of Sociology at the National Academy of Sciences of Belarus', Member of the National Academy of Sciences of Belarus'

Gorodyanenko V.G. — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Chair of Sociology of the Social-Humanitarian Faculty at the Dnepropetrovsk National University named after O. Gonchar

Ricceri M. — Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies

Hepp R.-D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S COLUMN 5

MOSCOW ECONOMIC FORUM (WEF-2015)

Bobkov V.N., Subetto A.I.
Resolution «Roundtable» 7

PARADIGMS OF THE LABOR MARKET

Ricceri M.
Considerations on Key Open Questions
in the Employment and Labor Policies 9

Sieg A.
Work in the Age of Social Uncertainty:
10 Theses and Counter-Strategies 23

Herrmann P.
Employment Crisis or Crisis of Employment 29

DEMOGRAPHY AND MIGRATION

Elizarov V.V., Dmitriev R.V., Efremov I.A.
Facilities in the Russian Far North: To Be,
or not to Be 36

Rybakovsky L.L.
Labor immigration: the scale and consequences 49

*Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S.,
Tayunova O.A.*
Demographic movement of Post-Soviet
Russia Regions 57

Smirnykh L.I., Polyakov E.Y.
Earning Differentiation Between Immigrants
and Natives on the Russian Labor Market 65

SOCIAL CONTRACT

Bobkov V.N., Dzhandosova F.S., Buchkova Ya.Yu.
The Efficiency of the State Welfare Aid Based
on the Social Contract 75

THE LIVING STANDARDS AND QUALITY OF LIFE

Shamaeva E.F.
Complex Model of Calculation of Quality
of Life in the Region (on the basis of the formalized
principle of a sustainable development
and systems of natural-science indicators) 109

Khusainov B.D. — Doctor of Economics, Head of the Globalization and Integration Department at the Institute of Economics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Panina T.A. — Executive Secretary of the Editorial Staff of Scientific Journals and Publishing, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Gulyugina A.A. — Candidate of Economics, Deputy of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Income and Consumer Budgets of Population, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Yevseyev V.O. — Doctor of Economics, Chief Researcher of the of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Kolbanov V.F. — Honored Economist of Russian Federation, Director of the Department of Complex Analysis and Forecasting at the Ministry of Labour and Social Security of Russian Federation

Litvinov V.A. — Doctor of Economics, Professor of the Safety and Vital Activity Chair at the Moscow City Pedagogical University

Machkhelyan H.G. — Candidate of Economics, Associate Professor, International Information Editor of the Editorial Staff of Scientific Journals and Publishing, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Matskulyak I.D. — Doctor of Economics, Professor at the Department «Economic Theory» State University of Management

Men'shikova O.I. — Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations and social development, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Pavlyuchenko V.G. — Doctor of Economics, Professor, Head at the Department of Economics and Financial Law at the Russian State Social University Branch

Pashin N.P. — Doctor of Economics, Professor, First Deputy Director General of All-Russian Centre of Living Standard PLC

Prokudin V.A. — Doctor of Economics, Chief Researcher of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations and social development, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Smirnova N.A. — Doctor of Economics, Professor of the Chair of Public and Municipal Finance at the Finance University under the Government of the Russian Federation

Frolova Ye.B. — Candidate of Economics, Head of the Department of Living Standards Statistics and Survey at the Federal Service of State Statistics

Yakovlev I.G. — Doctor of Sociology, President of the Content-Press Scientific Publishing Company, Editor in Chief of *The Megapolopolis Management Journal*

Publishing office:

Scientific and Publishing Center "INFRA-M"
31B Building 1 Polyarnaya st., Moscow, 127282
Tel.: (495) 280-15-96;
Fax: (495) 280-36-29
e-mail: books@infra-m.ru
<http://www.infra-m.ru>

While quoting the reference to the journal «Level of Life of the Population of Regions of Russia» is required.

The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.

All received by the editorial materials are subject to review

Issued quarterly. Subscription index 71187

Signed for publication 10.09.2015
Format 60x84/8, circulation 700 copies

Editor office:

29 4-ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia
Tel., fax: (499) 164 9761
e-mail: info@vcug.ru
<http://www.vcug.ru>

CONTENTS

PARADIGMS OF ECONOMIC CYCLES

Ivanov V.V., Ivanov A.V.
Critical Analysis of Theories of Economic Cycles . . . 121

SOCIAL AND CULTURAL PROBLEMS OF SOCIETY

Machhelyan G.G.
Urgent Problem of the Cultural Dominant
in National Economy Management 133

PUBLICATIONS GRADUATE

Aghajanian M.A.
Legal regulation of genocide by the Example
of the Republic of Armenia 139

Shunyaev A.V.
The Standard of Living and Quality of Life
of the Population As the Foundation for Building
a Competitive Workforce in the Region 142

Terms of Manuscripts and Completeness of Their
Registration for the Journal «Living Standards
in the Regions of Russia» 151

Уважаемые читатели!

Тема выпуска журнала 3/(197) 2015 г. — рынок труда и качество жизни. Представлены резолюция круглого стола Московского экономического форума, прошедшего 26 марта 2015 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, и материалы Международной конференции «Труд и общество в XXI веке: парадигмы рынка труда и занятости, управления персоналом и социальных отношений». Конференция, посвященная 70-летию кафедры экономики труда и управления персоналом Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, состоялась 10 апреля 2015 г.

Рубрика «*Московский экономический форум (МЭФ)*». Публикация Резолюции подготовлена проф. В.Н. Бобковым и проф. А.И. Субетто. Тема «круглого стола» — Ноосферный прорыв России в XXI в. как ведущий ориентир стратегии ее развития, включающий становление научно-образовательного общества и ноосферного технологического базиса экономики.

В рубрике «*Парадигмы рынка труда*» публикуются материалы Международной конференции «Труд и общество в XXI в.: парадигмы рынка труда и занятости, управления персоналом и социальных отношений». Рубрика представлена статьями проф. Марко Риччери (Ricceri, M) «Considerations on Key Open Questions in the Employment and Labor Policies», проф. Александра Сига (Sieg, A) «Work in the Age of Social Uncertainty: 10 Theses and Counter-Strategies», Питера Херрманна (Herrmann P.) «Employment Crisis or Crisis of Employment».

Рубрику «*Демография и миграция*» представляют статьи:

«Льготы в районах крайнего Севера: сохранить нельзя отменить», написанная канд. экон. наук, руководителем Центра по изучению народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Елизаровым, канд. геогр. наук Р.В. Дмитриевым и аспирантом кафедры демографии НИУ ВШЭ И.А. Ефремовым;

«Трудовая иммиграция: масштабы и последствия», подготовленная д-ром экон. наук, главным научным сотрудником Института социально-политических исследований РАН проф. Л.Л. Рыбаковским;

«Демографическое движение регионов постсоветской России», подготовленная д-ром экон. наук, заведующим лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН О.Л. Рыбаковским, мл. науч. сотр. Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук В.С. Судоплатовой, канд. экон. наук, доцентом Самарского государственного экономического университета О.А. Таюновой;

«Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда» проф. факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Л.И. Смирных, аспиранткой НИУ ВШЭ Е.Ю. Поляковой.

Рубрику «*Социальный контракт*» представляет статья «Эффективность государственной социальной помощи на основании социального контракта», подготовленная д-ром экон. наук, проф. В.Н. Бобковым, ст. науч. сотр. Всероссийского центра уровня жизни Ф.С. Джандосовой, начальником отделения факультета дистанционного обучения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Я.Ю. Бучковой.

Рубрику «*Уровень и качество жизни*» представляет статья «Комплексная модель расчета качества жизни в регионе», написанная канд. техн. наук, доцентом кафедры устойчивого инновационного развития Международного университета природы Е.Ф. Шамаевой.

Рубрику «*Парадигмы экономических циклов*» представляет статья «Критический анализ теорий экономических циклов», подготовленная канд. экон. наук, проф. НИУ ВШЭ В.В. Ивановым, студенткой Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова А.В. Ивановой.

Рубрику «Социокультурные проблемы общества» представляет статья «Актуальная проблема культурной доминанты в управлении экономикой», подготовленная канд. экон. наук, доцентом, редактором по международной информации Всероссийского центра уровня жизни Г.Г. Мачхеляном.

Рубрику «Публикации аспирантов» представляют статьи:
аспиранта М.А. Агаджанян «Правовое регулирование геноцида на примере Республики Армения»;
аспиранта А.В. Шуняева «Уровень и качество жизни населения как основа формирования конкурентоспособности рабочей силы региона».

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

Резолюция круглого стола

Resolution «Roundtable»

Получено 05.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 316.35

БОБКОВ В.Н.

д-р экон. наук, профессор, генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», заслуженный деятель науки Российской Федерации
Россия, 105043, Москва, 4-я Парковая ул., д. 29
E-mail: info@vcug.ru

СУБЕТТО А.И.

президент Ноосферной общественной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р экон. наук, д-р философ. наук, профессор
Россия, 105043, Москва, 4-я Парковая ул., д. 29
E-mail: subal1937@yandex.ru

BOBKOV V.N.

Doctor of Economics, Professor, General Director of JSC «Russian Center of Living Standards», Honored Scientist of the Russian Federation
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: info@vcug.ru

SUBETTO A.I.

President, Noospheric Public Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Ph.D., Professor
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: subal1937@yandex.ru

*Круглый стол «Ноосферный прорыв России в XXI в. и становление научно-образовательного общества как его основания» Московского экономического форума (МЭФ-2015)
(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)
<http://youtu.be/uqIGn-K4ZU8>*

26 марта 2015 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в рамках программы мероприятий Московского экономического форума проведен круглый стол № 20, в котором приняли участие 27 человек, в том числе 11 докторов наук.

Участники круглого стола на своем заседании, посвященном теме Ноосферного прорыва России в XXI в. как ведущем ориентире стратегии ее развития, включающем становление научно-образовательного общества и ноосферных технологического базиса и экономики, приняли резолюцию в виде следующих положений и рекомендаций:

1. Констатировать, что в России к началу XXI в. сложилась Ноосферная научная школа всемирно-исторического значения, у истоков становления которой стоит творчество гения всего человечества В.И. Вернадского, а также таких выдающихся ученых СССР — России, как Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Л. Яншин, Н.Н. Моисеев, В.П. Казначеев, А.И. Субетто, А.Д. Урсул и др. Происходит становление Ноосферизма как целостной научно-мировоззренческой системы и программы ноосферно-ориентированного синтеза наук, важного условия реализации императива выживаемости человечества в XXI в. и его перехода на единственную модель устойчивого развития — управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

2. В этом контексте круглый стол считает необходимым поддержать развернувшееся на территории России, Беларуси, Украины, Казахстана, Узбекистана *ноосферное научно-образовательное движение.*

3. Проблемы устойчивого развития и России и человечества, а также так называемой зеленой экономики не решаются вне ноосферной парадигмы социоприродной эволюции. При этом Ноосфера — это новое качество Биосферы, в котором коллективный разум человечества становится регулятором развития в единстве с гомеостатическими механизмами Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов.

4. Круглый стол подчеркивает, что системный планетарный кризис, который переживает человечество, — это сочетание первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы и Эпохи Краха рынка, капитализма и либерализма (на фоне диктатуры лимитов природы). Человечество сможет выжить и прогрессивно развиваться только, перейдя к новой парадигме истории на базе доминирования закона кооперации, управляемой ноосферной экономики, планетарной кооперации народов-этносов. Речь идет о становлении *ноосферного экологического духовного социализма.*

5. Глобальный империализм, мировая финансовая капиталократия, в первую очередь США и Великобритании, ищут выход из экологического тупика истории по империалистическому сценар-

рию, ставя задачу расчленения России и постановки ее ресурсов и ее биосферного потенциала устойчивости под свой контроль. Этот путь безумен. Он ведет к военному ракетно-ядерному коллапсу, который погубит все человечество, особенно на фоне ускоряющихся процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Единственная стратегия выхода из экологического тупика истории — ноосферная стратегия устойчивого развития, идеология и научно-мировоззренческий базис которой рождается в России.

Ноосферному прорыву и России, и человечества в XXI в. нет альтернатив, иначе — экологическая гибель.

6. Россия нуждается в стратегии выхода из системной катастрофы и в смене экономической, научной, образовательной и технологической политики. Необходимо исходить из цели становления научно-образовательного общества, в котором образование — это базис базиса духовного и материального воспроизводства, а наука — производительная сила и сила управления, которые обретают роль механизмов развития ноосферной управляемой экономики. Первые шаги — это восстановление на новой качественной основе института государственного планирования на среднесрочном и долгосрочном горизонтах и переход к управлению стратегиями научно-технического развития на основе «зон опережающего развития».

7. В образовательной политике ввести мораторий на любые реформы, связанные с сокращением эффективно действующей вузовской сети со сложившимися и развивающимися научно-образовательными школами.

8. Обратит внимание государственных органов власти, бизнеса и общественных объединений на необходимость расширения в государственных образовательных стандартах изучения мировоззренческих и естественнонаучных дисциплин, русского языка и экономики труда как основ опережающей трансформации Природы развития Человека и формирования его ноосферного мышления. Поддержать развитие научно-педагогических школ ноосферного образования в России.

9. Обратит внимание на необходимость теоретической рефлексии над основаниями экономической теории развития России исходя из действующего закона энергетической стоимости и специфических законов ее цивилизационного развития, в том числе географического районирования развития производительных сил и сопровождающего его развития территориальных научно-образовательных комплексов.

10. Ввести государственную монополию на денежную эмиссию, встроенную в бухгалтерский учет. Согласовать государственную эмиссию в виде начисления на себестоимость по всем юридическим лицам. В сумме все начисления должны быть равны ВВП. Темпы роста объемов эмитированных денег должны быть примерно равны темпам роста энергопотребления в экономике. Все эмитированные таким образом безналичные деньги в текущем году должны составить государственный бюджет следующего года. Государственную монополию на денежную эмиссию следует защитить законами. Всякую попытку приватизировать денежную эмиссию следует приравнять к государственной измене.

Соображения по открытым ключевым вопросам в политике трудовой занятости

Considerations on Key Open Questions in the Employment and Labor Policies

Получено 19.05.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 339.1

DOI: 10.12737/13546

РИЧЧЕРИ М.

генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, профессор Европейской сетевой группы (SUPI/СУПИ)
E-mail: eurispes.intl-dept@libero.it

Аннотация

Проблемам занятости придается все большее значение в повестке дня встреч стран Большой двадцатки и различных организаций. Существует всеобщая озабоченность на тот счет, что политика и деятельность по вопросам занятости не должна сводиться строго лишь к функционированию структур рынка труда, а быть связанной с политической, связанной со всеми главными факторами совместных обществ.

«Внимание структурным изменениям!» — это ключевая рекомендация (ОЭСР, 2012 г.); в некотором смысле озабоченность и подход, как и связанные с ними обязательства, возникли в наступившие трудные времена и представляют собой новшество, требующее среди всего прочего конвергенцию различных научных подходов, разделенного теоретического видения и методологического толкования нынешних меняющихся процессов. В этих условиях научное сообщество имеет возможность внести необходимый вклад в устойчивое и сбалансированное развитие общества на основе установления подлинности элементов и стадии этой конвергенции. С этой целью, автор особо подчеркивает важность применения систематического подхода при анализе, рассмотрении постиндустриальной модели общества, выяснения внутренних пружин структурного кризиса.

Особенно актуальны для научного сообщества нерешенные проблемы, связанные с необходимостью новой экономической политики новых отношений между количеством и качеством в процессах развития, новых систем социального обеспечения; а что касается специфической политики в области трудовых отношений, вопросы разработки трех главных направлений стратегии: гибкость, квалификация и компетентность, осуществление мониторинга и взаимодействия между такими сферами, как информация, связь, знания, принятие решений и действия, советы, а также вопросы, представленные в настоящей статье, открывают путь и возможности для новых научных исследований.

Ключевые слова: политика в сфере занятости и трудовых отношений, нерешенные ключевые вопросы, научное сообщество, новая экономическая политика, новые отношения между количеством и качеством, процессы развития, новые системы социального обеспечения, новые научные исследования.

RICCERI M.

Secretary General of the Institute of Political, Economic and Social Research, Professor of the European network group (SUPI/Soupy)
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: eurispes.intl-dept@libero.it

Abstract

Employment issues are more and more a priority in the agenda of the international meetings (G20) and institutions. There is a general awareness that policies and actions on the topic have not to be strictly limited to the best functioning of the labor market structures, but have to be linked to the policies addressing all the main changing factors of our contemporary societies. "Go structural" is the key recommendation (OECD, 2012). In some respects, this awareness and approach, as well as the related commitments, mostly emerged in the recent hard times, represent a novelty which requires, among other things, a convergence of different scientific discipline, a shared theoretical vision and interpretative methodology of the current changing processes. In this condition the scientific community has the opportunity to give a proper contribution to a sustainable and balanced progress of the society by verifying the elements and the stage of this convergence. To this aim the Author highlights the importance to adopt a systemic approach in the analysis, to refer to the post-industrial society model, to clarify the implications of a structural crisis.

Particularly challenging for the scientific community are the open problems dealing with the need of new economic policies, new relationship between quality and quantity in the development processes, new welfare systems; and, for what concerns specifically the labor policies, the indications to elaborate with reference to three main strategic issues: flexibility, skills and competences, monitoring and the relations to build between Information, Communication, Knowledge, Decisions and Action. The advices as well as the questions presented in the article open the way to possible, new research activities.

Keywords: the employment and labour policies key open questions, the scientific community, new economic policies, new relationship between quality and quantity, the development processes, new welfare systems, new research activities.

**Международная конференция «Труд и общество в XXI в.:
парадигмы рынка труда и занятости, управления персоналом и социальных отношений»
(10 апреля 2015 года, г. Москва), посвященная 70-летию кафедры экономики труда
и управления персоналом Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
(Plekhanov Russian University of Economics International Research Conference «Labor and Society
in XXI Century. Labor Market and Employment Models: Human Resource Management and Social Relations»
Moscow, April th 10, 2015
«Go Structural» (1)**

Introduction

The labor problems as well as the main issues related to the validity of the employment models, labor market efficiency, human resources management, in recent times have assumed a primary importance in the commitments of the international summits (G20), supranational institutions (IMF, WB, OECD, in particular), the governments of the major industrialized countries of the world. In some respects, this particular attention to the labor problems is a novelty in comparison with the advices of previous commitments and documents, even in the recent past, in which these problems and issues were recognized to play as a secondary and subordinate role as regards the priority need to define proper macroeconomic development policies. This new attitude on the labor problems is, at present, indicative of a general willingness to address one of the main crucial issue of the current globalization processes, one of the structural constraints that limit the practical possibilities of pursuing a balanced, sustainable development.

Also the approach to the labor problems records, in such international commitments and documents, some profound novelty because their solution is always more clearly linked to the way in which the sectional policies and the related factors are defined and managed, such as, for instance, social policies, education and training policies, the institutional regulation systems, the social dialogue between the main development actors. Of fundamental importance is, in this new approach to the labor problems, the proper application of the subsidiarity principle between the public institutions and the civil society structures, such as professional manager associations and trade unions, the only way to guarantee both a real participation in the common choices and its effective implementation.

By these novelties, also equally new and precise tasks result for the scientific community — academies, universities, research centers — to which it is increasingly required to give a contribution of analysis, studies and research able to meet these needs of interdisciplinary and systemic approach. Therefore, the scientific community is required to display an increasingly

organic convergence and collaboration between different disciplines and the various branches of knowledge.

1. G20, Australia 2014: the new employment strategies and commitments

«Raising global growth to deliver better living standards and quality jobs for people across the world is our highest priority. We welcome stronger growth in some key economies. But the global recovery is slow, uneven and not delivering the jobs needed. The global economy is being held back by a shortfall in demand, while addressing supply constraints is key to lifting potential growth. Risks persists, including in financial markets and from geopolitical tensions. We commit to work in partnership to lift growth, boost economic resilience and strengthen global institutions. We are determined to overcome these challenges and step up our efforts to achieve strong, sustainable and balanced growth, and to create jobs».(2)

These words, and these commitments open the final document adopted by the last G20 Summit of Heads of State and Government, held in Brisbane (Australia) on 15-16 November 2014. The strategic objective assumed by the participants at the summit is to give a boost to the world economy to promote an additional growth of 2 percent to 2018.

«Our measures to lift investment, increase trade and competition, and boost employment, along our macroeconomic policies, will support development and inclusive growth, and help to reduce inequality and poverty. Our actions to boost growth and create quality jobs are set out in the Brisbane Action Plan and in our growth strategies. We will monitor and hold each other to account for implementing our commitments, and actual progress towards our growth ambition, informed by analysis from international organizations». (3)

Acting together to lift growth and create jobs: these are the two main references of the new development policies approved by the G20 in Australia, the results of which will be subject to a first review by the next summit to be held in Antalya in Turkey in 2015.

The document lists a very articulate, precise and clear set of these new development policies that, for example,

refers to: investments in major infrastructures (Global Infrastructure Initiative), international trade agreements, reforms of the banking and financial system (Financial Stability Board), the tax system (G20 / OECD Base Erosion and Profit Shifting — bEps Action Plan), measures against corruption (G20 Anti-Corruption Action Plan), the cooperation in the energy sectors (Principles on Energy Collaboration and Action Plan for Voluntary Collaboration on Energy Efficiency), for the environment and climate change (United Nations Framework Convention on Climate Change — UNFCCC and the coming 21st Conference of the Parties COP21, in Paris, 2015), the fight against poverty (G20 Food and Nutrition Security Framework and Financial Inclusion plans).

It is interesting to note that inside the list of these policies, the G20 has given great importance in particular to the employment problem, with a focus and an emphasis that is difficult to find in previous summits. And it is just this commitment that allows us to promote an adequate reflection on the employment models as well as on the role of an essential tool as labor market. The goals that the G20 wants to achieve in this area are very specific and clearly defined in sections n.9 and n.10 of the final document:

«9. Our actions to increase investment, trade and competition will deliver quality jobs. But we must do more to address unemployment, raise participation and create quality jobs. We agree to the goal of reducing the gap in participation rates between men and women in our countries by 25 per cent by 2025, taking into account national circumstances, to bring more 100 million women into the labor force, significantly increase global growth and reduce poverty and inequality.

10. We are strongly committed to reducing youth unemployment, which is unacceptably high, by acting to ensure young people are in education, training or employment. Our Employment Plans include investments in apprenticeship, education and training, and incentives for hiring young people and encouraging entrepreneurship. We remain focused on addressing informality, as well as structural and long-term unemployment, by strengthening labor markets and having appropriate social protection systems. Improving workplace safety and health is a priority. We ask our labor and employment ministers, supported by an Employment Working Group, to report to us in 2015».(4)

This call is very important because is linked to a remarkable innovation introduced in the working method adopted by the G20: it deals with the continuous monitoring of all the tasks taken on at the summit in the various areas of intervention, in order to verify their degree of implementation. This monitoring activity will be carried out by governments in collaboration with the leading international institutions and the related specialized working groups, organized to this

purpose. Thus, even for the specific labor and unemployment problems, the labor ministers of the states, acting together with the international institutions of reference, will monitor the effectiveness of their policies as well as the improvements in their systems; in substance, in an international comparison, open and of high political value, they will have the possibility to verify and assess the value of their employment models.

In the framework of the policies and measures for employment adopted by the G20 in Brisbane, we can, therefore, select the following key words: «quality jobs», «young unemployment», «women participation», «poverty», «inequality» «labor markets», «social protections systems». The purpose of this selection is to make clear that the success or failure of the employment policies — such as the value of the employment models — depends on the influence of many, very different factors, all referable to the complexity of the modern systems: they are mainly institutional, economic, technological, societal, cultural, demographic factors.

In this regard, in order to have a proper assessment both of the main open problems in the labor market, and of the possible evolutionary scenarios, it is necessary to make some preliminary considerations regarding: i) the methodological approach in the analysis of the change processes which are taking place in the contemporary society; ii) the interpretative model of that society; iii) the assessment of the nature of the crisis that hit in recent years the entire industrialized world. The verification of a possible convergence on these methodological and interpretative aspects is an essential step in order to proceed, with a sufficient degree of sharing, to any subsequent action of analysis, assessment and proposal.

2. The changing dynamics of the contemporary society: what analytical method?

If we consider the various areas and dimensions in which our societies are organized and act (at local, national, international level) and evaluate them as a complex, integrated, single system, albeit characterized by numerous and strong diversity, to identify and analyze the factors that have the greatest impact on the changing dynamics of the system, we have to apply a particular scientific methodological approach and precisely the systems analysis (which implies, precisely, the convergence of different scientific disciplines)

This scientific approach leads us to state that the society is like a complex organism in which many elements and many parts are interrelated and interact continuously one with another. Four key- factors are indicated as the basic elements of this continuous interrelation process. These are the following: i)

Institutional — Political factors, ii) Economic factors, iii) Societal factors, iv) Cultural — Ethical — Religious factors.

These factors represent a plurality of elements and forces, which, in fact, comparing and interact continuously with each other. The more this comparison is free and balanced, more the society, whatever its dimension, experiences a situation of genuine pluralism (in political terms, it is a democratic pluralistic society). On the contrary, the more one of these factors tends to dominate the others, to exercise an hegemony over the other, the more a system loses its authentic dynamism, entering into a situation at risk of short — circuit, of involution.

In these cases, the systems analysis applied to a society (or to a geopolitical area, for instance) allows us to highlight its overall dynamics, its points of balance, which are never stable but continuously modified and reassembled, as well as the involution risks for the entire system.

3. The evolution of the contemporary societies: what interpretative model?

Another important methodological tool, deals with the interpretative model connected to the concept of post-industrial society (which includes the most common term of «knowledge society»). Even this model can greatly enhance a correct interpretation of the deep, structural changes of the contemporary society. This model, defined for the first time in the sixties, allows to focus the attention on the nature of these transformation processes, the role and functions of the main factors affecting on it, the framework of the evolutionary perspectives.

The term «post-industrial society» has since long entered into common use to indicate the trends of modernization of our societies and the possible future projections. But what does it really means? What are the basic concepts? What is its interpretative scheme? The post-industrial society is an interpretative model of the evolution of industrial society. The main theorist and analyst was the American sociologist Daniel Bell (5).

The important fact is that this model has been confirmed later by the evolution of contemporary society. It is therefore a well-proven and tested tool for the understanding as well as for the governance of modern industrialized societies and their transformation processes.

Rejecting any monolithic view (and organization) of the society, and instead considering it as an articulate, pluralistic, complex system, Bell examined the structure of the modern industrialized societies and identified their main pillars, defined as the axial structures. Each of these structures correspond with what he called the axial principles, namely the fundamental principles governing the changes of those structures of society.

The framework resulting by this breakdown is the following:

Three are the main axial structures:

- techno-economic structure
- political-institutional structure
- the cultural, ethical structure

Three are the axial principles, driving each of these structure:

- the principle of functional rationality
- the principle of legitimacy, equality, participation
- the principle of self-fulfillment, checking its own personality

The evolution of the society is marked by the change processes which take place in these three structures and in their principles of reference; these changes mark the transition from a preindustrial society to an industrial society and, therefore, post-industrial. The fact is that such changes are not linear, but may evolve with different times and ways, and therefore may also enter into conflict with each other. In this case, inside of a society this fact shall produce failures, conflicts and tensions. Moreover, the more our societies evolve from a model of society to another, the more the government of the society becomes extremely complex and difficult and the true art of government becomes that of the recovery and rebuilding the shattered balance in new terms and conditions.

Currently, the most industrialized societies, and with them the globalization processes, show a tendency to evolve according to the model defined as «the post-industrial society», that is commonly identified as the sunset of an era and the transition to a completely new era. For this reason, the value and strategic resources for the development and growth of the society are increasingly connected with the resource «knowledge — information» and certain type of goods as the «computer», by which data are elaborated and transmitted (ICT products). The new society presents a new axial principle as the codification of theoretical knowledge (abstract theories, simulation models, analytical systems); new hierarchies of values (competition and predominance among individuals and groups); new time perspective oriented towards the future (the ability to project the future and the strength to impose it on others, as the Italian sociologist De Masi states, even if such prevailing does not take the account for the victims who causes); new development mode (predictive models, forecasting, planning projects); new production models (added value of goods by multiple services); new technologies (intellectual technologies, computer programming, new mathematical and economic techniques); new productive classes with the increasing relevance of the skilled workers, technicians, professionals, researchers, scientists); new societal relations (marked by the ability of the people to redesign its own personal

identity inside this new system: how to build its own work identity in a world characterized by «end of work», according to Rifkin?, and a «liquid modernity», according to Bauman?)

As already stated, the analysis model of post-industrial society has shown over the years all its scientific validity; it has proven to be a valuable and very useful tool to understand the trends and prospects towards which the modern societies are oriented. The reference to the adaptations that they require to individuals and social groups may be a proper way to get a better understanding of the onset of the phenomena such as structural unemployment, demographic changes, exclusion, impoverishment and, of course, the widespread precarity, uncertainty, insecurity, when such adaptations are made with difficulty, or, even worse, when they do not occur at all.

4. Let's clarify a concept: what means a «structural crisis»?

Before tackling the issue Labor and Society, and the related issues as labor market and employment models, let's to clarify an important concept: that of structural crisis, which affected in the recent years the industrialized world (6). At this regard, it is a common opinion that what happened in 2008-2009 was — and still is — a structural, not cyclical, crisis. Regarding EU, for instance, the official documents, the statements of policy makers, the assessments of the experts often presented this situation as the most serious crisis that Europe experienced after World War II and even up since 1929. Therefore, as such, this crisis deals with a process that inevitably will change deeply the current balance of the economic and social systems, with projections on other systems of reference as ethics, culture, politics. In fact, the crisis started as a financial crisis, but evolved later as an economic crisis, then as a production crisis, then as employment and social and also political crisis. Indeed, we are facing with a process that has come to crash into many areas of society: the economy, the level of income and consumption of the people, the social conditions, the lifestyles, the confidence of the citizens in the public institutions as well as in the main development actors, the basis of political consensus.

In case of structural crisis, the analysis, especially those historical one, allow us to say that it is very difficult to make valid predictions about their future evolution, due to the impact of many imponderable variables, of the most different nature, on the evolution of social processes, both on their break as on their consolidation. Only one thing is sure: when structural crisis happen, it may be also clear how the different systems started with such difficulties, but it is not

clear at all, indeed it is nearly impossible, to get an idea of what may be the way out. Overcoming the difficulties related to a structural crisis always leads to the emergence of entirely new and unexpected situations, very different from the initial ones. In essence, systems come out deeply transformed.

Structural crisis, in short, are always characterized by a discontinuity that deeply changes the order and balance of a society. A discontinuity which, among other things, it is often the source of social and political extremism. It is for this reason that, in front of this kind of crisis, even if it is caused by purely economic factors, economic science is forced to do as a step back and give the way to the assessment contributions by other scientific disciplines. In this case, it becomes necessary to adopt a different, interpretative multidisciplinary approach. In particular, we have to consider that the re-regulation of a system involves the reconstruction of a new relation's system between factors, interests and needs that are complex, old and new, and, most importantly, very different between them. All items that only politics can transpose, represent and try to reassemble into a new equilibrium, based on a different and more appropriate interpretation of values and rules that govern the coexistence of a civil society.

5. «Go structural»: EU and OECD for a new approach to the labor problems

In relation to these preliminary remarks, it is evident that the specific labor problems — related, for instance, to the employment models as well as to the functioning of the labor market — are deeply affected by the complex factors of change mentioned above (economic, societal, institutional, cultural and ethical), as well as by the emergence and by the evolution of the post-industrial society. The awareness of this conditioning emerges by now very clearly, for example, in the documents of the European Union and the OECD, in which, tackling the employment problems, both institutions pay a great attention to the processes of structural change of the society («go structural», «go social», «go green», «go institutional», following the indications of the specific initiative «New Approaches to Economic Challenge», OECD, 2012) Emblematic, for example, are the references by the European Commission to the demographic changes and aging population as well as the implications of the knowledge society; as well the references by the OECD to the many barriers, old and new, that hinder the inclusion of people in the labor market, also causing enormous economic and production .damages.

5.1 EU: the unemployment scenario

In the basic EU development strategy, «Europe 2020», the chapter dealing with «Employment» states clearly: «The demographic change will result in a decrease of the workforce in the near future»; also that the main problems will be «an aging population and rising global competition.» In these statements, which are at the basis of European labor policies, we can find the echo of a growing number of experts who, in particular in front of the new technological revolution, wonder about a possible scenario: in the next future, shall we have more and more growth without employment, i.e. with less and less job opportunities? Are we facing with the concrete possibility to have a «jobless generation», as the Economist writes (2013)?

The statistics are clear: in Europe the economic and financial crisis of recent years caused more than 25 million unemployed (March 2013), with an unemployment rate that is equal to 10.6% in the EU and to 11.6% in euro area (a reverse positive trend has been recorded recently only in Germany and the UK and a few other countries of Northern Europe). The long-term unemployment is on the rise, the European Commission confirms, and almost one in two unemployed persons is out of work for over a year. Marked disparities are recorded among the member states: in fact, the national unemployment rates vary from an average of less than 5% to a level greater than 25%. Young people are the most affected social group, with an unemployment rates that in some states is more than 50%. In absolute terms, in 2013, Europe's unemployed young people were 5.7 million (23.5 % of the total unemployment), of which 3.6 million inside the Eurozone (24% of the total), with a growing trend over the corresponding period of 2012. The lower levels of youth unemployment were registered in Austria and Germany (7.6%), the Netherlands (10.5%); the highest in the Mediterranean countries: Portugal (38.3%), Italy (38.4%), Spain (55.9%), Greece (59.1%). As the Commission this is an «unacceptable» situation. The statistics also confirm that the phenomenon of high unemployment rates and the major disparities between the member states of the EU also affect other age groups. According to the Commission, «given the length of periods of unemployment, the rapid restructuring of the economy and the difficulty of finding work, it is likely that unemployment will become more and more structural and more people withdraw from the labor market». Obviously this situation has negative effects on both the cohesion of the whole European system, both on the deteriorating economic and social conditions of the citizens, who are increasingly poor, or at risk of poverty, or excluded from the development process.

Particularly serious and alarming (for the main implications that this situation has on the cohesion of the society as well as on the private life of the individuals) are the conditions of that particular category of unemployed young people defined as NEET (Not in Employment, Education or Training), a technical term appeared for the first time in Britain in the 80s, then widespread to Europe and taken over by European Commission, to identify those young people who do not work or study, or are involved in training activities; simply are inactive, unemployed, have abandoned the search for a jobs, excluding themselves primarily from the labor market; but more generally, as it is rightly observed, excluding themselves from the social context. (To face this phenomenon, EU Commission approved and started to apply (2013-2015) the Youth Employment Initiative — Youth Guarantee, considered the most relevant programme in the sector).

Already in 2010, Eurostat, referring to NEET young people aged between 15 and 24 years, calculated a European average of 12.8%, among the EU 27 member states; in 2014, including young people up to 29 years of age, this percentage resulted 15,9%. (average EU 28 member states). A comparison among the European states shows, for instance, that the NEET percentage is equal to 27,1% Greece, 24,7% Bulgaria, 24% Italy, 22,6% Spain. In fact, that of the NEET people is the labor and social area which requires the most urgent, appropriate, complex interventions, first on the barriers that young people are currently facing.

5.2 Young people unemployment: what kind of barriers to work?

With regard to the unemployment-inactivity of young people, there is a general agreement among experts that the spread of this phenomenon is related to a complex series of factors that go beyond the more or less efficient functioning of the labor market. It is important to make clear, underlines the Organization for Economic Co-operation and Development — OECD (2014) that young people are facing many and very diverse «barriers», either of immediate and long term effect, which include, for example, the way important social services are organized and function (transportation, child care, health services, housing market and household services, vocational training, the services to support the start up of new enterprises); as well as cultural and psychological barriers: «low self-esteem, lack of motivation, modest aspirations, all items related to the community and its relations system in which young people live, can seriously hinder young people's access to employment». All these are psychological conditions in many ways

linked to the general social situation we have currently particularly in Europe.

Tabel n.1

Examples of barriers to work with immediate and long term effects

Barriers with immediate effects	Barriers with long term effects
Low level skills /skills non required by the market	Modest aspirations
Lack of recent work experience	Low income level, consequences
Weak motivations	Lack of positive social relations
Lack of disponibility to assume responsibilities	Isolation, set of deprivations
Lack of trust by the employers /discrimination	Difficult access to services
Difficult access to transports	Health problems
	Drug market, crime

Source: OECD 2014, Dean, A., 2013

For example, what kind of influence has on the behavior of young people the risk of poverty or exclusion in which millions of Europeans ended up being in recent years? Many and authoritative voices suggest a close correlation between the plight of many families and the spread of distrust and apathy among young people. A recent dossier of the European Commission published in October 9, 2014, provides a precise measurement of the drama linked to this situation: inside the EU, almost 125 million people are at risk of poverty, 25% of the population (2012 data) with an increase 6.4 million people compared to 2010.

Tabel n.2

European Population at risk of poverty — social exclusion, 2010–2012

	2010	2011	2012
At risk of poverty or social exclusion (% population)	23,7	24,5	24,8
At risk of poverty or social exclusion (million people)	118,1	121,5	124,5
At risk of poverty (% population)	16,5	17,0	16,9
Serious material deprivation (% population)	8,4	9,0	9,9
Families without work (% population under 60 years)	7,8	8,0	8,0

Source, European Commission, 2014

This is the general framework in which the widespread and prolonged uncertainty of the young people is rooted, with his effects in terms of disincentives to the same job search, reduction or cancellation of expectations and life projects, passive behaviors, the refuge in the areas of a limited system of relations and protections, first of all the family, to which a welfare system increasingly reduced ended up attributing

a growing and unprecedented role as substitute of the public services.

5.3 Barriers to work : negative impact on enterprises, public budgets, demographic trends

The latest OECD report on employment in the major industrialized countries of the world (2014), addressing the problem of flexibility in the workplaces, played a definite warning signal — really unusual for the traditional general guidelines of this international organization — on a particular aspect of the current labor policies: that is, on the economic and social impacts of the extensive use of the temporary and not regular labor contracts, which are among the main instruments generators of precariousness. According to the OECD's the temporary work certainly offers advantages to companies (flexibility in a economic changing environment) and can be also the result of an individual choice of the worker. But when the use of temporary or not regular contracts become extensive, this use has negative effects both on the fairness of the system, both on the efficiency of the same company. Workers in these conditions are facing heavy uncertainty and companies tend to reduce investment on their employees, with real risks of lost productivity and lack of development of human capital; the conditions for loss of competitiveness, insecurity and widespread loss of confidence, the very strong obstacles to integrate young or old people or women into work.

A previous joint report by ILO, OECD, IMF and World Bank, published in 2012, emphasized clearly that this kind of exclusion from the labor market, especially when it takes on the characteristics of long term unemployment and / or exclusion and greatly weakens the reactive ability particularly of young people, surely is the generator of «social costs» but also of high «economic costs» because the «obstacles — that this situation — creates to economic growth.» An almost similar remark on the economic costs caused by the situation in which are the nearly 10 million unemployed young people (15-29 years) registered by Eurostat at the end of 2013 — of which the NEET are an increasingly component, around 20% — may be found in the assessment of Eurofound which calculated that in Europe, in 2013, the support expenditures to assist the NEET young people have reached the amount of 153 billion euro, equal to 1.2% of European GDP (Eurofound, 2013).

Other structural phenomena linked to the general working and social uncertainty of young people or women are the collapse of births rates as well as the increasing aging of population: «No work, no children,» is the comment we may read on the newspapers. The

parallelism between unemployment, falling birth rate and aging population is even clearly present in the assessments of the reports by the Directorate General for Employment of the European Commission.

In conclusion, the analysis and documents from major international and EU institutions agree that the employment processes are caused by many factors, of a very different nature, which are the expression of the structural changes taking place in our society, changes related largely to the globalization processes and the new technological revolution in which we are just entered. Therefore, it must be clear that the policies aimed to increase the efficiency of employment models and the functioning of the labor markets, to promote sustainable employment and quality jobs, have value only if connected and placed in the broader framework of policies finalized to remove the many economic, social, cultural, institutional barriers that hinder people, particularly young people and women, in their entry or retention in the workforce.

5.4 Barriers to work: labor market policies are necessary, but not sufficient

Faced with the problem of the widespread social exclusion and unemployment, the OECD (2014) states, for instance, that the labor market policies «by themselves can not affect the youth unemployment» if they are not connected to a project of effective economic development policies and included in a coordinated system of institutional collaboration: «often policy makers are working as if they were inside silos, because of institutional barriers, and rigidities of its management structures». The more barriers to entry into the labor become complex, the OECD states in the basic document of the G20 meeting in Melbourne, September 2014, «it is necessary that governments adopt a horizontal approach, able to engage the services employment, training, education, economic development agencies, organizations of the social system ... a good information system and data collection can serve as a catalyst for organic integrated actions». In summary, following the OECD recommendations, the labor market structures should not operate in isolation, in their specific field, but in condition to be able to organize real synergies with the decision-making institutions, for example, which operate in economy, social protection, education.

The decisive role of economic development in the fight against unemployment, underlined by the OECD, finds an authoritative confirmation in the conclusions reached by the German foundation Hans Boeckler. In a report prepared with the Institute of Macroeconomic Policy-IWK and presented at the conference on the current European situation promoted by European Trade Union Confederation and its institute ETUI, Brussels September 24, 2014, Boeckler Foundation

noted that in the last decade all European states have approved a large number of innovative laws to reform their own labor markets, well 3567 reforms from 2002 to 2014, and that this commitment has increased just in the years of the crisis. However, overall, the European system has failed to tackle, if not marginally and cyclically, the growing widespread unemployment: «3500 reforms are not enough?» is the question posed by the report. The thesis, supported and demonstrated by an extensive research, is that labor policies are a function of the development and that labor market reform may facilitate the inclusion in the workplace, not create them. The states and regions that will not be able to promote sound macroeconomic growth policies will be in any case destined to continue to record high levels of unemployment.

6. «Go structural»: considerations on the main open challenges to face with

On the basis of the previous elements, the key-decisions affect both the development policies and, specifically, the labor market policies. To this aim, the following main issues, related to the two challenges to face with, have to be carefully considered:

6.1 Challenge n. 1: New development policies

New development policies, capable of dealing with structural employment problems in contemporary society, require a set of organic interventions aimed at addressing the most crucial issues and to create the best conditions for a radical turnaround (the so called «great correction»). These conditions concern the ways to create profit, the quantity-quality ratio in the growth policies, the reorganization of the welfare state.

1) New conditions for the pursuit of profit

In a different framework of relationships between ethics and economics (solidarity-based vision of development), the pursuit of profit, on the one hand, should be inserted into a virtuous circle, able of producing widespread benefits in terms of reduction of social imbalances, and, on the other hand, should be re-evaluated with respect to unearned income (especially financial, with new relations between real and financial economy), by measures supporting the quality of entrepreneurial projects as well as by the productivity collaboration of the employees (a sound system of relations between capital and labor: wage / productivity, merit recognition, participation in the choices);

2) Quantity — Quality: a new development project

The goal of achieving sustainable development, capable of ensuring economic progress and social cohesion, as well as to reduce tensions and to avoid the risks of rupture of the system, involves the adoption

of a consistent orientation to promote a profound change in the relationship between quantity and quality of the growth, in the lifestyles of the people, in the consumer dynamic. In this regard, the public operator (the state and regional authorities) should promote the transition to a new balance between the production of individual consumer goods, and the production of consumer goods of public interest (common goods). Such a strategy enhances the support of productions related to the concept of the collective well living (i.e. land, water, health, mobility, education, cultural heritage, etc.), on the basis of a new synergy between the main public and private development actors. The state and regional authorities should use the tools of the medium and long term planning, taxation, contributions and incentives to attract progressively the enterprises in this sphere of production activity, by defining the rules and conditions of profitability for the specific market of the common goods.

A quotation of saint Basil (written in the year 330) may be useful in our attempt to start building a new balance in the production of individual and common goods, as the condition for a development model based more on quality than on quantity: By this time there are innumerable excuses for spending money, so that people is going looking at what is useless, mistaking it for what is necessary, and nothing is never enough to satisfy the needs and fantasies. Really I cannot do without to admire so much invention of useless things

3) The re-organization of the welfare state

In this case, the need of an effective social model should be steered on the basis of the following economic references: i) the recognition that the social expenditures and the related services are not just a cost to the community, but are instead a real production factor, which is essential to encourage new development dynamics (human capital, social inclusion, levels of consumption, etc.); ii) the recognition that equality is also a growth factor. In fact, public policies have a dual objective: to promote wealth and ensure an adequate distribution of the wealth produced. Inside EU, for example statistics clearly indicate that, the six European countries with less economic and social inequality (Germany, The Netherland, the Scandinavian countries) are also the countries with the highest GDP per capita as well as the best performances in terms of employment. The transition from the traditional welfare state (oriented to cover the risk of life) to the state of wellbeing (which occurs on income distribution, market regulation, social inclusion, etc.) requires full and consistent implementation of the subsidiarity principle, for the organization of a different kind of social service provision, more qualified and participated in by citizens ((what makes it possible, for example, the organization on mutual basis of new low cost

social services. In other words, the above mentioned transition make possible the organization of a real social market economy, in which the private initiative, under certain conditions, complements the public initiative of the state.

In this regard, the international outline offers many examples of attempted solutions aimed at the reorganization of the welfare systems on the basis of a new relationship between public and private, between citizens and the state, between the constraints of public budgets and the profitability of investments in the field, between levels of efficiency and effectiveness of the services and the introduction of new selective criteria for access to the public systems of protection. In this direction operate the initiatives related to the Financial Welfare, the Mixed Welfare for Family, the Private Welfare, the Active Welfare, the Subsidiary Welfare, the Welfare of Shared Responsibility, as well as the many agreements between companies and unions, who are spreading new forms of corporate welfare, mostly at plant level. All these initiatives are dealing with the organization of a real, new social market, additional and integrative of the protection system offered by the state; initiatives that provide a response to the difficulties that arose with the structural crisis of recent years, guiding more social protection towards growth, with progressive limitations to the pure and simple assistance.

6.2 Challenge n. 2: new labor policies

The new labor policies require adequate intervention on three main areas: a) adjustment- adaptation processes to the new conditions of labor, technological progress, international competition (all-inclusive flexibility); b) the qualification of labor factor and human capital (skills, competences, lifelong learning); c) the organization of an organic information system to promote a real labor market intelligence (monitoring)

1) Flexibility, for workers but also for companies

Faced with the pressure of international competition, commonly a reference is made to three keywords: adjustment, flexibility, efficiency. This applies to public institutions (with reference to the problem of the relationship government-governance and thus the regulation of the adjustment processes of a system to the new development conditions), private companies (innovation in the production processes and structures), workers (new work organization). Central, at least in the European system and in its employment policies, has become the reference to labor flexibility proper integrated (based on the successful Danish experience) with social protection measures: that is the flexicurity model.

Reflection to do on flexibility is whether it is lived and practiced really, as it should be, in comprehensive and not in reductive terms; in other words, if flexibility

is applied only to the production factor of labor, as has occurred largely in the practical experience up to now, or if the flexibility is also applied to the organizational structure of public and private facilities, to the state services and the business system.

With specific reference to the work organization, a commonly accepted definition is the following: flexible works are those that require the person to repeatedly adjust the planning of its own existence — during the life course, the year, often even the month or week — to the changing needs of the production organization (Gallino, 2001).

Flexibility can take on different meanings and scope depending on the elements and conditions to which it relates. For example, in relation to:

- working time: when the individual is required to adjust its life time and its performance according to the temporary needs of the company;
- working place: when he is required to be available to physical mobility in the area, other regions, other countries, or to perform the work at home;
- skills and competences: when he is required to be available to update and / or diversify its, skills, competences, abilities according to market demands;
- functions and role in the organizational structure: when he is required to assume certain responsibilities and perform different functions in the working structure.
- contractual arrangements: when he is required to be ready to change the type of employment contract.

It is clear that the degree of flexibility and adaptation required to an individual obviously can change and be more or less intense depending on the combination of the above elements.

The problem becomes serious when on the positive aspects of flexibility, as occasion to take some risks, but also to grasp the opportunities, other phenomena are affecting adversely, such as: a) the misuse of flexibility that can be made by companies, b) the bottlenecks of the labor market; c) the lack of an effective social policy to build the external context for a proper exercise of flexibility. The effects caused by these factors are more negative and distorting, when they add and combine in different ways, creating a situation where the same tool of flexicurity often ends up losing its effectiveness. It is the situation in which an individual ends up slipping in the final negative area of social precarity.

The production restructuring required the adoption by the companies of high level labor flexibility, that has become one of the most important keys to the modernization process. A decisive support to such initiatives came by the institutions, with law reforms, as well as by the unions with agreements finalized to allow the widespread adoption of many new forms

of contract typologies (the proliferation of what are defined as non-standard employment contracts)

It is clear that companies, while proceeding in the adjustment of the productive and labor organization, are induced to adopt the most diversified models. There is a flexibility that covers the whole structure of the company. When it concerns labor factor, the flexibility required by companies in any case should be applied within certain limits and this for a simple reason: to be lived properly as a resource, and not as an opportunity to ensure the company essentially the same working performances, but carried out with less working time, fewer rights and protections, lower costs. Lived in this way, hardly flexibility allows a temporary worker to become a true social capital for companies — capital that is based directly on the working relationship that will last in time — as well as to accumulate just the know-how which is the basis for innovation and the higher productivity of the enterprise system. In essence, unfair use of flexibility is likely to deteriorate the human capital of the company and, consequently, to affect the medium — long term value of its own innovative actions undertaken to cope with international competition. Therefore, flexibility has value if it is comprehensive, namely if it relates to both the work as well as the company's organizational structure, and if it is accompanied by a real innovative planning, of processes and products; that is the quality of the industrial project. (7)

2) Quality jobs and skills, the new «global currency» of the 21st century

The commitment made by the G20 summit in Brisbane (2014), to promote employment policies to ensure quality jobs, reminds the value of the Global Skills Strategy developed by the OECD and approved by the Conference of Ministers of Economy in 2012 (MCM — Ministerial Council meeting, Paris 24 May 2012). In fact, the problem of skills represents another great open challenge to the employment models, a standard to measure their essential validity and effectiveness (better skills for better jobs).

By presenting the new OECD strategy, the current secretary general Angel Gurrías used a very significant definition of skills, highlighting the many open issues to be addressed (primarily those related to the inclusion-exclusion in the working places):

«Skills have become the global currency of the 21st century — Angel Gurría stated — Without proper investment in skills, people languish on the margins of society, technological progress does not translate into economic growth, and countries can no longer compete in an increasingly knowledge-based global society. But this «currency» depreciates as the requirements of labour markets evolve and individuals lose the skills they do not use. Skills also do not

automatically convert into jobs and growth. The global economic crisis, with high levels of unemployment, in particular among young people, has added urgency to fostering better skills. At the same time, rising income inequality, largely driven by inequality in wages between high — and low skilled workers, also needs to be addressed. The most promising solution to these challenges is investing effectively in skills throughout a lifetime: from early childhood, through compulsory education, and during the working life. Developing the right skills and putting them to productive use requires a strategic approach».

The basic principle of this approach is very clear and simple: «spending on education and skills is an investment for the future that must be a priority», followed by the recommendation to introduce in the state policies those elements of efficiency in public expenditures concerning the investments in human capital as well as of flexibility and agility in the organizational structures that can enable the set up of a prompt and effective answer to the emerging needs by specific social groups, especially in the different local contexts. Particularly important are the investments in the training activities closely related to the needs of the labor market, for preventing the obsolescence of existing skills; to ensure a qualified labor supply; to encourage in every way a profitable transition from school to work, to make the workers, businesses, institutions aware of their responsibility on the need for a constant lifelong-learning. In this framework, to intensify the dialogue with social partners becomes essential for promoting an employment increase based not only on quantitative but especially on qualitative aspects. OECD provides also some definitions of reference and highlights the major negative effects caused by an insufficient level of skills.

As to definitions, the OECD distinguishes three main areas:

Foundation skills: the skills indicate the ability of an individual to solve problems in technologically advanced environments, to use for this purpose appropriate technology, to achieve complex tasks;
Skills literacy: it refers to the ability of an individual to understand and use information from written texts in a variety of contexts to achieve specific goals and develop further knowledge;

Skills numeracy: it refers to the ability of an individual to use, apply, interpret and communicate information and ideas in mathematical terms.

With reference to these definitions, the OECD introduces a broad interpretation about the highly positive role that the diffusion of appropriate skills plays in contemporary society. In fact, skills affect people's lives as well as the welfare of nations in ways that go beyond what can be measured in terms of

labor market earnings and economic growth. The skills, for example, influence «civil and social behaviors of persons and — consequently — the democratic engagement and business relationships.» For this reason, governments should make adequate investments aimed at the continuous updating and development of skills throughout the course of people's lives.

The OECD studies show clearly that there is a close correlation, for example, between the level of basic skills (foundation skills) existing in a system and the likelihood of experiencing social and economic disadvantages. With reference to the condition of adults between 16 and 65 years in OECD countries, it has been shown that individuals with the lowest level of foundation skills have a chance to be unemployed 1.8 higher than that of individuals with higher skills level; 1.7 more likely not to improve their level of income; 1.4 more likely to have health problems; 1.3 more likely to lose faith in the possibilities of improving their living conditions, greater inability to understand the development problems, to address unforeseen events.

In general, in the countries of the OECD area, «large proportions of young people does not reach even the lowest level of foundation skills by the end of compulsory education», whereas a considerable proportion of adults never get to have the minimum skills necessary to act with some success in economic systems and in contemporary societies. Depending on the individual countries, it is estimated that «between 1/3 and 2/3 of the adult lack the minimum core skills necessary to engage in further learning and function in modern economies»

The OECD Global Skills Strategy aims to take on this very unproductive situation of widespread failures, offering answers to the following questions: what kind of skills needed by various economic systems? What actions should be made by the students and workers to cope with the labor markets rapid changes? Which policies the governments should encourage to manage productively the skills they possess?

Specifically, governments should carefully consider the following elements: i) the issue of skills is very complex because it deals with many problems to solve simultaneously, therefore it requires an holistic approach in the policies as well as a set of interventions based on a combination of short and long term planning; in particular, by considering skills as tools to be honed over the individual's lifetime, governments should develop a systematic approach to evaluate the impact of different types of learning — from early childhood education, through school education, up to formal and informal learning in subsequent periods — in order to balance the use of the financial resources in relation to the maximum economic and social outcomes to achieve; ii) it is important to identify the strengths

and weaknesses of their own systems and make them available for international comparisons, iii) it is crucial to know how to organize policies able to transform better skills into better jobs, better economic growth, more effective social inclusion. Only by adopting a systemic and comprehensive approach, government policies could be effective and really improve the general situation of skills.

In addition to the commitment to elaborate specific survey's tools on the matter, as the Survey of Adult Skills (PIAAC), with the aim promoting a widespread and regular data collection on the skills needed for policy purposes, since 2011, the OECD has responded to a request made by the G20 by signing a cooperation agreement with international institutions as ILO, UNESCO, World Bank. Aim of this agreement is the development of a set of internationally comparable indicators, to be used especially for the developing countries.

3) Labor market intelligence: the key-role of monitoring activities

The Australian G20 summit has placed particular emphasis on the importance of future monitoring actions that affect all areas of intervention, but in particular the problems of employment and labor. In this regard, it is however necessary to find a shared response to some essential questions. What common, accepted definition is there for the labor market monitoring? What theories underpin this?

Generally, the word monitoring refers to a tool that can generate information, to produce it and communicate it to actors in the labor market. But in reality the term monitoring, as is the case for the term networking, while appearing to be a common expression used in a positive sense, has different meanings. This lack of a clear and precise common understanding has negative effects on the entire of labor markets system for two main reasons:

- The first concerns the role of modern information technology that greatly facilitates monitoring, its adaptation to specific needs, and cost reduction. But the high degree of autonomy enjoyed by the sectoral operators results in the adoption of very different concepts and methods, making it difficult to form connections and exchanges among different systems.
- The second concerns the diversity of objectives and functions that operators attach to monitoring. In this respect the European scene is already full of many different suggestions. Operators are asking, for example, for monitoring to meet the needs of: advice and consultancy to people looking for work (e.g. young people who need to have advice on the direction of their future); careers guidance services; employers planning their workforce needs; and support to the practices of social partners and policy makers.

Currently in Europe there is no a commonly accepted single definition of monitoring. To arrive at a shared definition of the term monitoring it is necessary to anchor it to basic theory. To this aim, some key points of reference can be found in the theory of the information economy, in relation to the imperfections that characterize the functioning of markets, including the labor market. These imperfections and markets failures — e.g. imperfect information, imperfect mobility, imperfect property rights, externalities, mismatch between supply and demand, etc. — reduce the efficiency of labor markets and the effectiveness of the related labor policies. One consequence of these imperfections pertains to the allocation of the labor force, so that the labor market functions suboptimally. «Information imperfections are pervasive in the economy» (Stiglitz, 2004).

These imperfections of the information system are translated into precise asymmetries between the different needs of the labor market players, with a loss of opportunities and overall increase of the costs for workers, enterprises and the community. In this sense, monitoring can be identified as a tool to intervene to reduce these imperfections and asymmetries. But to arrive at a shared definition of monitoring, it is necessary to know the context in which information is generated, the way it is encoded or how it is interpreted.

It is today mostly accepted that an efficient labor market requires a good ability to read and assess both the social dynamics, and the dynamics of companies and the sectors they belong to. The production of differentiated information, as well as their integration into an organic interpretative system, is needed to understand an area and to promote proper action able to identify the best strategies for increasing employment. This requires, therefore, the identification of conditions that may allow a labor market observatory and its monitoring activities to promote improved territorial intelligence (the «intelligibilité du territoire», in French) and so to support effective employment policies and action (labor market intelligence).

Another question requiring clear and shared answer concerns the fact if monitoring has to deal with forecasting, and how can this be done? Forecasting future labor market situations may be considered as a natural element of labor market monitoring. Commonly, labor market monitoring systems do not contain explicit forecasts. Rather, they contain current and historic information on key labor market variables. These are, however, used to evaluate the current situation and to anticipate future labor market situations. Users of historic data make implicit forecasts of the labor market variables by looking at trends. More complex labor market forecasts are in a sense an extension of these implicit forecasts, yielding more consistent and efficient results given all the information available. How must the relationship be built between the recording

of the past, the present, and the predictions for the future? (the necessity to integrate the use of descriptive indicators with other type of indicators, just extended to the so called planning indicators).

And finally, linked to this last question, there is the issue concerning the interrelations to build between Information, Communication, Knowledge, Decisions and Action; in other words, if and how the monitoring activities, and the related structures, has to play even a «political» role, in general terms, taking part to the decision making processes.

In fact, even if adequate information existed, it would be not be certain that this information would lead to the required knowledge and understanding and to more rational decisions. The reason lies in human beings' limited ability to absorb all the information provided in an optimal fashion. A learning process is needed to transform information to knowledge and intelligence. This transformation occurs through communication as a part of a learning process. Further, even if actors have the appropriate knowledge, it does not necessary lead to the «right» decisions and actions.

Monitoring, therefore, implies the need to clarify the system of relationships between those providing the information (the provider) and the information user. But, more importantly, how is it organised and operated in terms of the interaction between different types of intervention which deal with the specific case of the labor market: ranging from the production of information and communication to their transformation into knowledge and to the final decision. Hence, information and communication are main elements of monitoring; but their real significance emerges only if they are related and useful in supporting decisions and actions based on adequate information and knowledge. In this interpretation, therefore, monitoring should include decisions and actions as well as information and knowledge, an active involvement in planning initiatives as well as in the implementation of the employment policies.

Conclusion

Employment issues are more and more a priority in the agenda of the international meetings (G20) and institutions. There is a general awareness that policies and actions on the topic have not to be strictly limited to the best functioning of the labor market structures, but have to be linked to the policies addressing all the main changing factors of our contemporary societies. «Go structural» is the key recommendation. In some respects, this awareness and approach, as well as the related commitments, mostly emerged in the recent hard times, represent a novelty which require, among other things, a convergence of different scientific discipline, a shared theoretical vision and interpretative

methodology of the current changing processes. In this condition the scientific community has the opportunity to give a proper contribution to a sustainable and balanced progress of the society by verifying the elements and the stage of this convergence.

Particularly challenging for the scientific community are the open problems dealing with the need of new economic policies, new relationship between quality and quantity in the development processes, new welfare systems; and, for what concerns specifically the labor policies, the indications to elaborate with reference to three main strategic issues: flexibility, skills and competences, monitoring and the relations to build between Information, Communication, Knowledge, Decisions and Action. The advices as well as the questions presented in the article open the way to possible, new research activities.

Notes

- 1) OECD, *New Approaches to Economic Challenge*, Paris, 2012
- 2) G20 Leaders' Final Communiqué, Brisbane Summit, 15-16 November 2014
- 3) Ibidem
- 4) Ibidem
- 5) The post-industrial model was presented the first time in the U.S. in 1962 at a study conference on «Technology and Change». Later, in 1965, the Carnegie Corporation provided for funds to conduct research on this issue. Follow up of this research was the organization of the Commission's Report for the year 2000; a special commission established by the U.S. government to examine the trends of modern society in the period from the 70s to the late twentieth century. The report was commissioned by the government at the US Academy of Sciences and Arts. During the seventies many insights have been made by leading scholars, including the political scientist R.Dahrendorf.
- 6) Let's consider the real meaning of the word «crisis». As the ancient greek language, is the following: «decision» from the verb «krino»«to select — to judge — to decide». In modern times, the classic economy interpreted this word as «change» (the change of an economic cycle). Having this in mind, we can put the following questions: what kind of crisis/change are we living currently? What kind of decisions are we able to take»? Two quotations can help us by finding a proper answer:
The German poet Friedrich Hoelderlin: Where is the danger there is also salvation
The British writer Aldous Huxley: Reality is not what happens to us but what we do with what happens to us

7) In this regard, very interesting are the proposals for a sustainable employment over time that are under development in the UK. These proposals call for a change of the current government programs — Work First Programme — and the adoption of a new program — Career First —

designed to support those businesses that promote the development of human resources in the medium and long term. See R.Mc Quaid in C.Larsen, S.Rand, A.Schmid, R.Neil (editors), Sustainable Economy and Sustainable Employment, Rainer Hampp Verlag, Muenchen 2014.

References

1. BAUMAN ZYGMUNT: Liquid Modernity, Ed Laterza, Bari, 2002.
2. EU Commission: Beyond GNP, Communication, COM (2009) 433 FNAL, Brussels, August 20, 2009
3. EU COMMISSION: People, the economy and pure planet: Sustainable development insights, Conference on sustainable development, 2009 EU COMMISSION: Regional Innovation Scoreboard, 2014 EURISPES: 27° Rapporto Italia (27° Report on Italy), Datanews, Rome, 2015 EUROPEAN UNION :The Lisbon Treaty, Brussels, 2009.
4. GALLINO LUCIANO : The human cost of flexibility, Ed Laterza, Roma-Bari, 2001 GRINBERG R., RUBINSTEIN A.: Economic Socio-Dynamics, Springer Verlag, Berlin, 2005 LARSEN C., RAND S., SCHMID A., NEIL R. (editors), Sustainable Economy and Sustainable Employment, Rainer Hampp Verlag, Muenchen 2014.
5. MEADOWS D.H. et al.: The limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicaments of Mankind, New York Universe, 1972
6. OECD: Venice Action Statement 2008, Venice, 2008.
7. OECD : Handbook on constructing composite indicators: methodology and user guide, Paris, 2008 OECD: Better Skills, Better Jobs, Better Lives, Paris, 2012.
8. EUROPEAN PARLIAMENT - COUNCIL: Building The European Framework of Qualifications for Continuing Education, Recommendation of 23.4.2008, (2008/C 111/01), Brussels, 2008 REYNERI E.: Sociologia del mercato del lavoro. Le forme dell'occupazione, (Sociology of Labour Market. The Forms of Employment), Vol.II, Il Mulino, Bologna, 2011 RIFKIN JEREMY: The End of Work, Ed Baldini & Castoldi, Milano, 1998 RIFKIN J.: La terza rivoluzione industriale (The Third Industrial Revolution), Mondadori, Milano, 2011.
9. SENNETT RICHARD: The Culture of the New Capitalism, Ed Il Mulino, Bologna, 2006 SENNETT RICHARD: The Flexible Man, Ed Feltrinelli, Milano, 1999 SMITH L.C.: The World in 2050, Penguin, 2011.
10. STIGLITZ J., Making Globalization Work, (La globalizzazione che funziona), Einaudi, Torino, 2006.
11. STIGLITZ J.E., SEN A., FITOUSSI J-P.: Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Paris, 2009
- SUTHERLAND D., PRICE R., JOURMARD I., NICQ C.: Performance and Indicators for Public Spending Efficiency in Primary and Secondary Education, OECD, Economics Department Working Papers, N. 546, 2011 SUSTAINABLE DEVELOPMENT COMMISSION: Prosperity without Growth? The transition to a sustainable economy, U.K., 2009.
12. UNEP: Keeping Track of our Changing Environment: From Rio to +Rio20, New York, 2011 UNEP : Towards a Green Economy. Patways to Sustainable Development and Poverty Eradication, St-Martin-Bellevue, 2011, 20 Documents, Brisbane Summit, 15-16 November 2014 - a selection Documents agreed by the G20 summit G20 Leaders' Final Communique' Brisbane Action Plan, November 2014.
13. G20 Note on the Global Infrastructure Initiative and Hub, November 2014 2014 Financial Inclusion Action Plan, November 2014 G20 Plan to Facilitate Remittance Flows, November 2014 G20 Food Security and Nutrition Framework, November 2014 Development Working Group Accountability Framework, November 2014 2015-16 G20 Anti-Corruption Action Plan, November 2014.
14. G20 High-Level Principles on Beneficial Ownership Transparency, November 2014.
15. G20 Principles of Energy Collaboration, November 2014.
16. G20 Energy Efficiency Action Plan, November 2014.
17. The 2015 G20 Accountability Assessment Process, November 2014.
18. 2014 Accountability Assessment Report, November 2014.
19. Ministerial statements G20 Labour and Employment Ministerial Declaration, Melbourne 10-11 September 2014 (Including G20 Statement on Safer and Healthier Workplaces).
20. Supporting documents G20 Members' Comprehensive Growth Strategies, November 2014 G20 Members' Country Employment Plans, November 2014 IMF Surveillance Note, November 2014.
21. Quantifying the Impact of G20 Members' Growth Strategies, OECD/IMF report, November 2014 G20 Labour Markets: Outlook, Key Challenges and Policy Responses, OECD, ILO and World Bank Group, November 2014.
22. Opportunities for Economic Growth and Job Creation in Relation to Food Security and Nutrition, FAO and OECD (with inputs from ADB,IFAD,ILO, IFPRI and WTO) September 2014.

Работа в возрасте социальной неопределенности: 10 тезисов и контрстратегии

Work in the Age of Social Uncertainty: 10 Theses and Counter-Strategies

Получено 18.05.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 331.526

DOI: 10.12737/13547

ЗИГ А.

Берлинский свободный университет / Европейская Академия бизнеса и СМИ
105043, Россия, Москва, 4-я Парковая улица, 29
E-mail: alexander.sieg@fu-berlin.de
alexander.sieg@gmx.de

SIEG A.

Dr. Freie Universität Berlin / Europäische Medien- und Business-Akademie
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: alexander.sieg@fu-berlin.de
alexander.sieg@gmx.de

Аннотация

В своем сообщении я хочу представить 10 тезисов по теме «Будущая работа в XXI столетии». По каждой гипотезе дается предложение, как реагировать в данных конкретных условиях развития. Мои примеры касаются главным образом стран Западной Европы, которые в наибольшей степени вовлечены в развитие глобально-го капитализма. Однако, мы полагаем, что представленные нами эволюция и проблемы в обозримом будущем будут иметь место во всем мире.

Моим всеобъемлющим исходным положением является то, что в течение последующих нескольких лет тенденции социальной неопределенности с социального неравенства, вызванные глобальным и преобразованным в цифровую форму капитализмом, резко увеличатся. В своей работе я использую метод классической критической теории Хоркельнера-Адамо, который предполагает анализ существующих государств и формирования – даже утопических – будущих государств.

Ключевые слова: прекаритет, социальная неопределенность, работа, технический прогресс, знания, социальные патологии, исключение.

Abstract

In my report I want to present 10 Theses on the Future Work in the 21st century. For each hypothesis, a proposal of how to react to this development will be offered.

My examples are related mainly to societies in Western Europe, who are the ones most involved in the rapid development of global capitalism. However, we suppose that the presented evolutions and issues in the foreseeable future will occur worldwide.

My overarching assumption is that over the next few years the tendencies of social uncertainty and social inequality — caused by the globalized and digitized capitalism — will increase radically.

My contribution is committed to the method of Horkheimer / Adorno of classical critical theory, what means to analyze actual states and to propagate — even utopian — target states.

Keywords: precarity, social uncertainty, work, technological progress, knowledge, social pathologies, exclusion.

Precarity: from periphery to center of society

The current developments in the world of work in Western European societies are an indicator of all leading and rising industrialized countries (especially Russia).

Precarious working and living conditions — mainly characterized by uncertainty concerning planning and future — were first classified as a phenomenon of lower social milieus. Recently, precarious situations have gradually attained the center of societies. Fixed-term work contracts, temporary work, on-call employment, and other forms of precarious employment contracts are not only a feature of unskilled workers, but to find at all levels of employment.

Particularly in the UK, France and Germany, more and more people are affected by precarious working conditions and, to that effect of precarious living conditions. As French sociologist Robert Castel (2011)

describes, this precariousness is associated with the abolition of social gains –for that workers have fought in countless industrial disputes — and the dismantling of the welfare state.

Counter-strategies/Intervention

A strategy to fight such a permanent uncertainty on a financial level would be the implementation of the unconditional basic income for every resident in a market area. This model is easily realizable, such as, inter alia, Daniel Häni and Enno Schmidt (2008) prove, but still fails to present ideological reservations. In addition, compliance with the minimum wage with efficient state sanctions should be enforced.

2 Radical technological progress

Even today, a new generation of intelligent robots is on the rise in our brave new world of work. And they rule faster and faster. For instance, German company Kuka developed the lightweight robot LBR

iiwa and called it a giant technological leap. This new generation of robots is characterized by their speed, their small size and their high artificial intelligence. Currently, Google and Apple buy robotics companies in order to become the global leaders in this booming area. According to a foresight by IFR World Robotics, in the next few years these self-directed machines that will radically change our work environment, will not only become cheaper but will increase a lot in number (IFR Statistical Department 2014).

A key area holds the so-called cloud robotics. This cloud-based robotics will develop more intelligent and complex working robots. The robot has access to information from a data cloud and therefore to a huge database so it can record information and create calculations on its own. With these new robots, more delicate work operations, which could not be done by robots like fruit harvesting or complicated surgery are possible (cf. Jung, Alexander / Schulz, Thomas 2015).

Counter-Strategies/Intervention

Even Stephen Hawking and Bill Gates do warn about the new machine intelligence. These robots are increasingly replacing jobs because they work faster, more accurately and cheaper. And even if the head of Innovation Management of BMW Stefan Bartscher declared: «Man and machine work hand in hand»¹ and the robots are considered as team workers as human team workers.

However, the adoption of robots permits to spend (labour) time for other activities such as community activities or self-realization. Here again, the unconditional basic income permits social participation on the need. We will see this later in point 9.

**Current Conditions and Tendencies:
Structural devaluation of knowledge and people**

Through the forced changing work environment through technical innovation specific knowledge has been outdated faster and faster.

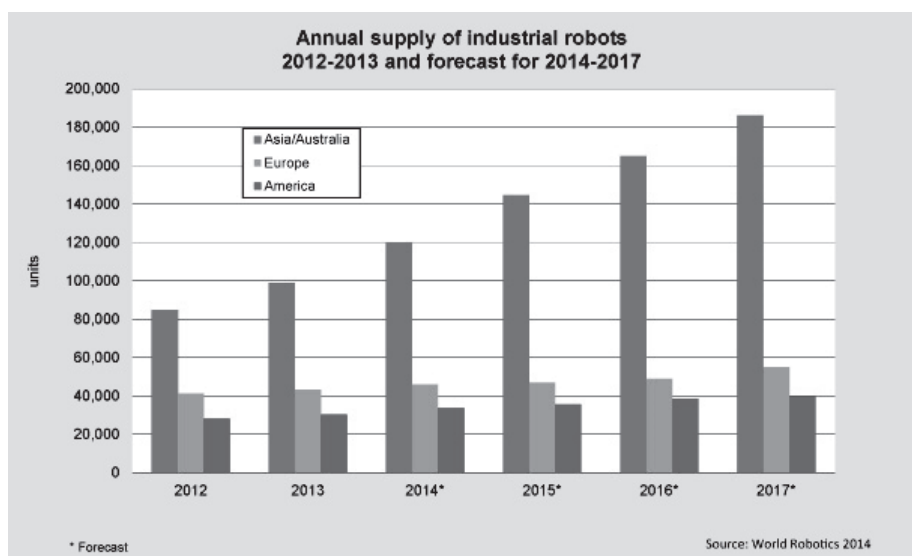
On the one hand this leads to high unemployment, especially in technical-oriented professions. On the other hand, this results in an ongoing shortage of skilled workers.

Currently, for example, in Germany there is a lack of some 30 000 engineers in various technical fields while around 50 000 engineers are unemployed, whose knowledge is outdated. For many of these unemployed people it is very difficult to keep the standards. Why? Because they have been trained many years ago and they are not quite familiar with the structure and culture of the new knowledge formations. Furthermore, the current education system is not geared to the variation of the «postmodern» learning and appropriate knowledge cultures, because it is oriented in its structure and in its function sequences implicitly on the reproduction of social structures.

These mechanisms produce systematically people who do not receive the necessary core competencies for the labor market and for independent living and they are most affected by precariousness and the associated uncertainties.

Counter-Strategies/Intervention

In Western Europe, particularly in Germany, the education system is primarily a tool for the reproduction of social structure as well as the recent OECD PISA

Graphic 1:
Annual supply of industrial robots 2012-2013 and forecast for 2014-2017

Source: World Robotics 2014

¹ Bartscher, Stefan (BMW) in SPIEGEL 10/2015.

2014 could show. Thus, learning cultures and learning content in secondary schools are generally adapted to cultures of the privileged social backgrounds and alternative learning techniques and knowledge formations are sanctioned as illegitimate negative.

In different social milieus of a society, different learning cultures are internalized. In schools, universities and training institutions, however, learning cultures are favored, which correspond to the dominant milieu. This means for many people during their lifetime that they cannot participate successfully in this educational system.

Jean-Francois Lyotard, erected in his pioneering work in the year 1979 «The Postmodern Condition: A report of Knowledge» certain criteria for the knowledge of the future.

With his writing he created a template for various discussions in the modern «knowledge society». Following these discussions, various diversity approaches and the continued inclusion debate arose.

The key to our discussion of the embodiments of Lyotard diagnosis is that of the «radical pluralism» which for him includes the plurality of lifestyles, the plurality of norms, the plurality of truths and the plurality of theories (paradigmatic structures).

What does the analysis of Lyotard for the restructuring of education systems?

1. The still widespread reproduction of representative educational content will need to be increasingly shifted to the acquisition of core competencies.

2. The traditionally strong normative orientation of education is now forced to adapt to the element «discourse competence».

3. Theory-based instructions will be abandoned in favour of experimental designs of the educational process.

4. Social: From traditional ways of life, a plurality of life forms that also attracts different learning cultures and learning strategies by themselves which must be recognized as an equivalent.

Overall, the right to paid training based on different learning cultures should be required and especially the restructuring of the education system in terms of radical plurality.

Ambivalence of autonomy, flexibility and project work

Boltanski and Chiapello (2003) show by means of their analysis of management discourse in their work «The New Spirit of Capitalism» that the categories autonomy, flexibility, project work once seen from an emancipated perspective have been turned into their opposite under the neo-liberal policies.

This leads to the emergence of a population with an unsafe working status, and / or long-term unemployment. Here demanded autonomy for forced and calls the whole personality in the form of a «roll

call (s) to the subjectivity». Autonomy here does not mean more freedom of choice, but is under a dictation of action and competition.

Counter-strategie/Intervention

On temporary project work many employees in the last year of the project seem to have no more loyalty to their employer. In some companies it is to strengthen the loyalty to the employer to conclude on longer-term or permanent contracts. This is particularly reported in the daily press of Japan. Unfortunately this topic is still a desideratum of research. To limit the flexibility in terms of a dissolution of their availability in the work, particularly the policy and investigative journalism are needed which should establish a ban on these practices. In addition, clear international binding standards should be developed.

The labor entrepreneur — the ideal type of unsafe employee

A feature of the concatenation of neoliberal economics, administration and conservative social science is the installation of «invention» of social figures (see also Thesis 10).

A paradigmatic example of such a sociological concept creation which is readily taken up by the administrative side, and has become a fixed point of reference of sociological and economic expert discussion, the term of the labor entrepreneur, who discussed under the metaphor of entrepreneurial self.

Within the German debate on precarious employment the report «III. Part of the Commission's questions about the future of Bavaria and Saxony Final Report «of 1997 is often cited. This report is in the history of the career of the «labor entrepreneur» the very basis of his career. From the administrative side, the concept of «labor entrepreneur» or the model of the «entrepreneurial self» since the publication of this manifest of the «neo-liberalization» of society takes an almost inexorable rise. The report states in part: «The vision of the future is the individual as an entrepreneur of his labor and general interest» is.

The type of the «labor entrepreneur» is characterized by «increasing self-control», «self-commodification» and «self-exploitation of their own work potential.» In parallel to find a «boost of self-management» and «self-rationalization» in everyday life instead.

Another feature of the labor entrepreneur is an ambivalent concept of autonomy, which is not there a autonomy of the worker, but an extension of responsibilities and scope that are in the interests of the contracting company. The forms of enhanced autonomy associated with «clear boundaries of autonomy based work and with an increased» pressure to perform «. The workers can make their work under these

conditions, more and more «self-organized», but they are also forced.

With the construction of the «labor entrepreneur» a work of sociological type was developed, which acts as an ideal type of precarious work and life forms. There is a risk that this labor entrepreneur is on paper to a fully comprehensive model of post-modern worker.

Counter-strategy / intervention:

Scientific education and discourse analysis (detail see thesis 10).

The new philosophy of work: Dissolution of boundaries: surveillance, control and total availability

The new philosophy of work under a neoliberal perspective means the dissolution of work. This means, first, that more and more a fusion of work and leisure is taking place. Ideally, the constant availability and total control and surveillance of the workers are sought as by e-mail, phone and video surveillance.

In his book «Discipline and Punish», French philosopher Michel Foucault takes the «Panopticon»

of Jeremy Bentham as a model for the modern world of work. The «Panopticon» of Jeremy Bentham works on the principle that the monitored person cannot see if it is actually monitored. But he must assume that she is monitored and controlled. This puts her under constant pressure and changes her behavior.

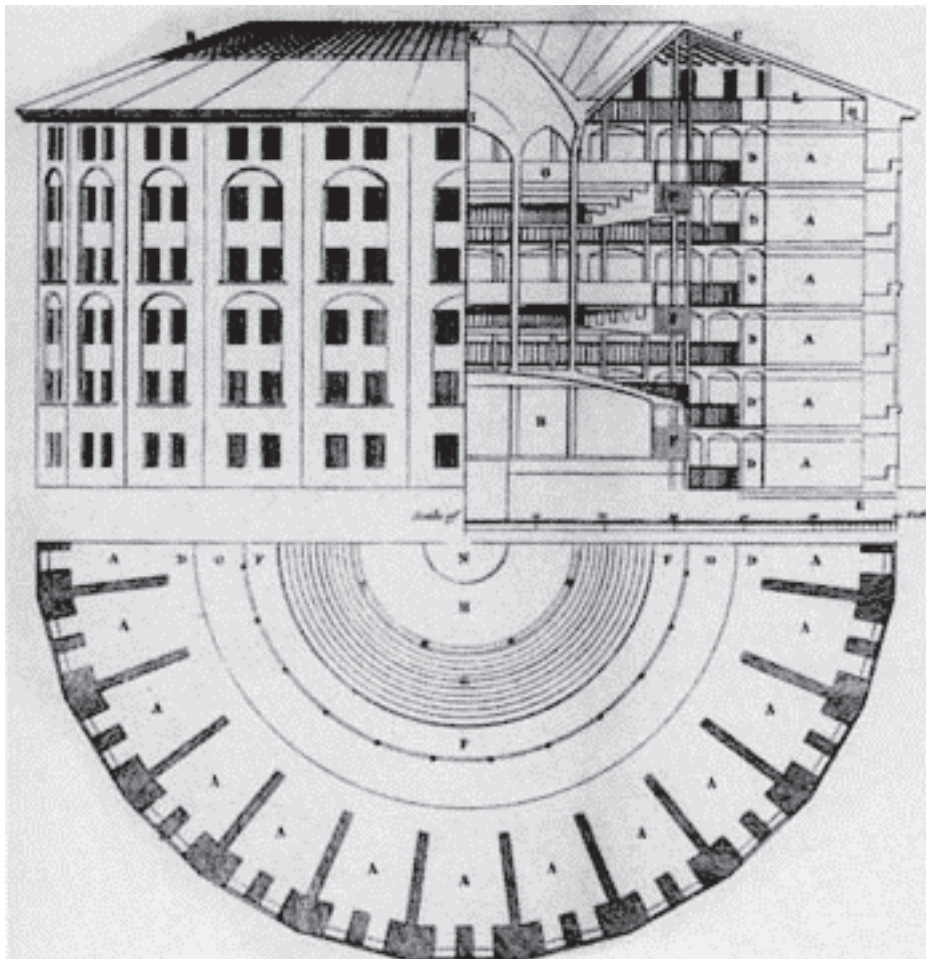
Counter-Strategies/Intervention

See Counter-strategies / Intervention theses 4.

Requirements in the labor market result in social pathologies

Precarious working and living conditions that have emerged gradually due to the change in the labor market and social structures in Germany and in other Western European countries since the 1990s, do change simultaneously, as is evident from various studies, the psychological disposition and constitution of precarious employees, the unemployed but also the people who are in a traditional «normal employment».

The described effects of mental dispositions are comparable to states which traditionally occur in patients with a psychiatric diagnosis, so most strikingly, the French sociologist Alain Ehrenberg, in his work

Graphic 2:
The «Panopticon»
of Jeremy Bentham

Source: <http://cult-mag.de/>

«The uneasiness in the society» (Ehrenberg 2011). These are superficial: loss of social relationships, withdrawal, listlessness (inactivity), vulnerability, insecurity. The psychopathological terms for the consequences of these characteristics are: depression, vulnerability, fear.

However, the reasons for the seemingly individual psychopathologies are not medical, but they are — so the theory — primarily on the transformation of work and life in recent years due to an enhanced «mandatory autonomy» demand of the people, which in itself is a paradox.

Counter-Strategies/Intervention

Respect and appreciation for all members of society: the development of a culture of recognition. The discussion of recognition was performed without exception social philosophy in recent times. She is still a desideratum sociological, anthropological and social psychological theories.

Objectives of the intervention: life satisfaction, opportunities for a lifetime, future, anthropologically: emancipation, autonomy develop (trust in autonomy), self-realization, skills, social recognition.

Sociological theming of suffering as by qualitative interviews and qualitative studies (examples Bourdieu et al., 1997, Schultheis / Schulz 2005 Schultheis / Gemperle 2010). No taboo of suffering, no individualization of suffering, no pathologizing of suffering.

Conviction of employers using the example of studies of job satisfaction that a higher job satisfaction with a higher motivation, greater identification and thus a higher commitment, a performance and with less loss of work goes hand in hand.

Social divide is increasing: old and new inequalities reinforce

Various data show a tendency in Europe to a strong division between high-paid, insecure services and very poorly paid services. Both, however, are characterized by uncertainty. New social inequalities reinforce old social inequalities that occur to become once again (see Castel 2011).

Particularly through the development of a so-called «knowledge society» takes the differentiation of the social structure and thus the social inequality increases.

Counter-Strategie/Intervention

See Theses 10.

The superfluous — exclusion

In various publications people are described as «prohibited» or even «superfluous», who do not comply to neoliberal labor market requirements or people who do refuse these standards. Seen from a sociological-

economical perspective, it is a social group that just is not excluded, but occupies the important function of a «reserve army» within the labor market system.

In the ideology of the suspended precariat the development of a new dangerous class (Guy Standing) should be avoided.

Counter-Strategies/Intervention: There are no superfluous people

In» The Two Faces of work «Pierre Bourdieu shows his results of socio-ethnographic research in a pre-capitalist society (in Kabylia in Algeria). These studies show that solidarity, community and sharing of labor income goes back to prehistoric and the utilitarian philosophy of economics, which has the «homo economicus» implemented, is inhuman.

Social science clarification

In the essay «Brave New World phrase», Bourdieu and Wacquant pointed out that during the neoliberal restructuring of the economy and society and the associated changes in the labor market, an arsenal of new concepts emerged. These are, among other concepts such as «control», «employability» or «zero tolerance». In parallel, traditional terms such as identity and flexibility are converted and associated with a new horizon of meaning. On the other hand, disappear from the media and academic discussions terms such as «exploitation», «domination» and «inequality», which are regarded as insignia of a bygone world (cf .: Bourdieu / Wacquant 2000: 1 f.).

Uncover the euphemisms this «brave new world of concepts» and to formulate a precise criticism of this epistemological based criteria, is the ethical duty of every social scientist.

„The task of sociology, according to Pierre Bourdieu, is «to uncover the most profoundly buried structures of the various social worlds which constitute the social universe, as well as the «mechanisms» which tend to ensure their reproduction or their transformation.» (Wacquant/Bourdieu 1992: 7).

Conclusion

We could show that particularly by digitization and globalization of business entities, processes in motion, the mean of life and work of many people under radical changes.

In particular, the factor of increasing uncertainty in all living and working areas will put people in the advanced industrial countries with major challenges. In addition, the social structure is further differentiated by social inequalities and it destabilizes the highly industrialized societies. Political forces, trade unions and especially scientists are encouraged to develop new responses and enforce them.

References

1. Boltanski, Luc/Chiapello, Éve: Der neue Geist des Kapitalismus (2003). Konstanz: UVK.
2. Bourdieu, Pierre /Wacquant, Loic (2000): Schöne neue Begriffswelt. Le Monde diplomatique, 12.05.2000.
3. Bourdieu, Pierre (2004): Der Staatsadel. Konstanz: UVK.
4. Bourdieu, Pierre et. al (1997): Das Elend der Welt. Zeugnisse und Diagnosen alltäglichen Leidens an der Gesellschaft. Konstanz: UVK.
5. Castel, Robert (2011): Die Krise der Arbeit. Neue Unsicherheiten und die Zukunft des Individuums. Hamburg: Hamburger Edition.
6. Ehrenberg, Alain (2011): Das Unbehagen der Gesellschaft. Berlin: Suhrkamp.
7. Foucault, Michel: Überwachen und Strafen (1994). Frankfurt am Main: Suhrkamp.
8. Häni, Daniel / Schmidt, Enno (2008): Grundeinkommen. <http://www.forum-grundeinkommen.de/filme-bge/grundeinkommen-filmessay-daniel-haeni-enno-schmidt>.
9. IFR Statistical Department (2014): World Robotics - Industrial Robots 2014.
10. http://www.worldrobotics.org/uploads/media/Executive_Summary_WR_2014_02.pdf
11. Jung, Alexander / Schulz, Thomas (2015): Der Maschinen-Schwarm. SPIEGEL 10/2015.
12. Lyotard, Jean-Francois (1979): Das postmoderne Wissen. Wien: Passagen.
13. Schultheis, Franz/Schulz, Kristina (Hrsg.) (2005): Gesellschaft mit begrenzter Haftung. Zumutungen und Leiden im deutschen Alltag. Konstanz: UVK.
14. Schultheis, Franz/Vogel, Berthold/Gemperle, Michael (Hrsg.) (2010): Ein halbes Leben. Biografische Zeugnisse aus einer Arbeitswelt im Umbruch. Konstanz: UVK.
15. Wacquant, Loic / Bourdieu, Pierre (1992): An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: The University of Chicago Press.

Кризис в сфере занятости или кризис занятых

Employment Crisis or Crisis of Employment

Получено 22.05.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 331.526

DOI: 10.12737/13548

ХЕРРМАНН П.

доктор философии (Берлин, Германия).
105043, Россия, Москва, 4-я Парковая улица, 29
E-mail: herrmann@esosc.eu

HERRMANN P.

Dr. phil (Bremen, Germany). Studies in Sociology (Bielefeld, Germany), Economics (Hamburg, Germany), Political Science (Leipzig, Germany) and Social Policy and Philosophy (Bremen, Germany)
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: herrmann@esosc.eu

Аннотация

То, что мы сталкиваемся с кризисом занятости, не подлежит сомнению, и в равной степени, бесспорно, что мы стоим перед лицом простой необходимости «создания рабочих мест». Также несомненно то, что мы нуждаемся во взгляде на проблемы занятости как на предмет «социального обеспечения». Однако рассмотренные прекаризации в контексте общего политико-экономического развития национальной и глобальной экономики настоятельно требуют от нас переключить внимание на понимание кризиса как одной из макроэкономической модели, которая заложена в занятости. В этом свете, в данной статье предлагаются в общих чертах некоторые соображения по важнейшим изменениям в экономике.

Ключевые слова: занятость, кризис занятости, последствия, создание рабочих мест, социальное обеспечение, прекаризация, макроэкономическая модель, национальная экономика, глобальная экономика, политико-экономическое развитие, важнейшие изменения.

Abstract

That we are facing an employment crisis cannot be doubted — and it is equally unquestionable that we are confronted with the simple necessity of ‘creating jobs’. It is also without any doubt that we need to look at employment issues as matter of ‘social security’. However, looking at precarity in the context of the overall political-economic development of national and global economy, urges us to shift attention towards understanding the crisis as one of a macro-economic model that is founded in employment. In this light, the presentation will outline some considerations on major changes.

Keywords: employment, employment crisis, consequences, creating jobs, social security, precarity, a macroeconomic model, national economy, global economy, political- economy development, major changes.

Introduction

The crisis, approaching slowly but surely its tenth anniversary, highlighted another time the severe and manifest negative consequences of the lack of employment on people's and peoples' lives. Talking about people's and peoples' lives means that we are facing a problem that concerns nation states and the citizens alike. It has to be added that the problems are really social problems, not just having devastating consequences for the socio-economic dimension of life but for the entirety of the social as matter of the production and reproduction of daily life. At least in capitalist societies, the entire social fabric had been established on employment as fundamental pillar, being foundation of all dimensions of the social which are outlined according to the social quality theory along the following lines.

However, one of the major problems is that employment itself lost very much its function as a hinge — though it may be asked to which extent such function existed before, it is surely increasingly questionable to see society today as societies based in employment. Both, socio-economic security and inclusion in the widest understanding as well as societal wealth and soci(et)al integrity can be seen as matters linked to employment.

With the discussion of these changes we are facing various topics that are inherent part of the supposed shifts.

(i) The question of generating societal values and actually the definition of what is valuable is at the centre of the debate.

(ii) Though the relevance of the mainstream argument of an increasing commodification and marketisation cannot be denied, we should not overlook a hidden de-marketisation — the existence of a functioning market had been contested for a long time, not least as matter of concentration, centralisation and an ongoing accumulation by dispossession. However, it may be asked if we reached already a new stage, furthering the shift from market society to market economy to a new pattern which may be called socialised market entity, the market standing for a space of generalised exchange, going beyond commodity exchange. This is the answer to an emerging need to cope with long chains of interdependence.

(iii) This means as well that we have to revisit the concept of employment being the central building block — the concepts of labour and work need to be revisited.

(iv) Another issue is to revisit in this context the regulation mechanisms, taking a wide approach.

Constitutional, Conditional and Normative Factors

	Constitutional Factors	Conditional Factors	Normative Factors
Showing	Processes	Opportunities & Contingencies	Orientation
Factors	Personal (Human) Security Social Recognition Social Responsiveness Personal (Human) Capacity	Socio-Economic Security Social Cohesion Social Inclusion Social Empowerment	Social Justice (Equity) Solidarity Equal Valuation Human Dignity
Main Determinants	Each factor is an outcome of processes concerning the formation of a diversity of collective identities, strongly influenced by the interplay of processes of self-realisation across two main tensions and therefore also situated in one part of the quadrangle of the conditional factors.	Each factor is mainly influenced by aspects of the interaction between the two main tensions and is, therefore, especially situated in one part of the quadrangle of the constitutional.	Each factor is influenced by the dialectic relationship between conditional and constitutional factors and is therefore providing a thread, welding the different factors together.

1. Overview: Dimensions of the Social

Opening such perspective has to look at both, the blunt regulatory mechanisms — in the present case the mechanisms of providing welfare and social security are of special interest. But equally important are the underlying systems of hegemony including the determination of human identity. In a nutshell this may be defined as taking up the Weberian discussion about the protestant work ethics (Weber, 1904/05), which had always been discussed in particular in contradistinction to the catholic attitude, concerned with rules of the sacrament as prior to the secular requirements of performance. Indeed, the question is if we have another overall shift that we may see as move to a radical secularisation, concerned with self-realisation.

Consequently the presentation provides only a framework and proposal — and major empirical research should follow. One of the foremost issues will then be about dealing with the asynchrony of the development in respect of at least the segments of the world system,¹ sectors and the social strata.²

Towards a New Soci(et)al Contract

Though the idea of social contracts in the strict sense emerged somewhat late in history — especially with the work of Thomas Hobbes; however, the fact of societies being based in some form of consensus and hegemonic rule can be taken as something that exists as general pattern of societal organisation though the form of a contract or treaty/treatise emerged in the strict sense logically only with enlightenment,

¹ We all know that globalisation does by no mean means 'equalisation' — the standards of measurement may converge, but that is in many cases all and far from being the most meaningful, actually more a matter of marking difference, allowing to metaphorically indicate the difference between Big Mac's residence (see e.g. <http://www.economist.com/content/big-mac-index>; 21/03/15)

² stratification and class still and increasingly matter

and the pillars of (i) individuals being responsible for what they are doing, (ii) societies being to a large extent made up of equals, (iii) the relations being defined by strict rules, laid down in legal provisions and (iv) the control of the constitutional process itself by legal norms. At the moment it is not relevant if these principles are factually adhered to. However, it is important to recognise that despite all legality, the thus defined relations are based in hegemonic relations which are a reflection of a complex interplay of accumulation regime, understood in a wide sense as realisation of value, living regime as matter of translating the opportunities into mechanisms of individual reproduction, mode of regulation, understood as regulative and ideological hegemonic system backing the accumulation regime and mode of life as matter of possible life style, reflecting societal conditions and individual options (see in this context Aglietta, 1976; Lipietz, 1986). The decisive shift can be seen in the fact of 'men taking responsible over'. If we limit the reference to the period from the beginning of industrial capitalism, we can refer to the two main pillars of employment and commodity production as founding principles. However, this system had been accompanied by a further lengthening of chains of interdependence, bringing the state (as regulator) and also other public institutions (as for instance social insurance) into play, but also allowing exactly in this way the definite commodification and privatisation. However, it had been by and large based in a somewhat closed system, depending on the intermediary connection of production and consumption on the one hand and a balanced relationship of domestic and foreign markets. Though this system has never been entirely stable, it had been at least temporarily secure, meaning as well that it had been providing some stability of the social as it had been outlined earlier with reference to the three dimensions. At the same time this means that there had been frequent ruptures, phases during which that

had been about finding power relationships between the different dimensions and factors of (re-)production; not less important is the fact that the different elements are substantially redefined. Whereas a new balance is more or less a matter of modifying the terms and conditions of the existing contract, the redefinition of the different elements is a matter of changing the contract itself.

Interpreting the current situation in this light, we can highlight the following fundamental challenges:

- the nation state as central dimension of the still existing hegemony is facing a process of dissolution
- employment as cornerstone of the economic system is under threat
- not least as the determinants of economic value, as seen in the labour theory of value, are increasing losing their foundation due to the shifts of the balance of private-public
- which includes the major overhaul of the 'standing' and social meaning of private entrepreneurship
- existing patterns of exclusion (gender, migration) lose fundamentally their legitimacy
- which includes a 'shift of values' though this should properly be seen as a revision of living regimes as response to changed accumulation regimes (see Herrmann, forthcoming).

Admittedly this presents a broad range of changes, traditionally approached by way of under-complex approaches, singling out the individual aspects though the new quality is decisively depending on the fact that we are dealing with new relationalities. This means in very simple terms not least that that a revival of any known contract, as frequently discussed as postulation for a revival of the so-called European Social Model is simply not an option for further discussion.

Elements of Dissolution — Elements of Solution

Some hints had been already given in the brief outline of the previous paragraph. In some respect we may say that all these elements have never been absolutely stable and rigid. It is exactly the concurrence that marks the major turning point. Without going into details of the individual points — namely changing role of nation states, changed character of work/labour, changed determination of value, changed character of entrepreneurship and role of enterprises, changing parameters of inclusion/exclusion and shift of living regimes — we find at the centre stage of the development a dissolution of the market as regulator of the economic sphere.

We may propose as thesis a development of the patterns of social contracts following three stages:

The first stage is characterised as the emergence of capitalist market principles (see the discussion in Frank/Gills (Eds.), 1993). Taking such perspective means not least to acknowledge that capitalism evolved over a long time and germinated

The second stage can be characterised as the penetration of society by the market principles and emergence of the market society, replacing the market economy as 'exchange segment' of society (Polanyi, 1944). In this context it is worthwhile noting that also the various mechanisms of de-commodification, as they had been especially brought into play by Gøsta Esping-Andersen (see Esping-Andersen, 1989 and 1990), had been still fundamentally based in the functioning market-system — though being in some way taken out of the market, they remain dependent on the pre-existence of the market system as such, in fact flanking the market society exactly due to temporarily and/or occasionally loosening the bond.

As third stage we can see the current phase where market principles are formally in place, though in actual fact they are to a large extent and in very different ways suspended under the rule of private monopoly. To be sure, such suspension is not entirely new, on the contrary we find many of the relevant patterns much earlier and perhaps even harsher: today we read frequently about accumulation by dispossession (Harvey, 1982/1999/2006), however the very same fact is already looked at by so diverse economists as Adam Smith (see Smith, 1775: 82, 276) and Karl Marx (Marx, 1887: 704 ff.); the complete or partial expulsion from 'paradise of employment related socio-economic security' within the capitalist market system is reality for a long time and precarity is not a fundamentally new issue though it may well be that the forms changed and these conditions are now widespread, not least reaching into the middle classes (see Castel, 1995; Herrmann/Bobkov/Csoba [eds.], 2104; Hepp [ed.]. 2009); the dissolution of democratic and legal rules appear to be new phenomena, though it is surely wrong to look at previous times by way of understanding them as monolithic national bastions of democratic rules and legal rights (see for instance Herrmann, 2010/2012).

Still, it would be wrong to stop here and accept the current situation as representing the end of history. In actual fact we find various patterns of the dissolution of the capitalist economy not only by way of austerity and retrenchment but also by way of the search for new and sustainable ways. Major issues are at least (i) an implicit search for overall sustainability, (ii) the ventilation of new values and valuations, (iii) the need for new mechanisms of regulation and (iv) the need for global equity — these issues are not emerging as matter of new value systems but as requirements and opportunities emerging from the given developmental

Tabel n.2

Tension of Power and Appropriation

		appropriation	
		property	adequacy
power	control		
	empowerment		

stage of the socio-productive forces. And as such they are characterised by extreme tensions and fights — including international wars and oppressive rules.

Of course, this stands strongly against the contemporary overwhelming dominance and further progress of the economisation. However, we should actually be more circumspect when it comes to characterising these processes. Privatisation, commodification, marketisation, managerialisation are main features frequently referred to when analysing the current state of capitalism (Herrmann, 2011). Of course, there are various definitions of capitalism, and various ways choose the reference point for any of them. For instance one could also refer to a reference points as for instance aims of productivity, profitability, effectiveness and manageability/accountability. Two points are of major importance for the current considerations: First, there is no societal formation that stands in a pure form — we may apply Max Weber’s notion of the ideal type, though not seeing it as idealist construct; instead, the more likely reading of Weber suggests that it is about a set of elements in an undisturbed combination which in reality does not exist due to imbalances in internally and externally defined power relations.

Having mentioned accumulation regime, living regime, mode of regulation, and mode of life as matter of possible life style and taking them in a wider understanding, not limiting accumulation to the process of capital accumulation but relating it to the general process of generating value, we arrive at another scheme which provides a useful point of reference, namely the concern of praxis with appropriation and power, characterised in a non-linear way. Appropriateness is about

- ‘availing of property’ and
 - adequacy.
- On the other hand, power is about
- generating and maintaining propriety on the one hand and
 - the execution of control on the other hand.
- Important is to note that the momentum of control has itself again two dimensions, namely
- contestable legitimacy (‘control of the system’) and
 - empowerment in terms of developing capabilities (‘control of the own life and development’).

The following puts this into a schematic presentation:

We can take this as reference point and link it to one of the tensions highlighted by the social quality approach, namely the tension between biographical an societal development (see Beck/van der Maesen/Walker, 2012). One of the issues that needs further elaboration is the twofold character of the tension. On the one hand we face the tension between the two poles; on the other hand there is a tension within

each of the poles, namely due to the fact that the development of each is on the one hand a win-win-game, i.e. the development is positively influenced by the development of the other pole, on the other hand it is a zero-sum-game, i.e. the development is a matter that follows the rule of competitive exclusion. This is just another formulation of the interplay of property-adequacy and as well the interplay of control-empowerment. It is important to emphasise that this generalised process of balancing is concerned with the generation of value as multiple process — this can easily be shown when we look at individual processes, e.g. the fact that wages are on the one hand cost factors for enterprises, on the other hand purchasing power for their products. Most pronounced examples for this tension are club goods, public goods and common goods, different constellations of production and/or consumption depending on some kind of immediate social (re-)productive interaction. Such approach allows not least defining in a clearer way the antagonist character of social relations in a historical perspective, highlighting the diverse tensions within the larger clusters.

We are dealing with the fact that on the one hand societies are increasingly inclusive, i.e. more people are as individuals obtaining citizen status, at the same time the status of the citizen is increasingly limited as the sovereignty shifts factually away from the individual and is transferred to the ‘socialised I’, as such an abstract instance. — This had been proposed by Norbert Elias as matter of sociogenetic and psychogenetic development (see Elias, 1939). One has to resist the temptation to discuss this as matter of quantitative reversal. Instead, we are dealing with a qualitative shift that in actual fact reverses the relationship. This may well be seen as one aspect of the definition of work in relation to the dimensions of self-determination and self-realisation versus heteronomy and alienation.

Work, Labour or Praxis

Indeed, '[t]he English language has the advantage of possessing different words for the two aspects of labour here considered. The labour which creates Use Value, and counts qualitatively, is Work, as distinguished from Labour; that which creates Value and counts quantitatively, is Labour as distinguished from Work.' (Marx, 1887: op.cit.: 57).

This characterises activities in terms of a relation to nature — as immediate part of the interaction with nature — and as matter of a social relationship. Though we can take this analytically as distinct issue, we have to see it as well as an entity of mutual determination. It is decisive to recognise that the dual character of labour power is actually a multiple one. Beyond humans engaging with nature and individuals engaging with others there are at least the following dimensions: the production of use value and the production of exchange value; the value generating and the value-draining character; finally the production of goods and services and the production of the producer. The current stage of historical development is exactly at the stage of such a developmental shift of redefining work and labour. In the heading of this section praxis had been added as it allows adding a qualitative moment: earlier, the characterisation spanned from use value and exchange value; however, using praxis as an intermittent allows referring to a new redefinition of value, i.e. reassessing the question of what is seen as socially valuable activity. Inherent in such shift is the development of a new foundation of valuation. With this general outline, this presentation will end with (i) establishing a brief link between social valuing (what is valuable) and valuation (how is it assessed and recognised) and the historical/formational stages and then (ii) discussing briefly the shift we see currently especially in connection with precarity.

(i) Stages of Valuing and Valuation

Whereas the emergence of capitalism and its development is economically very much a matter of a shift from use value to exchange value, and further an increasing length of the mediation,³ this is linked to the sociological process of civilisation in the interpretation by Norbert Elias. There we find increasingly long chains of interdependence as a core moment of the process (see Elias, 1939). A major challenge, dealing with the process of socialisation is its dual character: the lengthening of chains of interdependence means an increasing de-substantialisation — in sociology and also in political economy it is discussed as alienation, characterised by stating that '[t]he worker therefore only feels himself outside his work, and in his work

feels outside himself. He feels at home when he is not working, and when he is working he does not feel at home.' (Marx, 1844: 274)

Earlier, four stages of development had been outlined, namely the emerging capitalist market principle, the penetration of the market principle and its emergence as dominant principle in the market society, the factual suspension of market principles under the hegemonic ruling of private monopoly and the enhanced socialisation. Also mentioned had been the ongoing accumulation by dispossession. Inherent in both processes a tension between the increasing number of people and the increasing substantial range of activities and items that is subdued by the principle of economic calculability on the one hand (the dimensions of inequality of control and property) and an increasing inclusion (as matter of accessibility, empowerment and appropriateness) on the other hand.

(ii) Precarity — Searching for a New Mode of Accumulation

An accumulation regime can be characterised as coherent correspondence between generating value and consumption, linking the conditions of general socio-economic production and the reproduction of the population. The present definition is very much paraphrasing the definition given by Alain Lipietz (see Lipietz, op.cit.: 19), but goes beyond by generalising it, instead of applying it only to the capitalist formation. The decisive aspect is the coherence at a certain moment in time; subsequently

not all systems of accumulation are possible. At the same time, the mere possibility of a regime is inadequate to account for its existence since there is no necessity for the whole set of individual capitals and agents to behave according to its structure.

(*ibid.*: 19)

In this light it is important to look at employment — and in particular precarity — at the current phase not only in terms of changing patterns of the workforce: there we find simply a dissolution of the known structures of societally recognised labour and with this the dissolution of societally established mechanisms of socio-economic security. In short — and showing the negativity of this pattern: in OECD-countries it had been reasonably well captured as normal working day (it had been about 40 hours per week) of a normal working life (a general approximate value is 40 to 45 years), providing a stable income, allowing securitisation during non-working times via derived social benefits (as sick-pay, unemployment benefit, special allowances, old-age pension ...). One can also say that within this normality the work dimension actually played a subordinated role — on the labour market as on the commodity markets the exchange value had been more important than the use value.

³ in the extreme case the emerging dominance of the financial sector, pushing commodity production and exchange to the backstage (see in this context Huffschnid, 2008).

It had been emphasised earlier that the dual character of the labour power is a multiple one — and the process of accumulation is as such permanently caught in the tension that the balancing of the contradicting dimensions is necessary for the sake of its own survival.

One of the most pronounced mechanisms is the process of technological change and rationalisation — the work on long waves, notably connected with Nicolai Kondratiev (Kondratiev, 1926) and Joseph Schumpeter (Schumpeter, 1942), provides a major input for the interpretation on a macro scale. The settlements on a new stage are not simply about finding a new level on which the same pattern of the previous stage can be reproduced. The creative destruction and the ‘Schumpeterian entrepreneur’ are not least about a qualitative shift.

Looking in this light at work/labour issues can open some new perspectives — by no means denying the problematic side, we have to look seriously at the outlined process of socialisation and recognise the positive moments that are germinating in the present formation (see in this context Bloch, 1959: 258-288). The following tries to outline some of the elementary forms, referring to the crisis of the modèle anthroponomique (cf. Boccara, 2010) on the one side and to the resources of civilisation on the other hand — only few elements can be outlined. The presentation follows the dialectical principle of viewing the ‘opening’ of structures, the closure in terms of the destabilisation of an existing balance and the options for a stabilisation on a higher level.

Tabel n.3

Changes of the Hegemony of Employment Societies*

	Opening	Closure	Escape
1	Rationalisation and automatisisation reaching levels of complete replacement of ongoing need for human input (perpetuum-mobile-like, self-referential systems)	Displacement of variable capital from the process of value generation	Production of value beyond commodity production — humanisation and shortening of labour
2	Dissolution of the nation state as point of reference and stronghold of societal integration I: Suspension of separation of power as it had been founding modern democracy	Governance and stakeholder principles as mechanisms of concentration of power based on economic strength	Consumption as productive process that fosters spaces for civic rights xzy
3	Accumulation of private wealth beyond the possibility of private (productive or consumptive) realisation	Increasing inequality with the tendency to widened absolute exclusion	Distribution of wealth within socialised paradigms
4	Extended requirements and provisions of education	Caught in the tension between skills training on the one hand and learning to understand and deal with complex relationships	Exchange as free, creative, participatory and solidaristic praxis, independent of processes of generating economic values
5	Individualisation as matter of increasing responsibility and control of social processes (with the different dimensions) by citizens	Erosion of citizenry and hyper-individualisation/individualist isolationism	Emergence of self-confident, socially responsible actors as matter of a new dimension of production
6	Tension of inclusion-exclusion, not least emerging from ‘new claimants’	Radical and absolute exclusion, dismantling of social security systems	Emerging citizenry independent of formal belonging as matter of new forms of consumption
7	Dissolution of the nation state as point of reference stronghold of societal integration II: Internationalisation of regulatory mechanisms	Legitimation crises of the political systems with increasing civil protests, abstention and civic resignation but also statutory non-compliance for instance as form of nationalist movements, religious fundamentalism, re-regionalisation	Space for an emerging glocal citizenry as framework for new forms of distribution
8	Dissolution of the nation state as point of reference stronghold of societal integration III: Privatisation of power	Establishment of new global hegemonies that enforce a globally harmonised accumulation and living regime, including the explicit utilisation of centre-periphery inequalities (“austerity policies”)	Re-conceptualisation of the public and the private also as re-emergence of commons as new framework of and for exchange

* see in this context Marx 1857 where he elaborates on the entity of production, consumption, distribution and exchange.

References

1. Aglietta, Michel, 1976: A Theory of Capitalist Regulation; London: Verso.

2. Beck, Wolfgang/van der Maesen, Laurent/Walker, Alan, 2012: Theoretical Foundations; in: Social Quality. From Theory to Indicators; Laurent J.G. van der Maesen/ Alan Walker (eds.); Houndsmills/New York: Palgrave MacMillan; 44-69.

3. Bloch, Ernst, 1959: Prinzip Hoffnung; Frankfurt/M: Suhrkamp [written in 1938-1947; reviewed 1953 and 1959].

4. Boccara, Paul, 2010: La crise systémique: une crise de civilisation. Ses perspectives pour avancer vers une nouvelle civilisation; note de la Fondation Gabriel Péri.
5. Castel, Robert, 1995: Les Métamorphoses de la Question Sociale. Une Chronique du Salarial; Paris: Librairie Arthème Fayard.
6. Elias, Norbert, 1939: On the Process of Civilisation. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Translated by Edmund Jephcott, with some note and corrections by the author; Collected Works of Norbert Elias. Edited by Stephen Mennell, Eric Dunning, Johan Goudsblom and Richard Kilminster; Volume 3 Dublin: University College Dublin Press, 2012.
7. Esping-Andersen, Gøsta, 1989: The Three Political Economies of the Welfare State; in: Canadian Review of Sociology and Anthropology; 26, 1: 10-36.
8. Esping-Andersen, Gøsta, 1990: The Tree Worlds of Welfare Capitalism; Princeton University Press.
9. Frank, André Gunder; Gills, Barry K. (Eds.), 1993: The World System. Five Hundred Years or Five Thousand; London/New York: Routledge..
10. Harvey, David, 1982/1999/2006: Limits to Capital; London/Brooklyn, Verso.
11. Hepp, Rolf (ed.), 2009: The Fragilisation of Socio-structural Components/Die Fragilisierung soziostruktureller Komponenten; Bremen: Europäische Hochschulschriften.
12. Herrmann, Peter, 2010/2012: Prolegomena. Encore Citizenship – Revisiting or Redefining?; in: Herrmann, Peter (ed.): World's New Princedoms. Critical Remarks on Claimed Alternatives by New Life; Amsterdam: Rozenberg Publishers; Bremen/Oxford: academicpress: 17-76.
13. Herrmann, Peter, 2011: The End of Social Services? Economisation and Managerialism; Bremen: Europaeischer Hochschulverlag, 2011.
14. Herrmann, Peter, forthcoming: Developing a Social Quality Perspective in relation to the Debates on Ethical Economy and De-Growth.
15. Herrmann, Peter/Bobkov, Viacheslav/Csoba, Judit (eds.), 2104: Labour Market and Precarity of Employment: Theoretical Reflections and Empirical Data from Hungary and Russia; Vienna: WVFS.
16. Huffschnid, Jörg, 2008: The Impact of Finance on the European Social Models. Paper for the Transform conference in Stockholm, 13./14. June, 2008; http://www-user.uni-bremen.de/huffschnid/docs2009/Impact_Finance_and_ESM_Stockholm2008.pdf; 21/03/15.
17. Kondratiev, Nicolai D.: 1926; Long Cycles of Economic Conjuncture; in: Kondratiev, Nicolai D.: The Works of Nicolai D. Kondratiev. Volume 1: Economic Statics, Dynamics and Conjuncture; London: Pickering&Chatto, 1998: 25-63.
18. Lipietz, Alain, 1986: New Tendencies in the International Division of Labor: Regimes of Accumulation and Modes of Regulation; in: Scott, Allen J.; Storper, Michael (eds.): Production, Work, Territory. The Geographical Anatomy of Industrial Capitalism; Boston/London/Sydney: Allen&Unwin; 16-40.
19. Marx, Karl, 1844: Economic and Philosophical Manuscripts; in: Karl Marx Frederick Engels. Collected Works Volume 3: Marx and Engels 1843-1844; London: Lawrence&Wishart, 1975: 229-346.
20. Marx, Karl, 1857: Economic Manuscripts of 1957-58 (First Version of Capital). Introduction; in: Karl Marx. Frederick Engels. Collected Works. Volume 28; London: Lawrence&Wishart, 1986; 17-48.
21. Marx, Karl, 1887: Capital, Volume I [German first edition 1867]; in: Karl Marx. Frederick Engels. Collected Works. Volume 35; London: Lawrence & Wishart, 1996.
22. Polanyi, Karl, 1944: The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time; Boston: Beacon Press, 1957.
23. Schumpeter, Joseph A., 1942: Capitalism, Socialism, and Democracy; Harper, New York/London.
24. Smith, Adam, 1775: An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol I; Ed. by R.H. Campbell/A.S. Skinner. Textual Editor W.B. Todd; Indianapolis: Liberty fund, 1981 [photographic reproduction of the edition published by Oxford University Press 1976 – The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith].
25. Weber, Max [1904/05]: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Translated by Talcott Parsons; with a foreword by R.H. Tawney; London: Unwin 1930.

Льготы в районах Крайнего Севера: сохранить нельзя отменить¹

Facilities in the Russian Far North: to Be, or not to Be

Получено 15.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 332.142.2 (470+571)

DOI: 10.12737/13549

ЕЛИЗАРОВ В.В.

канд. экон. наук, руководитель Центра по изучению народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, экономический факультет, комн. 452
E-mail: elizarovvv@gmail.com

YELIZAROV V.V.

Ph.D. in Economics, Head of the Centre for Population Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Room 452, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1/46 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: elizarovvv@gmail.com

ДМИТРИЕВ Р.В.

канд. геогр. наук, науч. сотр. Центра по изучению народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, экономический факультет, комн. 452
E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

DMITRIYEV R.V.

Ph.D. in Geography, Researcher of the Centre for Population Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Room 458, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1/46 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

ЕФРЕМОВ И.А.

аспирант кафедры демографии НИУ ВШЭ
109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, комн. 403
мл. науч. сотр. Международной лаборатории политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84, к. 3, комн. 2303
E-mail: igorefremovnv@ya.ru

YEFREMOV I.A.

Postgraduate Student of the Department of Demography, Institute of Demography, Higher School of Economics (National Research University); Room 403, 3 Bol'shoy Tryokhsvyatitel'skiy Pereulok, Moscow 109028, Russian Federation;
Junior Research Worker of the International Laboratory of Political Demography and Macrosociological Dynamics, RANEPS, office 2303, 84/3 Prospect Vernadskogo Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: igorefremovnv@ya.ru

Аннотация

Объект исследования – население районов Крайнего Севера Российской Федерации и приравненных к ним территорий. **Предмет исследования** – система районных коэффициентов и «северных» надбавок, применяемых в пределах указанных административно-территориальных образований. **Теоретическая сторона предмета** – совокупность подходов, используемых при определении необходимого уровня компенсации физиологических и экономических затрат населения, проживающего в пределах различных географических районов. **Эмпирическая сторона предмета** – совокупность показателей за 2000–2014 гг., характеризующих воспроизводство населения и условия жизни в районах Крайнего Севера РФ. **Цель работы** – обоснование необходимости и возможности модернизации механизма функционирования системы территориальных льгот с учетом исторических особенностей и современных экономических и демографических тенденций.

Основные теоретические и эмпирические положения статьи:

1) введение северных надбавок преследовало несколько целей: во-первых, компенсировать тяжелые условия жизни (в первую очередь природно-климатические) в пределах Крайнего Севера, во-вторых, компенсировать большие расходы на продукты питания, товары и транспорт, в-третьих, стимулировать приток квалифицированной рабочей силы из других регионов страны;

Abstract

The Object of the Study is the regions of the Russian Far North and its equivalent areas (hereinafter the Russian Far North).

The Subject of the Study is the system of regional wage coefficients and northern allowances applicable within their boundaries. The theoretical aspect of the subject – approaches for the determination of physiological and economic costs for required living standards in the Russian Far North. The empirical side of the subject – indices describing the living conditions in the Russian Far North.

The Purpose of the Study is to substantiate a structure and functioning mechanism of territorial benefits taking into account the historical features and contemporary economic and demographic trends.

Basic Theoretical and Empirical Theses:

- 1) introducing northern benefits had for its objects firstly, to compensate for difficult local conditions (primarily climatic) and secondly to encourage labour inflows from other regions of the USSR;
- 2) the system of northern allowances initially intended to compensate for difficult living conditions, whereas the regional wage coefficients had a function of difficult working conditions compensation;
- 3) the cancellation of these benefits could lead to a significant decline in the standard of living in the Russian Far North, especially its non-raw-material regions;

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения».

2) система надбавок изначально предполагала компенсацию именно тяжелых условий проживания, в то время как районные коэффициенты несли в первую очередь компенсационную функцию по отношению к условиям труда;

3) возможная отмена указанных льгот повлечет существенное снижение показателей уровня жизни населения районов Крайнего Севера, особенно его «несырневых» субъектов;

4) для модернизации сложившейся системы льгот необходим тщательный анализ природных условий и ресурсов регионов РФ с возможным выходом на уточнение или изменение границ зоны Крайнего Севера (при активном участии как экономико-географов, так и демографов и специалистов по уровню жизни и социальной политике). Для этого, помимо прочего, необходима актуализация информации социально-экономического характера об анклавных территориях внутри Крайнего Севера, для которых, согласно существующей схеме, характерны повышенные значения коэффициентов и надбавок;

5) модернизация системы «бонусных» показателей может иметь в качестве фундамента единый коэффициент, который будет учитывать одновременно и условия жизни, и условия труда населения указанных территорий, не теряя при этом функций компенсации более дорогой жизни и стимулирования миграции в труднедостаточные регионы.

Ключевые слова: районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории, уровень жизни населения, динамика численности населения, региональная демографическая политика, территориальные льготы, районный коэффициент, «северная» надбавка, средняя заработная плата, прожиточный минимум, рождаемость, продолжительность жизни.

В последнее время все чаще стали звучать призывы к реформированию сложившейся еще в советское время системы территориальных и профессиональных льгот, приданию им более адресного характера, с учетом реальной нуждаемости.

К ним относятся и так называемые северные льготы: районные коэффициенты, надбавки, пенсионные и транспортные льготы и т.п. Так, министр труда и социальной защиты РФ М.А. Топилин в одном из выступлений заявил, что «...если работодатель в Магадане платит работнику достойную зарплату, почему он должен вычленять из этой суммы надбавку, отдельной строкой ее прописывать? Это лишняя нагрузка на бухгалтерию» (цит. по [1]). Оппонентом Минтрудсоцзащиты выступила Федерация независимых профсоюзов России, глава которой, М.В. Шмаков, заявил, что «...отмена северных надбавок снижает социальную защищенность людей, живущих в такой местности» [Там же].

В территориальном отношении речь идет о так называемых районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (далее — районы КС). Главной задачей их развития, как в советский период, так и в современной РФ, было и остается освоение богатых природных ресурсов, что требует значительных финансовых вложений. Последние при этом должны «направляться» как, собственно, в процесс освоения (в самом широком

4) it is necessary to analyze in detail natural conditions and resources of the Russian regions for renovating the existing benefit system and probable changes in the Russian Far North boundaries (with the active participation of both economic geographers and demographers and experts on living standards and social policy). For this reason we need, among other things, to update the socioeconomic information on the higher benefit rated enclaves within the Russian Far North territories;

5) the new scheme of "bonus" indicators may have a unified coefficient as a foundation. It will take into account both living and working conditions of the population without losing the functions of more expensive living compensation and encouragement of immigration.

Keywords: regions of the Russian Far North and its equivalent areas, the standard of living of the population, population dynamics of the regional population policies, territorial benefits, a district coefficient, a «Severnaya» allowance, average wages, the subsistence minimum, fertility, life expectancy.

понимании этого слова), так и в обеспечение нормальных условий жизни осваивающего (или осваивавшего) данные ресурсы населения (как коренного, так и присоединившегося в результате миграции), условий жизни, адекватных социально-экономическим и природно-климатическим особенностям указанных территорий.

О важности этой проблемы свидетельствует поручение Правительства Российской Федерации подготовить проекты постановлений Правительства РФ «О размерах районных коэффициентов и порядке их применения для расчета заработной платы работников организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и «О размерах процентных надбавок за стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и порядке их применения для расчета заработной платы работников организаций, расположенных в указанных районах и местностях».

Проекты были подготовлены Департаментом комплексного анализа и прогнозирования Министерства труда и социальной защиты РФ и доложены в сентябре 2014 г. на заседании Общественного совета при Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации [2]. Обсуждение этого вопроса и проектов постановлений показало, что отсутствует четкое социально-экономическое и правовое понимание не-

обходимости и возможности сохранения системы действующих районных коэффициентов и процентных надбавок за стаж работы в районах Крайнего Севера, системы, сложившейся много десятилетий назад.

По каким критериям относить сегодня те или иные территории к районам Крайнего Севера? По каким критериям приравнивать к ним те или иные местности в отдельных субъектах РФ? Высказывались разные точки зрения: от сохранения действующей системы северных льгот в существующем виде до полного отказа от них или распространения их только на работников бюджетной сферы. Отменить или сохранить? Или модернизировать с учетом нового понимания потребности в такого рода льготах? Оказалось, что с этим вопросом связаны и другие близкие проблемы, например, пенсионные и транспортные льготы, вопросы переезда пенсионеров, закончивших работу в районах Крайнего Севера, в другие регионы России и т.п. Было принято решение дополнительно изучить этот непростой вопрос, привлечь к работе соответствующих экспертов (в том числе специалистов из Минэкономразвития России, занимающихся данной проблематикой), повторно вернуться к рассмотрению отмеченного вопроса [Там же].

На первый взгляд «адресат» финансовых потоков — население — весьма невелик в количественном отношении. Действительно, по состоянию на 1 января 2014 г. в пределах указанных территорий проживало чуть более 10 млн человек [3].

В настоящее время к районам КС и к ним приравненным относятся территории, входящие в состав 24 субъектов РФ. При этом полностью к районам Крайнего Севера относятся только семь: Мурманская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа [4].

Можно выделить регионы, чьи территории полностью включены в перечень районов Крайнего Севера или местностей, приравненных к ним, а также субъекты РФ, в которых к районам КС относятся отдельные города и районы.

Полностью к районам КС относятся территории 13 субъектов РФ: семь вышеупомянутых, а также Республики Карелия, Коми, Тыва, Архангельская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский АО — Югра. В этих регионах проживает 7,9 млн человек, или 78,5% от всей численности населения районов Крайнего Севера (табл. 1).

К районам КС относятся отдельные города и районы 11 субъектов: Республик Алтай и Бурятия, Забайкальского, Красноярского, Пермского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Ир-

кутской, Томской и Тюменской областей. В этих регионах проживает менее 2,2 млн человек, или 21,5% от всей численности населения районов Крайнего Севера (рис. 1).

В целом районы КС занимают ныне около 2/3 территории РФ (рис.1), а средняя плотность населения Крайнего Севера составляет менее 1 человек/км².

Крупнейшие из субъектов Крайнего Севера — ХМАО с населением 1,6 млн человек, Архангельская область с населением 1,2 млн человек, Республика Саха (Якутия) с населением около 1 млн человек (табл. 1). Известную трудность здесь составляет территориальная неоднородность населения Крайнего Севера: 53% населения проживает в пяти (Ханты-Мансийский автономный округ, Архангельская область, Республики Саха (Якутия) и Коми, Мурманская область) из двадцати четырех субъектов РФ, образующих Крайний Север.

Численность населения, проживающего в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в первые полтора десятилетия XXI в. неуклонно снижалась, исключение составили Республики Тыва и Алтай, Ненецкий АО, ХМАО-Югра и Ямало-Ненецкий АО. Наибольший прирост численности населения отмечался в ХМАО-Югра (около 15,5%).

Основой роста населения этих регионов был устойчивый естественный прирост, превышение рождаемости над смертностью (табл. 2). Наибольший естественный прирост в последние годы отмечен в приравненных к районам Крайнего Севера двух муниципальных районах Республики Алтай (более 20%), а также в Республике Тыва (более 15%), ХМАО-Югра и ЯНАО (более 11%).

Наибольшая убыль отмечена на территории, являющейся частью Пермского края (-26,65%), а также в Магаданской области (-22,49%). В других регионах Крайнего Севера, терявших население, убыль также велика — от 10 до 20%. Это относится и к территориям Сибири и Дальнего Востока, и к Архангельской и Мурманской областям. Но причины такой большой убыли не в соотношении смертности и рождаемости, а в миграционном оттоке.

Хотя и со смертностью в части районов КС далеко не все благополучно. Более того, регионы с самыми худшими в России показателями ожидаемой продолжительности жизни — Чукотский АО и Республика Тыва. В десятке худших в РФ по этому показателю Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Республики Алтай и Бурятия [6, с. 99–104].

В настоящее время для 10 млн человек, проживающих на Крайнем Севере, предусмотрены

Таблица 1

Динамика численности постоянного населения, проживающего в районах Крайнего Севера и приравненных к ним на 1 января; тыс. человек

	Год			Изменение за период (в %)		
	2001	2010	2014	2014–2001	2010–2001	2014–2010
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	10962,1	10511,6	10039,1	-8,42	-4,11	-4,50
Территории, полностью относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям	8386,5	8140,8	7884,4	-5,99	-2,93	-3,15
в том числе:						
Республика Карелия	728,8	684,2	634,4	-12,95	-6,12	-7,28
Республика Коми	1042,9	951,2	872,0	-16,39	-8,79	-8,33
Республика Саха (Якутия)	957,5	949,3	954,8	-0,28	-0,86	0,58
Республика Тыва	305,7	317,0	311,7	1,96	3,70	-1,67
Камчатский край	366,4	342,3	319,9	-12,69	-6,58	-6,54
Архангельская область	1369,1	1254,4	1191,8	-12,95	-8,38	-4,99
в том числе:						
Ненецкий авт. округ	40,9	42,3	43,0	5,13	3,42	1,65
Архангельская область без авт. округа	1328,2	1212,1	1148,8	-13,51	-8,74	-5,22
Магаданская область	193,9	161,2	150,3	-22,49	-16,86	-6,76
Мурманская область	922,9	836,7	771,1	-16,45	-9,34	-7,84
Сахалинская область	560,1	510,8	491,0	-12,34	-8,80	-3,88
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	1383,4	1538,6	1597,2	15,45	11,22	3,81
Ямало-Ненецкий авт. округ	498,3	546,5	539,7	8,31	9,67	-1,24
Чукотский авт. округ	57,5	48,6	50,5	-12,17	-15,48	3,91
Территории, частично относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям	2575,6	2370,8	2154,7	-16,34	-7,95	-9,12
в том числе:						
Республика Алтай	28,7	31,5	29,9	4,18	9,76	-5,08
Республика Бурятия	119,4	110,8	100,1	-16,16	-7,20	-9,66
Забайкальский край	26,6	25,1	21,9	-17,67	-5,64	-12,75
Красноярский край	540,1	489,1	448,1	-17,03	-9,44	-8,38
Пермский край	40,9	35,8	30,0	-26,65	-12,47	-16,20
Приморский край	125,9	115,2	104,1	-17,32	-8,50	-9,64
Хабаровский край	643,8	597,5	539,9	-16,14	-7,19	-9,64
Амурская область	121,0	111,1	99,9	-17,44	-8,18	-10,08
Иркутская область	671,7	617,0	562,6	-16,24	-8,14	-8,82
Томская область	238,1	218,1	198,8	-16,51	-8,40	-8,85
Тюменская область (включая автономные округа)	1901,1	2104,7	2156,3	13,42	10,71	2,45
в том числе:						
Тюменская область без авт. округов	19,4	19,6	19,4	0,00	1,03	-1,02

Примечание. Цветом выделены показатели в регионах с ростом численности населения.
Источник: [3]

различные виды льгот. Наиболее бурному обсуждению подвергаются в первую очередь те из них, которые связаны с размером районных коэффициентов и надбавок к заработной плате работников бюджетной сферы.

Исторически первым стимулом развития районов Крайнего Севера стало введение северных надбавок. Фундаментом послужили некоторые

нормативные акты 20-х гг. прошлого века. В то же время стоит отметить, что первоначально «льготные» территории включали в себя не только Север. Так, декрет от 1923 г. «О льготах для командированных на работы в отдаленные местности РСФСР» определяет особые условия труда и его оплаты помимо северных регионов также в некоторых дальневосточных и южных районах

Рис. 1. Районы Крайнего Севера РФ и приравненные к ним местности (на 1 января 2014 г.)

[7]. Как следует из текста документа, основанием для особого выделения территорий служил дефицит квалифицированных кадров в некоторых районах страны. При этом льготы распространялись не на все население регионов, а лишь на соответствующих переселенцев. Перечень территорий, направление на работу в которые гарантировало льготы в соответствии с декретом 1923 г., был значительно шире существующего ныне перечня территорий Крайнего Севера и приравненных к ним территорий РФ. В 1927 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О льготах для работников государственных учреждений и предприятий в отдаленных местностях СССР», которое впервые ввело градацию предоставляемых трудовых льгот в зависимости от климатических показателей. «Отдаленные» территории делились на два «пояса». Современное деление северных территорий России фактически сохраняет такое деление. При этом целью такого определения получателей льгот по-прежнему являлось решение проблемы дефицита кадров. В то же время можно отметить формулировку «особо низкий культурный уровень» в отношении данных территорий. Таким образом, опосредованно признавалась необходимость выравнивания качества жизни либо компенсации его неравенства между регионами по отношению к работникам государственных учреждений. Постановление серьезно ограничивало круг получателей льгот индивидуальными переселенцами (массовые переселения и «призывы» не позволяли иметь льготы), а также географическими характеристиками (на льготы могли

рассчитывать лишь те, кто переселился на достаточно большое расстояние) [8].

Указанные документы имели своим результатом общесоюзное Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР, от 10 мая 1932 г. [9]. Именно эта дата может считаться официальной точкой отсчета государственной «северной» политики. На некоторый срок в течение Великой Отечественной войны система надбавок была отменена, однако восстановлена после войны и существует вплоть до настоящего времени. Крайне важным обстоятельством является то, что введение северных надбавок преследовало две основные цели: во-первых, компенсировать тяжелые условия (в первую очередь климатические) жизни в пределах Крайнего Севера, и, во-вторых, стимулировать приток рабочей силы из других регионов страны. Иными словами, географический фактор справедливо стал основным при разработке концепции северных льгот и районирования Крайнего Севера. Примечательно, что надбавка того или иного работника зависела, во-первых, от стажа его работы на Крайнем Севере (начала выплачиваться по истечении 0,5–1 года работы в зависимости от степени тяжести природных условий территории и увеличивалась каждый год до достижения определенного уровня, но не более 100% заработка), и, во-вторых, от размера заработка (начислялась лишь на его определенную часть). Последнее ограничение было снято в день объявления о прекращении существования СССР, а первое продолжает действовать до сих пор.

Обратим особое внимание, что система надбавок изначально предполагала компенсацию именно

Таблица 2

Коэффициент естественного прироста (+), убыли (-) населения на 1000 человек населения

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	-6,6	-5,9	-3,3	-2,5	-1,8	-1,7	-0,9	-0,0	+0,2
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	-1,8	-1,3	+1,5	+1,7	+2,2	+2,4	+2,8	+3,7	+4,0
Территории, полностью относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям									
Республика Карелия	-7,8	-8,2	-5,3	-5,1	-4,0	-4,1	-2,8	-2,8	-2,7
Республика Коми	-3,5	-4,1	-0,8	-0,5	-0,4	-0,2	+0,7	+1,8	+2,2
Республика Саха (Якутия)	+4,0	+4,1	+6,4	+6,1	+7,0	+7,0	+7,7	+8,5	+8,8
Республика Тыва	+2,3	+5,4	+12,5	+13,9	+14,5	+15,3	+16,5	+15,5	+15,2
Архангельская область	-7,5	-6,3	-2,8	-2,6	-2,1	-2,0	-1,7	-0,8	-0,5
в том числе:									
Ненецкий авт. округ	+0,3	+2,3	+3,0	+3,6	+4,8	+4,7	+4,7	+7,1	+5,7
Архангельская область без авт. округа	-0,7
Камчатский край	-1,7	-1,6	+0,1	+0,3	+0,1	-0,5	+0,4	+1,5	+1,6
Магаданская область	-2,1	-2,6	-2,3	-2,9	-1,2	-1,5	-1,4	-0,1	+0,7
Мурманская область	-3,0	-3,6	-1,4	-1,3	-1,2	-0,2	-0,0	+0,5	+0,9
Сахалинская область	-4,2	-6,0	-2,4	-2,2	-2,4	-2,8	-2,4	-1,2	-0,2
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	+4,5	+6,4	+7,9	+8,5	+9,0	+9,6	+9,9	+11,4	+11,2
Ямало-Ненецкий авт. округ	+6,1	+7,7	+8,8	+9,1	+9,7	+10,3	+10,2	+11,4	+11,5
Чукотский авт. округ	+1,9	+3,9	+4,1	+2,7	+1,2	+0,9	+2,5	+2,6	+2,6
Территории, частично относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям									
Республика Алтай	+8,2	+9,3	+16,0	+19,0	+17,2	+18,2	+22,3	+23,3	+21,4
Республика Бурятия	+1,9	+1,8	+4,8	+4,9	+3,7	+4,2	+4,2	+4,1	+4,8
Забайкальский край	-1,9	-3,9	-1,0	+1,1	+2,0	-4,0	-1,1	+1,7	+2,1
Красноярский край	-1,4	-0,0	+2,6	+2,9	+3,1	+3,3	+3,6	+4,6	+5,0
Пермский край	-5,5	-12,1	-2,9	-0,9	-1,0	-1,2	-2,3	+0,3	-0,9
Приморский край	-5,8	-6,7	-3,5	-4,4	-2,9	-4,8	-5,7	-2,9	-2,8
Хабаровский край	-5,7	-6,4	-2,8	-2,3	-1,6	-2,8	-3,2	-1,5	-1,2
Амурская область	-2,3	-2,6	-0,1	-0,9	-0,3	-0,9	-1,5	+0,1	+1,0
Иркутская область	-3,6	-4,1	-0,3	-0,0	+0,2	-0,1	-0,4	+0,0	+0,1
Томская область	-2,9	-4,7	-1,2	-0,9	-1,0	-0,1	-0,6	+1,8	+1,6
Тюменская область (включая автономные округа)	+4,8	+6,8	+8,0	+8,6	+9,1	+9,8	+9,9	+11,3	+11,2
в том числе:									
Тюменская область без авт. округов	+3,6

Примечание. Цветом выделены показатели в регионах с естественной убылью в 2013 г.
Источник: [5]

тяжелых условий проживания, а не условий труда. Последнее обстоятельство во многом послужило стимулом разработки параллельной по отношению к системе надбавок системы районных коэффициентов. Действительно, первым нормативным законодательным актом, предполагавшим введение повышательных коэффициентов к заработной плате, стало постановление Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 17 ноября 1958 г. № 974 «О районных коэффициентах к заработной плате работников отраслей тяжелой промышленности» [10].

В дальнейшем схожие постановления выходили применительно к различным отраслям народного хозяйства с завидной регулярностью, однако спустя почти 13 лет, 6 августа 1971 г., впервые

в СССР был опубликован документ, ставший прародителем используемой ныне в РФ системы районных коэффициентов безотносительно к сфере занятости — постановление Госкомтруда и занятости СССР «Об установлении коэффициентов к заработной плате работников предприятий и организаций, находящихся в пустынных и безводных районах на Черных землях и Кизлярских пастбищах» [11]. Как видим, система надбавок и районных коэффициентов в целом не имела жесткой привязки именно к районам Крайнего Севера.

Районные коэффициенты, таким образом, несли в первую очередь компенсационную функцию по отношению к тяжелым условиям труда. Вне вся-

ких сомнений, их «скрытой» функцией было также привлечение рабочей силы. Однако единственную разграничительную в функциональном отношении линию между надбавками и коэффициентами можно провести лишь по «границе» между климатическими условиями жизни и труда.

С распадом СССР, представляется, районные коэффициенты и надбавки в некоторой степени утратили свой первоначальный смысл, а их суть была «забыта». Именно в этой связи все чаще звучат призывы (зачастую вполне справедливые) реформировать прежнюю громоздкую систему. Действительно, не получается ли так, что ведется двойной счет, надбавки и коэффициенты дублируют друг друга, а районирование Крайнего Севера требует существенного пересмотра?

В качестве «затравки» к дальнейшему обсуждению рассмотрим несколько показателей, в той или иной степени характеризующих уровень жизни жителей Крайнего Севера: среднюю номинальную заработную плату, величину прожиточного минимума, а также соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума (ее покупательную способность) в разрезе субъектов РФ (табл. 3), а также миграционную подвижность населения.

В настоящее время по показателю номинальной заработной платы лишь в 7 из 24 субъектов Крайнего Севера РФ номинальная заработная плата остается ниже среднероссийского показателя. Основными причинами низких значений этого показателя выступают невысокий уровень общего экономического развития (Республики Тыва и

Таблица 3

Некоторые показатели уровня жизни населения Крайнего Севера РФ, 2013 г.

	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения) за IV квартал, руб.	Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума, %
Российская Федерация	29792	7326	421,3
Территории, полностью относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям			
Республика Карелия	27503	8531	327,1
Республика Коми	37717	9496	396,1
Республика Саха (Якутия)	46542	11923	446,2
Республика Тыва	25087	8137	367,8
Камчатский край	48629	14384	360,6
Архангельская область без авт. округа	30205	10243	309,1
Ненецкий авт. округ	61765	15517	415,0
Магаданская область	57121	14084	434,1
Мурманская область	40225	10113	429,7
Сахалинская область	49007	11083	444,7
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	54508	10818	516,9
Ямало-Ненецкий авт. округ	69192	12496	538,3
Чукотский авт. округ	68261	14766	511,7
Территории, частично относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям			
Республика Алтай	20722	6924	317,5
Республика Бурятия	26038	7301	374,8
Забайкальский край	27279	7670	386,0
Красноярский край	31623	8249	393,9
Пермский край	24716	7361	357,5
Приморский край	29966	9649	332,8
Хабаровский край	34132	10182	353,4
Амурская область	30542	9251	337,2
Иркутская область	29050	7768	394,6
Томская область	29814	7765	412,9
Тюменская область без авт. округов	31620	7716	417,8

Примечание. Цветом выделены показатели, которые соответственно ниже (столбцы 2 и 4) или выше (столбец 3) среднероссийских. Источник: [12].

Алтай) и значительное число относительно густозаселенных муниципальных районов, не входящих в зону Крайнего Севера.

Более дорогую в субъектах Крайнего Севера по сравнению со среднероссийским показателем жизнь иллюстрирует величина прожиточного минимума. Так, лишь в Республиках Алтай и Бурятия она ниже, чем в среднем по России. При этом при анализе отношения среднемесячной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума на Крайнем Севере может сложиться впечатление, что уровень жизни здесь относительно невысок. В то же время если обратиться к соответствующим значениям для регионов Центрального федерального округа (352,8% для Тульской области, 337,5% для Тверской, 299,6% для Владимирской и т.д.), становится понятно, что в целом субъекты Крайнего Севера относятся к группе относительно благополучных.

Однако, что весьма важно, приведенные данные по Крайнему Северу учитывают нынешнюю систему надбавок и районных коэффициентов. Иными словами, и это в наибольшей степени касается несырьевых регионов, отмена указанных «бонусов» повлечет существенное снижение показателей уровня жизни. Тем не менее сложившаяся система нуждается в серьезном реформировании, поскольку в определенной степени утратив свои первоначальные функции, северные надбавки и северные коэффициенты дублируют друг друга, что, как справедливо заметил министр труда и

социальной защиты РФ М.А. Топилин, создает дополнительную нагрузку на управления бухгалтерского учета.

Для анализа рынка труда был проведен расчет потребности в работниках по муниципальным образованиям регионов Крайнего Севера и приравненных местностей и другим регионам России из расчета на 1000 человек трудоспособного возраста. Здесь, безусловно, лучше подошла бы категория занятого населения, но публичные базы данных государственной статистики не позволяют этого сделать. Источником данных о потребности в работниках стали вакансии, зарегистрированные в региональных государственных службах занятости населения. Проведенный анализ показал огромные как межрегиональные, так и внутрирегиональные различия (рис. 2). При этом очевидно, что большинство территорий Севера испытывает более острую нехватку работников, чем несевверные регионы России.

Ряд показателей миграционной подвижности населения в регионах Севера может помочь оценить современную привлекательность территорий для трудовых ресурсов. Публикуемая Росстатом статистика позволяет оценить прибытия в наиболее активном возрасте трудовой миграции (18–44 лет) для регионов, полностью входящих в перечень территорий Крайнего Севера и приравненных местностей (табл. 4).

Как видно из табл. 4, в целом по Северу и в большинстве отдельных его регионов коэффици-

Рис. 2. Потребность в работниках в районах Крайнего Севера РФ и приравненных к ним местностях (2013 г.)

Таблица 4

Коэффициент прибытий в межрегиональной миграции в возрасте 18–44 лет, человек на 1000 жителей, 2012 г.

Средний по России	18,6
Средний по представленным регионам Севера	29,9
Чукотский авт. округ	84,2
Ямало-Ненецкий авт. округ	70,9
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	48,2
Мурманская область	35,5
Ненецкий авт. округ	31,5
Магаданская область	29,1
Сахалинская область	27,9
Камчатский край	23,5
Республика Коми	17,4
Республика Саха (Якутия)	15,5
Архангельская область	14,5
Республика Карелия	14,1
Республика Тыва	11,1

Рассчитано по: Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2013 г.». Росстат, 2013 г. [13]; Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г.». Росстат, 2013 г. [14]; Демографический ежегодник России. Росстат, 2013 г. [6].

ент прибытий в возрасте 18–44 лет значительно выше среднероссийского. В то же время существуют и исключения. В первую очередь это Республика Тыва и, в меньшей степени, Карелия, Саха (Якутия) и Архангельская область.

Другим важным источником данных о привлекательности северных рынков труда может быть разрабатываемые Росстатом причины, вызвавшие

необходимость миграции. В частности, интерес представляют показатели доли прибытий с целью работы среди всех прибытий с конкретной указанной причиной и коэффициенты таких прибытий (табл. 5, 6).

К сожалению, на практике причины указываются лишь приблизительно в половине случаев, а среди указанных причин с огромным отрывом лидируют слишком широкие формулировки: «личные, семейные» и «иные».

Расчеты показывают, что для большинства северных регионов характерна повышенная доля миграций, связанных с работой, в общем числе прибытий. Прибытия с регистрацией по месту пребывания на определенный срок (так называемая временная регистрация) наиболее характерны для трудовой миграции в целом, в том числе «северной» миграции. Соответственно, повышенные коэффициенты миграции с временной регистрацией являются показателем привлекательности территории для трудовых мигрантов.

С 2011 г. в России вступили в силу измененные правила учета миграции: статистика стала учитывать в качестве миграции в том числе перемещения к месту временного пребывания на срок от 9 месяцев до одного года (ранее учитывалась регистрация на срок от одного года и более). Это привело к резкому росту показателей миграционной подвижности, который, тем не менее, был неравномерным среди регионов России. Регистрация на срок до года характерна для международных трудовых мигрантов, в пользу чего говорит рост прибытий в международной миграции в 2011 к 2010 г. на 86%, тогда как рост прибытий во внутренней миграции составил

Таблица 5

Доля основных причин смены места жительства от всех указанных причин среди прибывших в возрасте 14 лет и старше, Россия и отдельные регионы Севера, %, 2010 г.

	В связи с работой	В связи с учебой	Возвращение к прежнему месту жительства
Российская Федерация	36,9	28,6	32,3
Чукотский авт. округ	84,8	1,3	14,0
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	78,6	1,6	19,1
Ямало-Ненецкий авт. округ	77,8	2,8	18,8
Ненецкий автономный округ	71,4	1,3	25,9
Камчатский край	71,1	3,6	24,0
Магаданская область	57,3	9,9	31,6
Сахалинская область	55,4	3,2	38,5
Республика Саха (Якутия)	54,7	7,5	37,0
Мурманская область	52,4	22,4	24,6
Республика Тыва	46,7	23,2	29,1
Архангельская область	42,0	20,5	35,9
Республика Карелия	38,9	8,7	51,3
Республика Коми	24,7	50,6	23,5

Рассчитано по: Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.». Росстат, 2011 г. [14].

Таблица 6

Коэффициенты прибытий по видам и срокам миграции, Россия и отдельные регионы Севера, человек на тысячу жителей, 2013 г.

	Прибытия, всего	Прибытия с временной регистрацией	Прибытия на срок от 9 мес. до 1 года
Российская Федерация	31,3	11,0	2,4
Средний по представленным регионам Севера	42,6	17,0	3,8
Ямало-Ненецкий авт. округ	81,7	45,4	19,6
Чукотский авт. округ	92,3	64,9	11,8
Камчатский край	43,6	21,6	10,3
Ненецкий авт. округ	59,4	29,5	4,1
Мурманская область	43,3	19,5	3,4
Сахалинская область	40,1	20,1	2,9
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	50,8	15,1	2,8
Республика Карелия	34,6	13,1	2,1
Республика Коми	34,1	13,5	2,1
Архангельская область	30,5	11,6	1,7
Магаданская область	40,7	15,9	1,6
Республика Саха (Якутия)	34,6	11,7	1,5
Республика Тыва	33,5	6,0	0,3

Рассчитано по: Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 г.». Росстат, 2014 г. [14].

60%. Из-за того что регистрацию по месту пребывания на небольшой срок чаще осуществляют трудовые мигранты, величина такого роста может указать на миграционную привлекательность территории (табл. 7). На это также косвенно указывает рост в 2011 г. по отношению к 2010 г. числа прибытий в разрезе причин (табл. 8).

Таблица 7

Рост числа прибытий, Россия и территории Севера, %, 2011 г. к 2010 г.

Российская Федерация	62,4
Все территории Севера	86,3
Территории, полностью относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям	
Чукотский авт. округ	298,3
Ненецкий авт. округ	200,5
Архангельская область	199,6
Ямало-Ненецкий авт. округ	177,4
Сахалинская область	151,7
Магаданская область	94,0
Республика Карелия	84,4
Мурманская область	82,6
Республика Саха (Якутия)	81,3
Республика Коми	79,1
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	66,6
Камчатский край	24,8
Республика Тыва	8,5
Территории, частично относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным местностям	
Республика Алтай	148,6
Пермский край	105,1
Красноярский край	99,0
Амурская область	96,1
Республика Бурятия	92,1
Приморский край	70,7
Хабаровский край	48,5

Иркутская область	48,1
Забайкальский край	30,7
Томская область	8,2

Рассчитано по: Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.». Росстат, 2011 г. [14]; Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г.». Росстат, 2012 г. [14]; Бюллетень «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2013 гг.» (Выпуск 2014 г.). Росстат, 2014 г. [15].

Таблица 8

Рост прибытий по наиболее популярным причинам, Россия, %, 2011 г. к 2010 г.

Всего прибытий	61
в том числе по причинам:	
в связи с учебой	116
в связи с работой	131
возвращение к прежнему месту жительства	9

Рассчитано по: Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.». Росстат, 2011 г. [14]; Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г.». Росстат, 2012 г. [14].

Приведенных показателей, безусловно, недостаточно для достоверного анализа привлекательности территорий для трудовой миграции без использования других показателей и без анализа столь характерных для Севера частных случаев отдельных регионов и огромных различий между муниципалитетами внутри одного региона. Усовершенствованию данного анализа послужило бы и использование данных на уровне муниципалитетов, которые зачастую не публикуются, либо не разрабатываются вовсе.

Особенностью территорий Крайнего Севера является разделение их на субъекты Российской Федерации, полностью относящиеся к Крайнему Северу и приравненным местностям, и отдельные «северные» муниципальные образования ряда регионов. При этом показатели мобильности населения в них различные. Разработка и публикация значительной части статистической информации лишь на уровне субъектов Федерации привели к невозможности включения в анализ некоторых показателей приблизительно половины северных территорий, что также серьезно сужает его возможности. В частности, данные о миграции с указанием причин в разрезе регионов публиковались лишь по 2010 г. При этом методика учета миграции серьезно изменилась с 2011 г., что делает зачастую невозможным сравнение данных до 2011 г. и после. В целом совершенствование работы первоначально требует кропотливой работы по сбору детальной статистической информации, а также перевода анализа на муниципальный уровень.

Позволим себе внести небольшой вклад в дискуссию о сохранении, модернизации или ликвидации северных коэффициентов и надбавок и высказать некоторые предложения по совершенствованию ныне используемой системы северных «бонусов»:

1) при активном участии как экономико-географов, так и демографов и специалистов по уровню жизни и социальной политике необходимо тщательно проанализировать социально-экономические природно-географические условия регионов РФ, сформулировать новые критерии отнесения регионов к так называемым районам Крайнего Севера и на основе этих критериев, возможно, пересмотреть список регионов Крайнего Севера и границы приравненных к ним территорий;

2) актуализировать информацию об анклавных территориях внутри Крайнего Севера, дабы избежать таких казусов, как присутствие несуществующих населенных пунктов (исключенный из сетки АТД РФ в 1998 г. п.г.т. Кулар) или максимальное значение районного коэффициента для прилегающих к некогда активно разрабатываемому, а ныне закрытому оловянному прииску «Депутатский»;

3) привести к «общему знаменателю» сетку АТД для районных коэффициентов и надбавок. Так, в настоящее время значение районного коэффициента для г. Северобайкальск Республики Бурятия соответствует таковому для Северо-Байкальского района, однако в случае надбавок г. Северобайкальск в перечне единиц АТД отсутствует;

4) приступить к обсуждению новой схемы «бонусных» показателей для регионов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий. Вероятно, стоит разработать новые подходы к определению размеров районных коэффициентов и надбавок в сочетании с иными мерами стимулирования перемещения населения в районы Крайнего Севера (например, бесплатное выделение земли переселенцам на Дальний Восток, поддержка семей с детьми и другие меры региональной политики). Новые подходы должны учитывать одновременно и условия жизни, и условия труда населения указанных территорий, не теряя при этом функций компенсации более дорогой жизни и стимулирования трудовой миграции в труднедостаточные регионы;

5) в этой работе надо учесть не только особенности и перспективы демографического и социально-экономического развития северных территорий, специфику условий жизни в них, но и необходимость компенсации значительной убыли трудоспособного населения в большей части районов Крайнего Севера и геополитические особенности сохранения и развития этих стратегически важных территорий.

Список литературы

1. Грицук М. Зарплата в чистом виде. Районные коэффициенты могут уйти в прошлое // Российская газета. 2014. № 6507. 15 окт.
2. Протокол заседания Общественного совета при Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 сентября 2014 г. № 9 — <http://www.gosmintrud.ru/docs/mintrud/analytics/40>
3. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2014 года. — Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2013 годах. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm

References

1. Gritsyuk M. Zarplata v chistom vide. Rayonnye koefitsienty mogut uyti v proshloe [Wages in its purest form. Regional factors can go into the past]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1. 6507, 15 October 2015.
2. Protokol zasedaniya Obshchestvennogo soveta pri Ministerstve truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii №9 ot 18 sentyabrya 2014 g. [Minutes of the meeting of the Public Council under the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation №9 of 18 September 2014]. Available at: <http://www.gosmintrud.ru/docs/mintrud/analytics/40>
3. Ocenka chislenosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2014 goda. - Ekonomicheskie i sotsial'nye poka-

4. Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (по муниципальному устройству субъектов Российской Федерации) на 1 января 2014 года. — Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2013 годах. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
5. Естественный прирост (+), убыль (-) населения в 2000–2013 гг. — Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2013 годах. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
6. Демографический ежегодник России. 2013. Стат. сборник. М., 2013.
7. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 17.08.1925 «О льготах для лиц, направляемых на работу в отдаленные местности Р.С.Ф.С.Р. государственными учреждениями и предприятиями». — <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16598>
8. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 11.05.1927 «О льготах для работников государственных учреждений и предприятий в отдаленных местностях Союза ССР». — <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25442>
9. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.05.1932 «Об утверждении Положения о льготах для лиц, работающих на Крайнем севере РСФСР». — <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23869;frame=24>
10. Постановление Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 17.11.1958 № 974 «О районных коэффициентах к заработной плате работников отраслей тяжелой промышленности». — <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7670>
11. Постановление Госкомтруда и занятости СССР «Об установлении коэффициентов к заработной плате работников предприятий и организаций, находящихся в пустынных и безводных районах на Черных землях и Кизлярских пастбищах». — <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90824>
12. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций. — Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2013 годах. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
13. Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января». Федеральная служба государственной статистики РФ. — http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094
14. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации». Федеральная служба государственной статистики РФ. — http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906
15. Общие итоги миграции населения. — Бюллетень «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2013 гг.» (Выпуск 2014 г.). Федеральная служба государственной статистики РФ. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
- zateli rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey v 2000-2013 godakh. [Evaluation of the resident population at January 1, 2014. - Economic and social indicators in the Far North and equivalent areas in the 2000-2013 years]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
4. Perechen' rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey (po munitsipal'nomu ustroystvu sub»ektov Rossiyskoy Federatsii) na 1 yanvarya 2014 goda. - Ekonomicheskie i sotsial'nye pokazateli rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey v 2000-2013 godakh. [A list of the Far North and equated localities (the municipal unit of the Russian Federation) on January 1, 2014. - Economic and social indicators in the Far North and equivalent areas in the 2000-2013 years.]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
5. Estestvennyy prirost (+), ubyly' (-) naseleniya v 2000-2013 gg.. — Ekonomicheskie i sotsial'nye pokazateli rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey v 2000-2013 godakh [Natural increase (+) decrease (-) of the population in 2000-2013. - Economic and social indicators in the Far North and equivalent areas in the 2000-2013 years]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
6. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2013. Stat.sbornik [Demographic Yearbook of Russia. 2013. Stat. sbornik.]. Moscow, 2013.
7. Postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 17.08.1925 «O l'gotakh dlya lits, napravlyаемыkh na rabotu v otdalennye mestnosti R.S.F.S.R. gosudarstvennymi uchrezhdeniyami i predpriyatiyami». [Resolution of the Central Executive Committee, the CPC of the RSFSR of 08.17.1925 «On the benefits for persons sent to work in remote areas RSFSR government agencies and enterprises»]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16598>
8. Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 11.05.1927 «O l'gotakh dlya rabotnikov gosudarstvennykh uchrezhdeniy i predpriyatiy v otdalennykh mestnostyakh Soyuzha SSR». [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR SNK on 05.11.1927 «On the benefits for employees of public institutions and businesses in remote areas of the USSR.»]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25442>
9. Postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 10.05.1932 «Ob utverzhenii Polozheniya o l'gotakh dlya lits, rabotayushchikh na Kraynem severe RSFSR». [Resolution of the Central Executive Committee, the CPC of the RSFSR of 05.10.1932 «On Approval of the benefits for those working in the far north of the Russian Federation.»]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23869;frame=24>
10. Postanovlenie Goskomtruda SSSR i VTsSPS ot 17.11.1958 № 974 «O rayonnykh koeffitsientakh k zarabotnoy plate rabotnikov otrasley tyazheloy promyshlennosti». [Resolution of the State Committee of the USSR and the All of 17.11.1958 № 974 «On the regional coefficients to wages of workers of heavy industry»]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7670>
11. Postanovlenie Goskomtruda i zanyatosti SSSR «Ob ustanovlenii koeffitsientov k zarabotnoy plate rabotnikov predpriyatiy i organizatsiy, nakhodyashchikhsya v pustynnykh i bezvodnykh rayonakh na Chernykh zemlyakh i

- Kizlyarskikh pastbishchakh». [Resolution of the State Committee of the USSR and employment «On the establishment of coefficients to wages of employees of enterprises and organizations located in the arid and arid areas of the Black lands and pastures of Kizlyar»]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90824>
12. Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov organizatsiy [The average monthly nominal wage of employees of organizations]. Ekonomicheskie i sotsial'nye pokazateli rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey v 2000-2013 godakh. [Economic and social indicators in the Far North and equivalent areas in the 2000-2013 years]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm
 13. Byulleten' «Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya». Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF. [The bulletin «The population of the Russian Federation by sex and age as of 1 January.» Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094
 14. Byulleten' «Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii». Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF [«Population and Migration in the Russian Federation.» Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906
 15. Obschie itogi migratsii naseleniya [Total results of migration]. Byulleten' «Ekonomicheskie i sotsial'nye pokazateli rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey v 2000-2013 gg.» (Vypusk 2014 g.). Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF [Bulletin «Economic and Social Indicators of the Far North and equivalent areas in the 2000-2013 biennium.» (Issue 2014). Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm

Трудовая иммиграция: масштабы и последствия¹

Employment Immigration: Scope and Consequences

Получено 08.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 332.142.2

DOI: 10.12737/13550

РЫБАКОВСКИЙ Л.Л.

д-р экон. наук, профессор, науч. сотр. Института социально-политических исследований Российской академии наук
105043, Москва, 4-я Парковая ул., д. 29
E-mail: 1284781@mail.ru

RYBAKOVSKIY L.L.

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Institute of Social and Political Studies Russian Academy of Sciences
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: 1284781@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается понятие «трудовые иммигранты», их место в разнообразии всех других видов, типов и форм миграции населения. Показана распространенность этой разновидности трудовой занятости иностранной рабочей силы в мире, ее масштабы в России. Обосновываются порождающие трудовую иммиграцию факторы и характеризуются ситуация в их использовании и ее последствия для страны.

Abstract

The article substantiates the concept of "labour immigrants", and their place in the diversity of all other types and forms of migration. The prevalence of this type of employment of foreign labour in the world, its magnitude in Russia has been shown. Factors giving rise to immigration and the situation in their use and its consequences for the country have been analyzed.

Ключевые слова: трудовые иммигранты, производительность труда, заработная плата, рынок труда, детерминанты трудовой иммиграции.

Keywords: labour immigrants, labour productivity, wages, labour market, determinants of labour immigration.

Во всем многообразии пространственных перемещений населения, отличающихся продолжительностью, периодичностью, статусом поселений и территорий, целевой направленностью и т.д., особое место принадлежит временным трудовым миграциям. Отличие временных трудовых миграций от остальных видов, типов и форм состоит не в их продолжительности (могут быть краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными), не в их типе (внутри- и межгосударственными), не в их структуре (половозрастной, профессиональной) и т.д., а в том, что этот подвид, точнее, разновидность миграции, соединяет рабочую силу со средствами производства в местах, удаленных в разной степени от постоянного проживания мигранта. Трудоустройство вне поселения места жительства даже с возможным регулярным, но отнюдь не «маятниковым» возвращением домой, — это основная характеристика трудовой миграции.

Существование трудовой миграции мировое сообщество вынуждено было признать еще в середине XX в. В то время Конвенцией МОТ понятие «трудоустроенный-мигрант» было определено как лицо, которое эмигрирует из одной страны в дру-

гую с целью поиска работы или найма. Спустя 40 лет ООН вновь подтвердила смысл, вкладываемый в термин «трудоустроенный-мигрант». К нему относится «...лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой трудовой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [1]. К сожалению, это определение суживает понятие «трудовая миграция», поскольку люди ищут работу на время не только вне своего государства, но и внутри него. Трудовые миграции, как и другие виды миграции, могут быть внутренними и внешними. Последние, чтобы исключить путаницу и сразу же определить их статус, лучше называть трудовыми иммиграциями. Они в отличие от внутренних трудовых миграций представляют не что иное, как «заемный» трудовой потенциал, а занятые в экономике трудовые иммигранты — это, по сути, «заемные трудовые ресурсы». Добавим, что Ж.А. Зайончковская в составе трудовых мигрантов выделяет три потока: въезд иностранной рабочей силы, выезд на заработки или в коммерческих целях жителей данной страны и внутренняя трудовая миграция [2, с. 6]. По нашему мнению, выезд в коммерческих целях, скорее, является не трудовой иммиграцией (несмотря на ссылки Ж.А. Зайончковской на Конвенцию ООН), а миграцией, которую в 90-е гг. в России называли «челночной».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-22-01007.

И трудовая иммиграция, и челночная — это всего лишь две разновидности временных миграций.

Масштабы трудовых иммиграций за последние полсотни лет увеличились в разы. Естественно, что стала значимой и их доля в населении стран-реципиентов и во всей совокупности иммиграционных процессов. В начале нового столетия доля трудовых иммигрантов в составе населения Швеции и Франции превышала 2,2–2,5%, Бельгии — 3,8%, а Швейцарии — даже 9,5%. Среди всех иностранцев во Франции в тот период удельный вес трудовых иммигрантов составлял 27%, а в Швейцарии даже превышал 50%. В это же время в Канаде он составлял 57%, в США — свыше 60% [3]. По данным МОМ, в 2010 г. число мигрантов в мире составляло 214 млн, из которых значительная доля принадлежала трудовым иммигрантам [4]. Если принять среднюю долю трудовых иммигрантов в общем числе мигрантов, полученную для Франции, Швейцарии и Бельгии, получится, что в 2010 г. в мире насчитывалось примерно 70 млн трудовых иммигрантов. Скорее всего, эта цифра намного больше, тем более, если ее откорректировать с учетом нелегальных трудовых иммигрантов в России.

В XXI в. трудовым иммигрантам в развитых странах стало принадлежать значимое место в составе населения, занятого в экономике. Уже накануне нового столетия, т.е. в 2000 г., их удельный вес составлял в США 12,4%, Канаде — 19,1% и Австралии — 24,5%. В европейских странах доля трудовых иммигрантов, занятых в экономике, была несколько ниже: во Франции — 6,1%, Швеции — 5,0% и Бельгии — 9,8%. Лишь в Швейцарии эта доля составляла 18,3% [3]. Согласно данным для 2009 г., доли трудовых иммигрантов в составе занятого населения развитых стран заметно различались. В том году трудовых иммигрантов в численности населения, занятого в экономике Японии, было 0,3%, Финляндии — 2,4%, Нидерландах — 3,6%, Дании — 4,4%, Чехии — 4,6%, Франции — 5,4%, Италии — 6,6%, Великобритании — 7,2% и Норвегии — 8,6%. В других европейских странах доля трудовых иммигрантов среди занятых в экономике была еще выше: в Испании — 9,0%, Германии — 9,4%, Бельгии — 9,5%, Австрии — 13,1% и Швейцарии — 21,3% [4]. Если верить этим данным, то за истекшее десятилетие доля трудовых иммигрантов в составе занятого населения во Франции и Бельгии сократилась соответственно на 0,7 и 0,3 процентных пункта, тогда как в Швейцарии увеличилась на 3 пункта, что, кстати, вызывает больше доверия, чем в случае с Францией и Бельгией. Тем не менее приведенные цифры — это своего рода ориенти-

ры, позволяющие оценивать ситуацию с трудовыми иммигрантами в России.

Трудовая миграция для России — не новое явление. Временные трудовые миграции достаточно масштабно осуществлялись в советские годы. Сплавные работы в лесозаготовительной отрасли, обработка рыбы в период путины в условиях прибрежного рыболовства, посевные и уборочные работы в сельскохозяйственном производстве и т.д. — все это требовало привлечения сезонных трудовых мигрантов. Особенно много, и притом регулярно, из центральных районов России привлекались в основном работницы в период путины на Камчатку, Курилы и другие прибрежные местности Дальнего Востока. Происходил обмен трудовыми мигрантами и между другими регионами страны, в частности, между трудонедостаточными и трудоизбыточными союзными республиками. Так, на московском автозаводе (ЗИЛ) постоянно работали сотни трудовых мигрантов, прибывавших из Узбекистана (условия их труда и оплаты контролировали приезжавшие представители этой республики). Была еще одна наиболее массовая сфера трудовой миграции. По всей стране ежегодные, к тому же обычно не оплачиваемые поездки горожан, отвыкших от физического труда, на уборочные работы в колхозы и совхозы было одним из постоянных явлений забываемой ныне советской действительности.

Но советское время было знакомо и с трудовыми иммиграциями. Например, трудовая иммиграция в 1920-е гг. была массовым явлением на Дальнем Востоке. Там, согласно разным источникам, численность иммигрантов из Кореи колебалась от 110 до 150 тыс. человек. Корейские иммигранты обычно принимали советское гражданство и селились на Дальнем Востоке. В 1937 г. они стали первой жертвой депортации в Центральную Азию [5, с. 77, 78]. Иммиграция из Маньчжурии была меньше и связана в основном с сезонными работами. Численность китайских трудовых иммигрантов колебалась в пределах 50–70 тыс. человек. Иное положение занимала японская иммиграция. Постоянно живущих на Дальнем Востоке японцев было немного, до 1,1 тыс. человек. Но численность трудовых иммигрантов, приезжавших на рыбную путину, было по несколько десятков тысяч в год, в частности, к началу 1930 г. их насчитывалось 38,6 тыс. человек [5, с. 78]. В период индустриализации во многих регионах работали приглашенные тысячи специалистов из развитых зарубежных стран. Они трудились на сооружении новых промышленных объектов, наладке оборудования и пр. Так, только на строительстве Магнитогорского металлургического комбината было занято

свыше 800 иностранных специалистов, прибывших из США, Англии, Германии, Италии и т.д. Позже (1937–1938 гг.) часть иностранных специалистов «познакомилась» с ГУЛАГом.

С развалом Советского Союза трудовая миграция как таковая не исчезла. Просто существенно уменьшилась ее значимость, а главное — ее проявление на общественной сцене, поскольку ликвидация паспортного режима (института прописки) и, главное, правовое оформление свободы передвижений как внутри страны, так и за ее пределы превратило такие миграции в обыденное, мало заметное дело. При отсутствии статистической информации об этой разновидности временной миграции, оценки ее примерных масштабов дают лишь данные социологических опросов. Согласно одному обследованию среди жителей административных центров субъектов РФ работу за пределами своего населенного пункта (без маятниковой миграции) имели 4,9% опрошенных. По данным, которые используют и приводят в своей работе Ю.Ф. Флоринская и ее соавторы, ныне в России 15–20 млн семей живут за счет отходничества [6, с. 29]. Это то, что касается трудовых мигрантов.

Другое дело — трудовые иммиграции, масштабы которых с нарастанием процессов обособления государств, возникших из бывших частей единой страны, стали расти как снежный ком. В XXI в. Россия так же, как и развитые страны мира, стала крупным реципиентом, принимающим трудовых иммигрантов практически из всех государств нового зарубежья, а также из ряда стран старого зарубежья. Достоверных сведений о численности трудовых иммигрантов, находящихся в России, нет. По легальной составляющей цифры, хотя и не точны, все же близки к реальным и позволяют проследить динамику численности трудовых иммигрантов за последние 10–15 лет. Так, в течение 1994–2006 гг. в Россию было привлечено на законной основе почти 5 млн трудовых иммигрантов, из которых более половины пришлось на выходцев из СНГ. В 1994 г. легальных трудовых иммигрантов в России было 129 тыс., в 2001 г. — 283,7 тыс., а в 2005 г. их насчитывалось 702,5 тыс. человек, что составляло 96% всех легальных трудовых иммигрантов в странах постсоветского пространства [7, с. 109]. В 2006 г. их стало 1014 тыс., в 2007 г. — 1717 тыс. и в 2008 г. — 2426 тыс. С 1994 по 2007 г. число легальных трудовых иммигрантов возросло в 7,8 раза [9, с. 109]. В 2008 г. оно увеличилось еще на 700 тыс., причем 627 тыс. пришлось на страны нового зарубежья и чуть больше 80 тыс. — на старое зарубежье.

До 2010 г. к легальным трудовым иммигрантам относили иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России. Их численность в 2008 г. составляла 2426 тыс. человек и была наибольшей за все истекшее время. Начавшийся кризис привел к сокращению количества трудовых иммигрантов в 2009 г. до 2 224 тыс. и в 2010 г. — до 1641 тыс. За два года число легальных трудовых иммигрантов уменьшилось почти на 0,8 млн человек. С 2011 г. легальные трудовые иммигранты именуется как иностранные граждане, имеющие действующее разрешение на работу. Их насчитывалось в России к концу 2011 г. чуть больше одного миллиона человек (1 028 тыс.). Лишь к началу 2013 г. численность трудовых иммигрантов возросла до 1 149 тыс. [10, с. 122].

Наиболее сложная для государства и наиболее болезненная проблема для людей — нелегальная трудовая иммиграция, масштабы которой как были не известны раньше, так не известны и в настоящее время. Оценки численности нелегальных иммигрантов, одновременно находящихся в России, различаются на порядок. Еще в начале нового столетия оценки численности нелегальных иммигрантов колебались от 1,5 до 15 млн человек. В частности, в правительственном распоряжении от 6 мая 2004 г. о концепции действий на рынке труда в 2003–2005 гг. число нелегальных иммигрантов определено в 1,5 млн человек. Затем цифры возросли до 5, 10 и даже 15 млн, причем их озвучивали даже официальные лица, что отнюдь не гарантировало достоверности этих оценок. Согласно данным А.В. Топилина, в начале XXI в. на территории России находилось примерно 7,5–8 млн нелегальных мигрантов [9, с. 132, 133]. На это же время МВД России определяло число нелегальных иммигрантов в 10 млн, Федеральная пограничная служба давала цифру на 2001 г. в 3 млн, Федеральная миграционная служба считала, что в зависимости от сезона в России находилось от 3-х до 10 млн нелегальных трудовых иммигрантов. В последние годы соотношение между легальными и нелегальными трудовыми иммигрантами заметно изменилось. По мнению Е.В. Тюрюкановой, в начале нынешнего десятилетия доля трудовых иммигрантов, находящихся на законных основаниях в России, составляла 10%, а к концу десятилетия возросла до 25–30% [11, с. 150]. Близкую оценку приводят также А.В. Топилин и О.А. Парфенцева. В 2007 г. по России в целом разрешений на право работы было выдано 6 млн, а к работе приступили 2 млн, т.е. только одна треть. Это же просматривается и по Москве. Разрешений на работу — 500 тыс., а работало 150 тыс. [12, с. 17]. Остальные, видимо, ушли в «тень».

В связи с отсутствием достоверных данных не о количестве полученных разрешений, а о численности работающих в России трудовых иммигрантов, невозможно сколько-нибудь точно определить их долю в занятом населении. Эта доля, включая и нелегальную численность, по нашим расчетам, в составе занятого населения России в первом десятилетии XXI в. составляла от 14 до 16%, т.е. находилась на общеевропейском уровне, если же учесть только их легальную часть, то эта доля будет меньше 2,5–2,6%. Она была примерно такой же, как в Финляндии или Нидерландах. В начале второго десятилетия доля легальных трудовых иммигрантов, т.е. имевших разрешение на работу, была 2,2% в 2010 г. и 1,5% в конце 2012 г. С учетом сокращения численности нелегальных трудовых иммигрантов их общая доля в составе занятого населения, скорее всего, близка к 1/10 части.

В настоящее время трудовые иммигранты вносят весомый вклад в создание внутреннего валового продукта России. Если допустить, что производительность труда у легальных трудовых иммигрантов такая же, как и у остальных работников, тогда надо отнести, например в 2012 г., на их долю не менее чем один триллион рублей стоимости валового внутреннего продукта, создаваемого в России. Если же принять в расчет нелегальную составляющую, которая в 4–5 раз больше легальной, то на долю трудовых иммигрантов придется не менее 5–7 трлн руб., а это близко к 10% стоимости ВВП. Таков примерный порядок цифр о вкладе трудовых иммигрантов в российскую экономику.

В 90-е гг. XX в. и первое десятилетие нового столетия происходило постепенное изменение значимости доноров, откуда прибывали трудовые иммигранты в Россию. Если до 2000 г. в составе иностранных трудовых мигрантов преобладали выходцы из старого зарубежья, то затем стали лидировать выходцы из государств нового зарубежья. Уже в 2008 г. наибольшее число трудовых иммигрантов было из Узбекистана и Таджикистана, соответственно 643 и 391 тыс. За ними следовали Китай (282 тыс.) и Украина (245 тыс.). На долю Кыргызстана приходилось 185 тыс., Турции — 131 тыс., Молдовы — 122 тыс. и Армении — 100 тыс. человек. У всех остальных (Вьетнам, Азербайджан, КНДР и др.) основных поставщиков трудовых мигрантов их численность не превышала 100 тыс. человек. В 2012 г. в России среди трудовых иммигрантов, которым были выданы разрешения на работу, было выходцев из Узбекистана 42%, Таджикистана — 16%, Киргизии — 6%, Армении — 3%, Азербайджана — 2%, Молдовы —

4%, Украины — 11%, Китая — 7%, КНДР — 2%, Турции — 3% и прочих — 4% [10, с. 122]. Среди трудовых иммигрантов, по сути, 2/3 всех это выходцы из Средней Азии (5 лет назад их было половина). Из Старого зарубежья их 12% (в 2008 г. — 27%) и еще 15%, как и в 2008 г., с Украины и Молдовы. Согласно тому же источнику, в конце 2012 г. трудовые иммигранты были примерно из 25 стран, правда, тех, откуда прибыло более одного процента трудовых иммигрантов, насчитывалось всего 11. Это Вьетнам (1,1%), КНДР (2,0%) Азербайджан (2,1%), Турция (2,4%), Армения (3,4%), Молдова (4,4%), Кыргызстан (6,7%), Китай (6,7%), Украина (11,1%), Таджикистан (15,8%) и Узбекистан (40,7%).

Прибытие трудовых иммигрантов в Россию из этих стран, ставших ее долголетними донорами, обусловлено рядом факторов. Прежде всего, это вызвано существенными различиями в уровне жизни населения основных стран-доноров и России, выступающей в данном случае реципиентом. Судить об уровне жизни населения этих стран по номинальным показателям по многим причинам было бы неверно. Поэтому воспользуемся индикаторами, наиболее пригодными для подобных измерений. Одним из них может быть исчисляемый в долларах США ВВП в расчете на душу населения. К сожалению, этот показатель для Узбекистана и Таджикистана отсутствует в статистических изданиях Росстата, в них имеются данные только для Кыргызстана. В 2008 г. душевой ВВП в России составлял 20 350 руб., в Казахстане — 15 172 и Кыргызстане — 2683 долл. [10, с. 678]. Эти цифры объясняют, с одной стороны, мизерное присутствие трудовых иммигрантов в России из Казахстана, с другой стороны, их наплыв из Кыргызстана. В 2010 г. трудовых иммигрантов из Казахстана было 8,3 тыс., а из Кыргызстана — 117,7 тыс. человек, что в расчете на численность населения указанных стран-доноров составляло 0,15% и 2,1% соответственно.

Для сопоставлений можно воспользоваться также таким показателем, как число построенных квартир в расчете на 10 тыс. населения. В 2012 г. этот показатель для России составил 59 квартир, Беларуси — 60, Казахстана — 35, Кыргызстана — 16, Молдовы — 14, Таджикистана — 16, Узбекистана — 27 и Украины — 20 квартир [10, с. 694]. Еще более наглядное представление о благосостоянии стран, из которых в Россию прибывают трудовые иммигранты, дает сравнение обеспеченности населения предметами длительного пользования (табл. 1). Данные таблицы 1 настолько наглядны, что не нуждаются в каких-либо комментариях.

Наличие у населения предметов потребления длительного пользования
(на 100 домашних хозяйств, штук)

Страна	Год	Телевизор	Холодильник и морозильник	Стиральная машина	Легковой автомобиль
Россия	2012	174	125	101	54
Казахстан	2012	218	155	120	74
Киргизия	2012	113	69	60	18
Молдова	2012	101	90	69	19
Таджикистан	2012	106	23	8	...
Узбекистан	1999	34	39	34	...
Украина	2012	115	112	87	22

Источник: Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. Оф. изд. М., 2013. С. 675.

Другой фактор, влияющий на «привязку» стран-доноров к стране-реципиенту, — различия в их демографическом развитии и связанном с ним состоянием баланса труда. Как известно, все последние 20 лет в России была естественная убыль населения, численность которого уменьшалась вплоть до 2009 г. В частности, в течение 2003–2012 гг. население России сократилось на 1,7 млн человек (более чем на один процент), причем с того же 2009 г. началось снижение количества лиц трудоспособных возрастов. В эти же годы численность населения Казахстана выросла на 1 млн человек, или на 6,5%, Кыргызстана — на 0,4 млн, или на 7,9%, Узбекистана — на 2,8 млн, или 10,7% и Таджикистана — на 2 млн, или 32,3%. В 2012 г. в трех последних странах общие коэффициенты рождаемости составляли соответственно 27,6, 21,2 и 27,8 при показателе в России, равном 13,3 рождения на тысячу населения.

Наконец, еще одним специфическим фактором, объясняющим сложившуюся «привязку» среднеазиатских стран-доноров к России, это история их совместного проживания. В Советском Союзе отношение этих и многих других республик к России было как к «старшему брату», в них русским языком владела значительная часть населения. Между Россией и другими союзными республиками в советское время существовал равный, в том числе и по масштабам, миграционный обмен населением. Люди могли устроиться и жить в любой части страны. Так сложилось, что в первое время после распада общей страны значительная часть населения государств Центральной Азии, несмотря на их независимость, не воспринимала Россию как за границу. Все это и подобные обстоятельства и предопределили, что Россия стала основным реципиентом для среднеазиатских государств – доноров трудовых иммигрантов.

Трудовые иммигранты занимали в России преимущественно те ниши экономики, в которых оплата труда находилась на нижнем уровне, они

были не престижны для граждан страны и не требовали сколько-нибудь заметной квалификации используемой рабочей силы. Это были, прежде всего, торговля, строительство, сельское и коммунальное хозяйство. С тех пор, как в современной России к трудовой деятельности стали привлекаться иммигранты, их участие в разных сферах занятости заметно изменилось. Это изменение, происшедшее в 1994–2006 гг., можно проследить по данным, приводимым А.В. Топилиным и О.А. Парфенцевой. За это время занятость в промышленности сократилась с 22,4% до 7,1%, в сельском хозяйстве — с 16,0 до 7,2%, в строительстве — с 45,3% до 40,8%, но существенно увеличилась в торговле — с 2,6% до 26,7% [12, с. 38]. Ныне в строительстве и торговле занято свыше 2/3 всех трудовых иммигрантов, причем строительство в наибольшей мере (более половины всех работающих там иммигрантов) освоено выходцами из Украины, Армении и Грузии, а в торговле заняты преимущественно выходцы из Закавказья и Средней Азии. Следует добавить, что ныне обслуживание дачных участков и загородных домов, их строительство и ремонт просто невозможны без трудовых иммигрантов, как правило нелегальных.

Независимо, из каких стран трудовые иммигранты, все они прибывают в Россию на заработки. И совершенно непонятно, почему им инкриминируется, что они вывозят из России деньги, переводят их на родину. Переводы денег — не оспариваемый факт. Правда, имеются разные оценки объемов вывоза денег. В частности, Д. Полетаев считает, что ежегодно из России вывозится от 2,3 до 6,5 млрд долл. [6, с. 77]. Денежные переводы трудовых мигрантов существенно увеличивают внутренние валовые продукты стран, откуда они приехали. В 2004 г. по доле денежных переводов в ВВП среди стран нового зарубежья на первом месте была Молдова (свыше ¼), Таджикистан (до 15%) и Армения (10%). Высока также

доля Кыргызстана и Грузии. В этих странах достаточно высока доля доходов домохозяйств от заработков трудовых мигрантов, составляющая в Молдове свыше 30%, в Армении — 15%, Кыргызстане и Таджикистане — 10%, Грузии и Азербайджане — 5% [13, с. 75, 81]. Вывоз денежных средств — это естественный результат, наивно считать, что трудовые иммигранты приезжают в Россию, чтобы здесь истратить все заработанное. У них семьи, и они их кормят. Кстати, российские туристы тоже вывозят денежные средства, и немалые, в места отдыха, но это не вызывает возмущения.

Другое дело, что значительная часть переводимых денег, подчеркнем, нелегальными трудовыми иммигрантами, черпается из средств, с которых не взимаются налоги. Считается, что лишь четверть мигрантов получает зарплату по ведомости, а остальные — на руки. Как это выглядит у легальных и нелегальных иммигрантов показано ниже. Российский бюджет из-за неконтролируемого теневого использования нелегальной части этой категории рабочей силы на неуплате подоходного налога теряет огромные доходы. В 2007 г. среднемесячная заработная плата в целом по России составляла 13,6 тыс. руб., или в расчете на год — 163,2 тыс. Примем, что нелегальным трудовым мигрантам платили вдвое меньше, чем российским гражданам, тогда их годовая оплата равняется примерно 80 тыс. руб. в год. Допустим, что нелегальных иммигрантов не в 4–5 раз, а только втрое больше, чем легальных, т.е. их примерно 5 млн человек (эта цифра для 2007 г. существенно занижена). Величина подоходного налога нерезидента 30%. Если бы его уплачивали все нелегальные мигранты, то общая сумма платежей составила бы не менее 120 млрд руб. Кроме того, еще свыше 100 млрд руб. не поступали в качестве социального налога в соответствующие фонды. Ныне эти суммы существенно больше. В 2012 г. годовая заработная плата составляла примерно 320 тыс. руб. Ее половина — 160 тыс. Тогда величина подоходного налога должна составлять около 50 тыс. руб. Если принять те же 5 млн нелегальных трудовых иммигрантов, окажется, что бюджет теряет не менее 250 млрд руб. Хотя этот расчет примерный (он не учитывает неуплату налогов теми легальными иммигрантами, которые получают оплату на руки, а также тех нелегалов, которые работают по договорам), тем не менее он свидетельствует о сотнях млрд. руб., минующих российский бюджет.

Очевидно, что потери бюджета несопоставимы с теми лишениями и трудностями, с которыми сталкиваются трудовые иммигранты, прибывая

в Россию. Среди них — безудержная эксплуатация иммигрантов, особенно нелегалов (повышенная продолжительность рабочего дня, сверхурочные работы, вредные и трудные условия труда, отсутствие охраны труда и т.д.), низкий уровень оплаты труда (задолженности по оплате, недоплаты, невыплата заработка вообще и др.), отсутствие договоров о найме. Например, по данным В.И. Мукомеля, соотношение между теми трудовыми иммигрантами, которые работают на основе письменного договора и на основе устных договоренностей среди осуществляющих свою деятельность легально, первых — 53,2% и вторых — 46,8%, тогда как среди нелегально работающих соответственно 19,2% и 80,8% [14, с. 31]. Добавим бесправное положение (изоляция от внешнего мира, изъятие паспортов, угрозы арестом, принуждение к сексуальным услугам, побои и т.д.), проживание с риском для жизни (опасность со стороны бандитов, рэкетиоров), и тогда станет понятно, в какие условия попадают временные трудовые иммигранты, прибывая в Россию. Проводимые социологические обследования в среде трудовых иммигрантов фиксируют их неудовлетворенность проживанием и работой в России. Так, обследование, проведенное МОМ в начале десятилетия, показало, что 38% мигрантов не удовлетворены большой продолжительностью рабочего дня, 36,2% — тяжелым физическим трудом, 16,2% — плохими условиями труда, 16,6% — опасностью со стороны бандитов и рэкитеров, 17,5% — вредными для здоровья условиями труда и т.д. [6, с.118]. Исследования, проведенные МОМ в 2006 г., подтвердили вывод о том, что трудовые мигранты в значительной своей части работают и живут в нечеловеческих условиях [11, с.163].

К настоящему времени многое в положении трудовых иммигрантов изменилось к лучшему. Тем не менее пока до создания нормальных условий их проживания и занятости еще далеко. К тому же бесправное положение трудовых иммигрантов, особенно нелегальной части, очень удобно для обвинения их в нарушении общественного порядка, совершении преступлений, полицейской коррупции и т.д. Миф о том, что рост преступлений связан с трудовыми иммигрантами, не доказан, так как количество преступлений, совершаемых местным населением, надо считать к его численности так же, как и преступлений, совершенных иммигрантами, — к их количеству, которое никому не известно. К тому же преступления совершают не столько трудовые иммигранты, сколько преступники-гастролеры из других стран, специально приезжающие в Россию, или российские граждане, организующие из трудовых иммигран-

тов преступные сообщества (всякого рода подпольные производства, контрабанду и пр.).

С существующими условиями жизни и труда, его оплатой, т.е. с тем положением, в которое попадают трудовые иммигранты, связаны два негативных последствия для России. Прежде всего, условия, в которых находятся трудовые иммигранты, оплата труда, порой отношение к ним населения не только озлобляют их, но и разносят по всему постсоветскому пространству дурную славу, формируют неприязнь и ухудшают в глазах населения стран нового зарубежья имидж России. На фоне распространения личных впечатлений, причем среди родных и друзей, любая официальная пропаганда, какими бы мощными не были СМИ, выглядит как «детский лепет». Указанное — это внешняя для России проблема, формирующая будущий для страны геополитический статус на постсоветском пространстве.

Есть и другая, более значимая для будущего страны проблема — это научно-техническое и, стало быть, экономическое развитие страны. Широкое использование трудовых иммигрантов на неквалифицированных работах и мизерная оплата их труда отдается бумерангом на зарплатах российских работников. Более того, последним становится некомфортно и по условиям труда, и по их оплате работать в тех сферах, которые освоены трудовыми иммигрантами. В свою очередь, предпринимателям, не говоря уже об их криминальной составляющей (например, производителях «паленого» алкоголя, лекарств и т.д.), более выгодно использовать дешевую рабочую силу, лишённую каких-либо прав, чем вкладывать средства в инновационные проекты. Высокая степень износа основного капитала — лучшее тому доказательство. Так, в 2010–2012 гг. степень износа основных фондов составляла 46% по сравнению с 43–44% в конце XX в. Особенно высока степень износа фондов была в торговле и на ремонтных работах (почти 60%) в ряде регионов страны. В Оренбургской, Свердловской и Тамбовской областях, Республике Мордовия и Ямало-Ненецком АО степень износа основных фондов превышала 55%, а в Республике Марий Эл, Удмуртской Республике, Курганской области Ханты-Мансийском АО и Пермском крае была даже выше 60%. Поразительно, но ЯНАО и ХМАО — основные нефтегазодобывающие регионы России. Следует отметить, что реально существующая до настоящего времени в России стратегия экономического развития далека от той, которая сделала более 100 лет назад из США передовую в научно-техническом отношении страну.

Использование в экономике России многомиллионных масс трудовых иммигрантов — это данность не только настоящего времени, но и ближайшего (по крайней мере, на 10–15 лет) будущего. Связано это, прежде всего, с дефицитом баланса труда. До самого последнего времени, несмотря на сокращение общей численности населения, доля в нем и численность трудоспособных контингентов не снижалась. В 2008 г. численность лиц в трудоспособном возрасте увеличилась по сравнению с 1998 г. на 5 млн человек, а их доля во всем населении повысилась с 57,8% до 63,2%. Даже число трудоспособных мужчин за это время возросло почти на 2 млн человек. Но, начиная с 2009 г., численность этой категории населения стала неуклонно сокращаться и уже в 2010 г. составила 87,6 млн человек (в 2007г. — 90,1 млн). К 2015 г. она уменьшится до 83,3 млн, к 2021 г. — до 78,0 млн и к 2026 г. — до 76,6 млн. Согласно прогнозу Росстата (2009 г.), численность населения в 2025 г. по сравнению с 2010 г. сократится всего на один млн человек, тогда как количество трудоспособного населения уменьшится на 11 млн.

Такая динамика численности трудоспособного населения уже создает, а вскоре будет создавать еще большие трудности на российском рынке труда. Преодолеть эти трудности, сократив при этом численность трудовых иммигрантов в стране, можно лишь на основе повышения производительности труда, но отнюдь не такими темпами, которые были в XXI в. В статистическом ежегоднике (2013 г.) приводятся данные Росстата о темпах роста ВВП и темпах увеличения численности занятых в экономике в 2001–2012 гг. Если им верить, то за этот период ВВП возрос на 73,3%, а численность занятых в экономике увеличилась всего на 5,4% [10, с. 35]. Это означает, что производительность труда за это время повысилась на 64,6%, что в среднем за год составляет 1,5%. Такие темпы во многом объясняют наличие многомиллионной армии нелегальных трудовых иммигрантов, кстати способствующих росту ВВП, но не официальной цифре числа занятого в экономике населения. Для более существенного повышения производительности труда необходимы не только всесторонняя модернизация экономики, но и соответствующая подготовка профессиональных кадров. Ни то ни другое невозможно без радикального повышения уровня оплаты труда, перераспределения, говоря словами марксистской экономической теории, соотношений между прибавочным и необходимым продуктами в пользу последнего. Тем не менее независимо от темпов роста производительности труда в Россию будут все равно стремиться попасть трудовые иммиг-

ранты, тем более если существенно возрастет оплата труда занятого населения. Поэтому нужно радикально изменить процедуры их въезда, условий пребывания и занятости, а также всей системы

денежно-трудовых отношений с государственными службами и предпринимательским сообществом. Пора повнимательнее относиться к тому, что происходит в мире.

Список литературы

1. Права человека: Изложение фактов. № 24: Права трудящихся мигрантов / Всемирная кампания за права человека. ООН. Женева.1997. Август. С. 33.
2. Миграция населения. Вып. 2. Трудовая миграция в России / под ред. О.Д. Воробьевой. М., 2001.
3. http://studopedia.ru/1_117919_tema--mezhdunarodnaya-trudovaya-migratsiya.html
4. <http://pandiaweb.ru/text/77/340/35360.php>
5. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990.
6. Проблемы незаконной миграции в России. Реалии и поиск решений. М., 2004.
7. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007.
8. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Дело, 2015.
9. Топилин А.В. Демографический потенциал, миграция, рынок труда. М., 2002.
10. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. Оф. изд. М., 2013.
11. Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество. В кн.: Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.
12. Топилин А.В., Парфентцева О.А. Перспективы трудовой миграции в России. От количественных к качественным параметрам. М., 2008.
13. Миграция и денежные переводы. Восточная Европа и бывший Советский Союз. М.,2009.
14. Мукомель В.И. Трансформация миграционных потоков: циркулярные миграции // Миграционное право. 2012. № 3.

References

1. *Prava cheloveka: Izlozhenie faktov.* № 24: Prava trudyashchikhsya migrantov [The Human Rights faktov.№24: Rights of Migrant Workers]. Vsemirnaya kampaniya za prava cheloveka. OON [Global Campaign for Human Rights. UN]. Zheneva.1997. August, pp. 33.
2. *Migratsiya naseleniya. Vypusk vtoroy. Trudovaya migratsiya v Rossii* [Migration. Second Edition. Labour migration in Russia]. Moscow, 2001. Available at: http://studopedia.ru/1_117919_tema--mezhdunarodnaya-trudovaya-migratsiya.html, <http://pandiaweb.ru/text/77/340/35360.php>
3. Rybakovskiy L.L. *Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let* [The population of the Far East for 150 years]. Moscow, «Nauka» Publ.,1990
4. *Problemy nezakonnoy migratsii v Rossii. Realii i poisk resheniy* [Problemy illegal migration in Russia. Realities and the search for solutions.]. Moscow, 2004.
5. Ryazantsev S.V. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie* [labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, the impact of the regulation]. Moscow, 2007.
6. Florinskaya Yu.F., Mkrтчyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and the labor market]. Moscow, Izd. Dom Delo Publ., 2015.
7. Topilin A.V. *Demograficheskiy potentsial, migratsiya, rynek truda* [The demographic potential, migration, labor market]. Moscow, 2002.
8. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. Statisticheskiy sbornik* [Statistical Yearbook. Statistical Yearbook]. Moscow, 2013.
9. Tyuryukanova E.V. *Trudovye migranty v Moskve: «vtoroe» obshchestvo* [Migrant workers in Moscow: «second» society]. Immigranty v Moskve [Immigrants in Moscow]. Moscow, 2009.
10. Topilin A.V., Parfentseva O.A. *Perspektivy trudovoy migratsii v Rossii. Ot kolichestvennykh k kachestvennym parametram* [prospects of labor migration in Russia. From quantitative to qualitative parameters]. Moscow, 2008.
11. *Migratsiya i denezhnye peregody. Vostochnaya Evropa i byvshiy Sovetskiy Soyuz* [Migration and Remittances. Eastern Europe and the former Soviet Union]. Moscow, 2009.
12. Mukomel' V.I. *Transformatsiya migratsionnykh potokov: tsirkulyarnye migratsii* [Transformation of migration flows: circular migration]. *Migratsionnoe pravo* [Migration Law]. 2012, № 3.

Демографическое движение регионов постсоветской России¹

Demographic Movement of Post-Soviet Russia Regions

Получено 08.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 332.142.2

DOI: 10.12737/13551

РЫБАКОВСКИЙ О.Л.

д-р экон. наук, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: 1246185@mail.ru

RYBAKOVSKIY O.L.

Doctor of Economics, Head of Laboratory, Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: 1246185@mail.ru

СУДОПЛАТОВА В.С.

мл. науч. сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: sudomail@mail.ru

SUDOPLATOVA V.S.

Junior Research Worker, Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: sudomail@mail.ru

ТАЮНОВА О.А.

канд. экон. наук, доцент Самарского государственного экономического университета
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: tayunova_olga@mail.ru

TAYUNOVA O.A.

PhD in Economics, Associate Professor, Samara State Economic University, Samara (Russia)
29 4-th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: tayunova_olga@mail.ru

Аннотация

С помощью нового показателя, коэффициента демографического движения, проведен анализ демографической динамики регионов постсоветской России. Этот показатель сравнивает в относительной форме два разнонаправленных процесса. Один из них включает смертность и эмиграцию и ведет к убыванию численности населения. Другой процесс, включающий рождаемость и иммиграцию, ведет к ее росту. Результатом анализа явилось выделение из регионов России типичных групп, различающихся по характеру и структуре общего прироста населения в целом за 1993–2013 гг.

Abstract

Using a new indicator, coefficient of demographic movement of population, analysis of population dynamics of the regions of post-Soviet Russia is held. This indicator compares in the relative form two differently directed processes. One of them includes mortality and emigration, and leads to the population decay. Another process, including fertility and immigration leads to its growth. The result of the analysis has been the selection of those typical groups differing on the nature and structure of the total population growth for the period of 1993–2013.

Ключевые слова: компоненты демографической динамики, коэффициент депопуляции, коэффициент результативности миграционных связей, коэффициент демографического движения населения.

Keywords: the components of population dynamics, coefficient of depopulation, coefficient of efficiency of migration ties, coefficient of demographic movement of population.

Сегодня уровень развития демографической науки позволяет проводить комплексный анализ демографической ситуации и демографического развития, включая анализ воспроизводственных процессов, миграционных процессов, их совместного действия. Вместе с тем в системе демографических показателей, даже на общем, предварительном этапе анализа, т.е. при оперировании только общими исходными абсолютными величинами составляющих демографического движе-

ния и средней за период численностью постоянного населения территории, имеются некоторые проблемы.

Из уравнения общего (демографического) баланса движения населения территории за период (0;1), выраженного в абсолютных величинах (формула 1), имеем:

$$\begin{aligned} S1 &= S0 + (N-M) + (IM-EM) = \\ &= S0 + NI + MI = S0 + PI, \end{aligned} \quad (1)$$

где $S1$ — численность постоянного населения территории на конец периода; $S0$ — численность постоянного населения территории на начало периода; N — общее число живорождений за пе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-22-01007.

риод (от англ. Natality); M — общее число смертей за период (от англ. Mortality); IM — общая численность постоянных иммигрантов (от англ. Immigration); EM — общая численность постоянных эмигрантов (от англ. Emigration); NI — естественный прирост населения (от англ. Natural increase); MI — миграционный прирост населения (от англ. Migration increase); PI — общий прирост населения (от англ. Population increase).

Формула демографического баланса может состоять не только из абсолютных, но и из общих относительных показателей. Таким образом, характеристика составляющих воспроизводственной и миграционной компонент может сводиться к изучению как абсолютных объемов рождаемости (N), смертности (M), иммиграции (IM), эмиграции (EM), так и их общих показателей или коэффициентов интенсивности.

Если попытаться упорядочить все встречающиеся в практике начального, или «общего анализа», демографического движения населения индикаторы, их исходная система будет следующей.

1. Абсолютные показатели (абсолютными величинами их называть не вполне корректно [1, с. 21, 22]):

1.1) $NI=N-M$ — естественный прирост, в случае отрицательного значения — естественная убыль населения; также возможен термин «сальдо воспроизводства» населения;

1.2) $MI=IM-EM$ — миграционный прирост, или сальдо миграции, в случае отрицательного значения — миграционная убыль населения;

1.3) $PI=(N-M) + (IM-EM)$ — общий прирост, в случае отрицательного значения — общая убыль населения; в качестве синонима можно ввести термины «демографический прирост», «демографическая убыль» или «демографическое сальдо»;

1.4) $GM =IM+EM$ — миграционный оборот населения.

2. Относительные коэффициенты интенсивности (общие коэффициенты):

для их расчета берут среднюю за период численность постоянного населения (Scp), рассчитываемую по формуле средней арифметической или средней хронологической. Тогда:

2.1) $CBR = N/Scp$ — общий коэффициент рождаемости;

2.2) $CDR = M/Scp$ — общий коэффициент смертности;

2.3) IM/Scp — коэффициент интенсивности постоянных прибытий (иммиграции);

2.4) EM/Scp — коэффициент интенсивности постоянных выбытий (эмиграции);

2.5) NI/Scp — общий коэффициент естественного прироста/убыли населения;

2.6) MI/Scp — коэффициент интенсивности миграционного прироста/убыли населения, или относительное сальдо миграции;

2.7) PI/Scp — общий коэффициент (либо коэффициент интенсивности) общего прироста/убыли населения;

2.8) GM/Scp — коэффициент интенсивности миграционного оборота населения.

Обычно для интерпретации получаемые относительные показатели, общие и интенсивности, переводят в промилле (‰) умножением на 1000 либо в другие кратные десяти величины.

3. Относительные коэффициенты координации (соотношения):

3.1) N/M — коэффициент жизненности (Покровского-Пирла), в долях (раз) либо для интерпретации в промилле. Он же, но, наоборот, M/N — коэффициент депопуляции (Kd), в долях (раз) либо для интерпретации в промилле;

3.2) IM/EM и EM/IM — коэффициенты результативности миграционных связей (KRMS). Для удобства интерпретации эти показатели переводят в промилле (‰) умножением на 1000, хотя в анализе удобнее оставлять в долях (раз);

3.3) $|(N-M)/(IM-EM)|$ — компенсация естественной убыли миграционным приростом, в процентах; этот индикатор имеет смысл рассчитывать лишь в случае (положительного) миграционного прироста и естественной убыли населения;

3.4) $|(IM-EM)/(N-M)|$ — компенсация миграционной убыли естественным приростом, в процентах; этот показатель можно рассчитать лишь в случае (положительного) естественного прироста и миграционной убыли населения.

Если естественный и миграционный прирост имеют одинаковый знак, то подобным «компенсаторным» показателем их совместный эффект охарактеризовать нельзя. Это затрудняет, прежде всего, региональный сравнительный анализ результатов действия обеих компонент общего движения населения в такой относительной форме. В подобном случае можно говорить об усилении одного прироста другим либо об усилении одной убыли другой.

Ситуация еще более усугубляется, если данные показатели начинают сравнивать по группе регионов в динамике. При переходе отдельных регионов из режима естественного прироста в режим естественной убыли (депопуляции), либо наоборот, а также при переходе регионов из группы миграционных доноров в группу миграционных реципиентов, либо наоборот, — расчет показателей компенсации часто перестает иметь смысл.

Вместе с тем результаты демографической динамики регионов в последнее время все чаще

используются для оценки эффективности социально-экономического развития территорий, построения различных рейтингов, индексов. Так, Минтруд России регулярно публикует демографический атлас регионов России, включая, правда, лишь воспроизводственные характеристики [2].

Вместе с тем корректные совместные, воспроизводственно-миграционные характеристики текущей демографической динамики стран и регионов в современной научной литературе не встречаются. Вследствие данных обстоятельств возникает необходимость предложить такие относительные характеристики общей динамики численности населения, а также ее положительной и отрицательной составляющих, которые удовлетворяли бы требованиям территориальной и временной сопоставимости.

Для решения данной задачи приведенные выше индикаторы необходимо дополнить показателем соотношения двух составляющих общего прироста населения, положительной и отрицательной, по аналогии с коэффициентом депопуляции, коэффициентом жизненности и коэффициентом результативности миграционных связей.

Это соотношение абсолютных величин демографического прибытия и демографического выбытия по той или иной территории за рассматриваемый период (формула 2) может иметь рабочее название «коэффициент демографического движения» — KDD [3, с. 31]:

$$KDD = (M + EM) / (N + IM). \quad (2)$$

Может также использоваться и его обратная величина $(N + IM) / (M + EM)$.

По аналогии с коэффициентами жизненности, депопуляции и результативности миграционных связей KDD сравнивает в относительной форме два разнонаправленных процесса, один из которых ведет к росту численности постоянного населения территории, другой — к ее убыванию. Данный показатель на предварительной стадии анализа может комплексно характеризовать в относительной форме суммарный воспроизводственно-миграционный эффект движения населения той или иной территории.

Исследуя с помощью показателя KDD баланс демографического движения, возникает потребность выделить вклад в его формирование обеих компонент, воспроизводственной и миграционной, а именно коэффициентов депопуляции (KD) и результативности миграционных связей (KRMS).

Показатель KDD можно разложить на два слагаемых, содержащих показатели KD и KRMS (формула 3), следующим образом [3, с. 32]:

$$\begin{aligned} KDD &= (M+EM) / (N+IM) = \\ &= M/N * (N/(N+IM)) + EM/IM * (IM / (N+IM)) = \\ &= KD * (N/(N+IM)) + KRMS * (IM/(N+IM)). \quad (3) \end{aligned}$$

Веса при коэффициентах депопуляции и результативности миграционных связей — $N/(N+IM)$ и $IM/(N+IM)$ соответственно — в сумме дают единицу. Вследствие чего можно (совместно с KDD) умножением на сто перевести их в процентную величину. Сами по себе эти веса также имеют смысл и логическое содержание. Они представляют собой доли обеих положительных составляющих общего прироста населения в их суммарной величине. Веса коэффициентов KD и KRMS — это их вклады в общий показатель KDD, воспроизводственный и миграционный соответственно. Они выявляют роль величин коэффициентов депопуляции и результативности миграционных связей в формировании итогового коэффициента демографического движения той или иной территории за определенный период времени.

Таким образом, на стадии предварительного общего анализа компонент демографического движения населения страны или ее регионов помимо традиционных коэффициентов интенсивности и координации воспроизводственных и миграционных процессов в отдельности можно использовать и комбинированные воспроизводственно-миграционные показатели, характеризующие общий, совокупный эффект действия демографических прибытий (рождаемости и иммиграции) и демографических выбытий (смертности и эмиграции).

Для России в целом имеем следующие относительные индикаторы общего движения населения (табл. 1).

Вклады коэффициентов KD и KRMS в формирование общего показателя KDD заметно менялись в динамике. Средний за 1993–2013 гг. вклад коэффициентов депопуляции и результативности миграционных связей в общий коэффициент демографического движения составил 80% и 20% соответственно. Это значит, что на четыре пятых изменения коэффициента демографического движения шли за счет динамики коэффициента депопуляции и на одну пятую — за счет динамики коэффициента результативности миграционных связей.

В сумме за 1993–2013 гг. в России выбыло вследствие смерти и постоянной эмиграции 48,0 млн человек, прибыло рождениями и постоянными иммиграциями 40,4 млн человек [4]. Численность постоянного населения России с начала 1993 г. по конец 2013 г. сократилась на 7,6 млн человек, или на 5%. На каждые шесть демографических выбы-

Таблица 1

Относительные показатели демографического движения населения России, в среднем за периоды, в долях (разах)

Год \ Показатель	Коэффициент депопуляции	Коэффициент результативности миграционных связей	Коэффициент демографического движения
1993–1998	1,59	0,41	1,16
1999–2005	1,66	0,57	1,50
2006–2013	1,16	0,21	1,03
1993–2013	1,42	0,38	1,19

Источник данных для расчета — База данных Росстата. URL: <http://cbsd.gks.ru/> [4].

тий в стране приходилось всего пять аналогичных прибытий. Чуть менее 4/5 соотношения всех демографических выбытий ко всем демографическим прибытиям населения России за 21 год можно объяснить вкладом коэффициента депопуляции, остальную часть (1/5) — вкладом коэффициента результативности постоянной межгосударственной миграции населения.

Итоговые показатели демографического движения регионов России за 21 год (1993–2013 гг.) ранжируем по значению общего показателя KDD. Суммируем также за этот период и значения коэффициентов депопуляции и результативности

всех внешних для регионов миграционных связей. Лидеры этого списка по возрастанию значения показателя KDD представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, без демографических потерь прошел период 1993–2013 гг. — «столичная губерния» (город Москва и Московская область), регионы Юга Европейской части РФ — равнинные края, четыре республики Северного Кавказа, две республики ПФО — Татарстан и Башкортостан, две республики СФО — Тыва и Алтай, а также все три составляющие Тюменскую область территории — две автономии и ее южная часть, не являющаяся субъектом РФ. Все эти регионы имеют

Таблица 2

Относительные показатели демографического движения населения отдельных регионов России, в сумме за 1993–2013 гг.

Регион \ Показатель	Коэффициент демографического движения, раз	Коэффициент депопуляции, раз	Коэффициент результативности миграционных связей, раз	d*, в процентах
Чеченская Республика**	0,35	0,20	1,42	88
Республика Ингушетия***	0,44	0,23	0,87	67
Республика Дагестан	0,60	0,35	1,57	80
Ханты-Мансийский АО — Югра	0,76	0,50	0,88	32
Тюменская область, вся	0,81	0,70	0,87	37
Ямало-Ненецкий АО	0,81	0,41	0,97	28
Республика Алтай	0,82	0,77	0,88	54
Республика Тыва	0,86	0,60	1,96	81
Краснодарский край	0,86	1,38	0,50	42
Белгородская область	0,87	1,57	0,44	38
Тюменская область без автон. округов	0,89	1,08	0,66	56
Калининградская область	0,92	1,56	0,54	37
г. Москва	0,92	1,43	0,49	46
Республика Татарстан	0,95	1,16	0,65	58
Ставропольский край	0,95	1,26	0,71	45
Московская область	0,95	1,85	0,45	36
Республика Башкортостан	0,99	1,11	0,82	59
Республика Адыгея	1,00	1,33	0,78	40
В среднем по регионам России	1,11	1,42	0,82	49

Примечание.* d — доля коэффициента депопуляции в формировании коэффициента демографического движения.

** По Чеченской Республике данные представлены за 2003–2013 гг.

*** По Республике Ингушетия данные представлены за 1995–2013 гг.

Источник данных для расчета [4].

экстраординарные для России либо экономические, либо демографические, национальные, конфессиональные, или даже климатические, экологические условия. Показатель KDD всех этих территорий был ниже единицы. Его составляющие, KD и KRMS, делили его в пропорции различно: экономически развитые территории наполовину или даже больше демографически развивались за счет иммиграции, республики Северного Кавказа, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, республики Юга Сибири, а также южная часть Тюменской области — преимущественно за счет воспроизводства населения. Помимо восьми регионов, представленных в табл. 2, положительное сальдо естественного движения населения в России имели в целом за 21 год еще пять республик Северного Кавказа и Юга Сибири, а также Чукотский автономный округ. Регионы, имевшие самый низкий показатель коэффициента депопуляции в России, имели и миграционный отток населения.

Продолжение списка регионов по возрастанию значения показателя KDD представлено в табл. 3.

Здесь уже картина не столь явная, как в табл. 2, несмотря на то, что в данной группе присутствуют локальные миграционные реципиенты страны (Самарская область, Томская область) и даже основные миграционные реципиенты страны (Ленинградская область и город Санкт-Петербург).

Ядро данной группы составляют расположенные в географическом центре России и на основных векторах миграционного движения территории — Оренбургская область, Омская область, Новосибирская область, Челябинская область, Республика Хакасия. В этой группе также находятся не вошедшие в первый список республики Северного Кавказа (кроме Карачаево-Черкесской Республики) и Приволжья, окраинные Астраханская область и Еврейская автономная область.

Продолжение списка регионов по возрастанию значения показателя KDD представлено в табл. 4.

В данную группу входят самые крупные по площади восточные территории России. Это Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Хабаровский край, Алтайский край, Иркутская область, Свердловская область. В списке присутствуют и крупные европейские области — Волгоградская, Саратовская, Ростовская. Если удовлетворительную демографическую ситуацию в первых регионах можно объяснить их «неокраинным» положением и соседством как раз с окраинными территориями страны, для которых они выступают в роли местных миграционных реципиентов, то срединное положение второй группы территорий — их приграничное расположение на векторах миграции из СНГ в Россию.

Таблица 3

Относительные показатели демографического движения регионов России в сумме за 1993–2013 гг.

Регион	Показатель	Коэффициент демографического движения, раз	Коэффициент депопуляции, раз	Коэффициент результативности миграционных связей, раз	d*, в процентах
Астраханская область		1,01	1,16	0,84	52
Новосибирская область		1,01	1,37	0,71	46
Томская область		1,02	1,20	0,85	47
Ленинградская область		1,02	2,27	0,59	26
Респ. Северная Осетия-Алания		1,03	0,94	1,14	56
Кабардино-Балкарская Республика		1,04	0,78	1,73	73
Республика Хакасия		1,04	1,22	0,91	41
г. Санкт-Петербург		1,04	1,71	0,60	39
Самарская область		1,08	1,56	0,63	48
Оренбургская область		1,09	1,25	0,92	53
Еврейская автономная область		1,11	1,24	1,03	36
Республика Бурятия		1,11	0,95	1,37	61
Челябинская область		1,12	1,38	0,81	54
Удмуртская Республика		1,14	1,19	1,04	67
Омская область		1,14	1,24	1,04	51
Чувашская Республика		1,14	1,27	0,95	61
В среднем по регионам России		1,11	1,42	0,82	49

Примечание.* d — доля коэффициента депопуляции в формировании коэффициента демографического движения. Источник данных для расчета [4].

Таблица 4

Относительные показатели демографического движения регионов России в сумме за 1993–2013 гг.

Показатель Регион	Коэффициент демографического движения, раз	Коэффициент депопуляции, раз	Коэффициент результативности миграционных связей, раз	d*, в процентах
Красноярский край	1,15	1,25	1,04	51
Карачаево-Черкесская Респ.	1,15	0,87	1,57	60
Свердловская область	1,16	1,46	0,79	55
Калужская область	1,17	1,90	0,72	38
Саратовская область	1,18	1,64	0,77	48
Волгоградская область	1,18	1,53	0,83	51
Иркутская область	1,19	1,18	1,20	62
Липецкая область	1,19	1,79	0,65	48
Ростовская область	1,19	1,58	0,78	51
Республика Калмыкия	1,19	0,79	1,69	55
Республика Марий Эл	1,20	1,35	1,00	57
Алтайский край	1,20	1,41	1,01	49
Республика Саха (Якутия)	1,21	0,63	2,10	61
Кемеровская область	1,22	1,54	0,87	53
Хабаровский край	1,23	1,33	1,14	46
Воронежская область	1,23	1,98	0,63	45
Пермский край	1,24	1,40	0,96	64
В среднем по регионам России	1,11	1,42	0,82	49

Примечание.* d — доля коэффициента депопуляции в формировании коэффициента демографического движения. Источник данных для расчета [4].

Аналогичная ситуация у регионов – соседей первых миграционных реципиентов – Калужской, Воронежской, Липецкой областей. В данную группу также входят регионы с низкой интенсивностью миграционных связей — Республика Марий Эл, Республика Калмыкия, Пермский край.

Продолжение списка регионов по возрастанию значения показателя KDD представлено в табл. 5.

В данной группе территорий присутствуют локальные миграционные реципиенты (Ярославская область, Нижегородская область), регионы окружения основных миграционных реципиентов

Таблица 5

Относительные показатели демографического движения регионов России в сумме за 1993–2013 гг.

Показатель Регион	Коэффициент демографического движения, раз	Коэффициент депопуляции, раз	Коэффициент результативности миграционных связей, раз	d*, в процентах
Забайкальский край	1,25	1,05	1,58	63
Ульяновская область	1,25	1,62	0,94	46
Вологодская область	1,27	1,59	0,82	58
Орловская область	1,29	1,87	0,75	48
Ярославская область	1,30	1,99	0,62	49
Республика Карелия	1,31	1,63	0,96	52
Приморский край	1,33	1,37	1,28	53
Курская область	1,33	1,91	0,78	49
Пензенская область	1,35	1,84	0,84	51
Костромская область	1,35	1,88	0,86	49
Курганская область	1,35	1,49	1,22	49
Владимирская область	1,36	2,01	0,78	47
Новгородская область	1,36	2,17	0,76	43
Брянская область	1,37	1,84	0,88	51
Нижегородская область	1,38	1,95	0,62	57
В среднем по регионам России	1,11	1,42	0,82	49

Примечание.* d — доля коэффициента депопуляции в формировании коэффициента демографического движения. Источник данных для расчета [4].

страны (Владимирская, Новгородская, Вологодская области, Республика Карелия), регионы, расположенные на основных векторах экономического сотрудничества (Курская и Орловская области, Брянская область, Ульяновская область). В данную группу также входят относительно успешный регион Дальнего Востока — Приморский край, национально неоднородный Забайкальский край, а также иные европейские области России, расположенные по соседству с локальными миграционными реципиентами либо «во втором эшелоне» от основных миграционных реципиентов страны.

Окончание списка регионов по возрастанию значения показателя KDD представлено в табл. 6.

Внизу списка по уровню показателя KDD — наиболее экономически и, как следствие, демографически неблагополучные территории страны. Их две основные подгруппы. Первая — «ядро» Европейской России, откуда шло заселение окраин Российской Империи, СССР, а теперь — первых мегаполисов страны и их ближайшего окружения.

Вторая подгруппа — окраины, регионы Европейского Севера, примыкающая к ним Кировская область и «экстремальные» территории Дальнего Востока. Худшей по результатам воспроизводственно-миграционного движения населения территорией не Северной Европейской России за

1993–2013 гг. являлась Республика Мордовия, худшей по стране — Магаданская область.

Таким образом, не учитывая Республику Ингушетию, миграционная обстановка в которой объяснялась в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. действием неэкономических факторов (потоки вынужденных переселенцев), можно констатировать, что за 21 год (1993–2013 гг.) в России было всего три региона (либо четыре субъекта РФ), имевших и естественный, и миграционный прирост населения. Эти регионы — Республика Алтай, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ (либо те же три субъекта РФ и Тюменская область в целом).

Все остальные территории России имели либо естественную убыль, либо миграционную убыль, либо и ту и другую вместе. Из их числа лишь девять регионов имели естественный прирост, в том числе три — и итоговый демографический прирост (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Тыва).

За счет миграции выходили из отрицательного демографического роста населения основные миграционные реципиенты страны (город Москва, Московская область, Белгородская область, Краснодарский край), локальные миграционные реципиенты страны — южная часть Тюменской области, Калининградская область, Республика

Таблица 6

Относительные показатели демографического движения регионов России в сумме за 1993–2013 гг.

Показатель	Кoeffициент демографического движения, раз	Кoeffициент депопуляции, раз	Кoeffициент результативности миграционных связей, раз	d*, в процентах
Тверская область	1,40	2,30	0,76	41
Смоленская область	1,40	2,18	0,83	42
Рязанская область	1,41	2,16	0,76	47
Тамбовская область	1,45	2,10	0,90	46
Камчатский край	1,47	1,07	1,74	40
Мурманская область	1,47	1,22	1,61	35
Ивановская область	1,48	2,22	0,82	47
Псковская область	1,48	2,45	0,80	41
Кировская область	1,51	1,75	1,18	58
Республика Коми	1,52	1,18	1,88	51
Тульская область	1,55	2,49	0,78	45
Республика Мордовия	1,55	1,75	1,26	60
Архангельская область	1,58	1,46	1,77	63
Сахалинская область	1,72	1,37	2,06	49
Чукотский автономный округ	1,96	0,82	2,39	27
Магаданская область	2,00	1,16	2,41	33
В среднем по регионам России	1,11	1,42	0,82	49

Примечание.* d — доля коэффициента депопуляции в формировании коэффициента демографического движения. Источник данных для расчета [4].

Татарстан, а также экономически успешные Ставропольский край и Республика Башкортостан.

Все прочие 70 регионов страны (85% от их числа) «усугубляли» режим депопуляции итоговым оттоком своего населения внутри страны.

Регионы, имевшие самый низкий показатель коэффициента депопуляции в России, имели миграционный отток населения, чего не скажешь об обратной связи. Вывод таков: в России, да и на территории СНГ, постепенно складывается «демографическая специализация», или «демографическое разделение труда». Это процесс аналогичен общемировому. Основных условий для этого — два. Первое — сосуществование различных по степени демографического перехода территорий, отличающихся и уровнем урбанизации, и степенью экономического развития. Второе — различия в природных запасах и в географических преимуществах территорий.

В результате таких различий одни территории заняты производством, и их местное население вымирает естественным, «воспроизводственным путем» из-за сверхзанятости, пережитков урбанизации и т.п. Другие территории, напротив, заняты «воспроизводством людей» и перенаселяются из-за высокого уровня рождаемости и отсутствия занятости. Для достижения рыночного баланса и вследствие территориальных различий уровня жизни из вторых территорий в первые

выталкивается людская масса, восполняющая вымирающее население первых территорий. Сейчас так действует пресловутый «Push-Pull», закон Эверетта Ли [5].

Миллионы молодых североафриканских, восточноевропейских и азиатских мигрантов обеспечивают высокий жизненный уровень западноевропейских пенсионеров, так сказать «старушки Европы». Процветает межстрановая капиталистическая эксплуатация и обирание развитыми территориями земли развивающихся, «утечка умов», «утечка невест», «утечка детей» и т.п. То же самое, но не в столь изощренной форме, происходит сейчас в России и на территории СНГ. Последствия от спонтанных и лишь отчасти не обделяемых вниманием властей миграционных процессов в России, межрегиональных и межгосударственных, — удручающие. Вся страна, начиная от «второго эшелона окружения» основных миграционных реципиентов и заканчивая окраинными территориями Европейского Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, — разорена демографическим путем. Остановить процесс ухудшения расселения населения может и должно российское государство. И санкционное давление Запада, отчасти нехотя, создало в 2014 г. для страны предпосылки для стимулирования повторного освоения Востока Евразийского государства России.

Список литературы

1. Рыбаковский О.Л. Теория статистики: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во РАГС, 2010.
2. Минтруд России, URL: <http://www.rosmintrud.ru/2025/atlas>.
3. Судоплатова В.С. Компоненты и потенциал демографической динамики современной России и ее регионов: дис. ...канд. экон. наук. М.: ФГБУН ИСЭПН РАН, 2015.
4. Росстат, URL: <http://www.gks.ru/>.
5. Everett S. Lee A Theory of Migration // *Demography*, Vol. 3, No. 1. 1966.

References

1. Rybakovskiy O.L. *Theory of statistics*. Moscow, RAGS Publ., 2010.
2. The Ministry of labour of Russia. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/2025/atlas>
3. Sudoplatova V.S. *The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of economic sciences «Components of population dynamics and potential of modern Russia and its regions»*. Moscow, ISESP RAS Publ., 2015.
4. Rosstat. Available at: <http://www.gks.ru/>
5. Everett S. Lee A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3, № 1. 1966.

Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда

Earned Income Differentiation between Immigrants and Native Workers on the Russian Labour Market

Получено 15.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 331

DOI: 10.12737/13552

СМИРНЫХ Л.И.

профессор факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», зам. заведующего лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ
119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, корпус 4, комн. 4332
E-mail: lsmirnykh@hse.ru

SMIRNYKH L.I.

Professor, Department of Economics, National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).
Deputy Head of the Laboratory for Labour Market Studies, Laboratory for Labour Market Studies, National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).
Room 4332, Bldg 4, 26 Shabolovka street, Moscow, 119049, Russia
E-mail: lsmirnykh@hse.ru

ПОЛЯКОВА Е.Ю.

аспирантка факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; аналитик лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ
119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, корпус 5, комн. 5412
E-mail: ev.poliakova@gmail.com

POLYAKOVA Ye.Yu.

Postgraduate Student, Faculty of Economics, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).
Analyst, Laboratory for Labour Market Studies, National Research University Higher School of Economics
Room 5412, Bldg 5, 26 Shabolovka street, Moscow, 119049, Russia
E-mail: ev.poliakova@gmail.com

Аннотация

Объект. Внешние иммигранты и местные работники на российском рынке труда.

Предмет. Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками.

Теоретическая сторона предмета. Исследование базируется на положениях теории дискриминации, согласно которым трудовые доходы работников с одинаковыми производительными характеристиками могут различаться. Причины различий могут заключаться в предубеждении работодателей в отношении отдельных типов работников, в сегрегации рабочих мест и др. В данной работе рассматривается, какой вклад вносит дискриминация, вне зависимости от ее причин, в неравенство трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками.

Эмпирическая сторона предмета. Исследование было выполнено на основании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) за 2004–2012 гг. Впервые для этих данных были разработаны критерии для определения категории внешних иммигрантов и рассчитано их количество для российского рынка труда. Для оценки неравенства в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками был применен метод декомпозиции Оксаки-Блайндера. Оценки были выполнены в среднем за весь анализируемый период, а также с учетом колебаний спроса в периоды экономических циклов: докризисный период (2004–2007), период кризиса (2008–2009) и посткризисный период (2010–2012).

Цели. Цель работы состоит в том, чтобы, рассчитав вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов в неравенство трудовых доходов на основе метода декомпозиции Оксаки-Блайндера, определить размер и причины различий в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками.

Abstract

Object. Vneshnieimmigranty and local workers on the Russian labor market.

Subject. Differentsiatyatrudovyh income between vneshniiimmigrantami and local workers.

The theoretical side of the subject. The study is based on the provisions of the theory of discrimination, according to which the labor income of workers with the same performance characteristics may vary. The reasons for the differences can be to the prejudice of employers in respect of certain types of workers in the segregation of jobs and others. In this paper we consider what contribution is discrimination, regardless of its causes, the inequality of labor income between foreign immigrants and local workers.

The empirical side of subject. Issledovanie was performed on data from the Russian Longitudinal Monitoring health HSE (RLMS) for 2004–2012. For the first time these data were developed criteria for determining the category of foreign immigrants and their number is calculated for the Russian labor market. To assess disparities in labor earnings between immigrants and foreign national workers has been the method of decomposition of Oaxaca-Blinder. The estimates were made on average over the whole period, as well as taking into account fluctuations in demand in times of economic cycles: pre-crisis period (2004–2007), during the crisis (2008–2009) and after the crisis period (2010–2012).

Goal. The purpose of this paper is to calculate the contribution of observable and unobservable factors in the inequality of labor income on the basis of dekompozitsiiOksaki-Blinder, opredelitrazmer and reasons for the differences in labor income between foreign immigrants and local workers.

Basic theoretical and empirical article. The results showed that the labor income vneshnihimmigrantovna Russian labor market on average 15% lower than the labor income of local workers. This inequality in labor income increases during the economic crisis (21%) and decreased in non-crisis years (11–13%).

Основные теоретические и эмпирические положения статьи. Результаты анализа показали, что трудовые доходы внешних иммигрантов на российском рынке труда в среднем на 15% ниже, чем трудовые доходы местных работников. При этом неравенство в трудовых доходах возрастало в период экономического кризиса (21%) и снижалось в некризисные годы (11–13%).

Дифференциация в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками сокращается на российском рынке труда за счет наблюдаемых социально-демографических характеристик работников, но увеличивается за счет факторов, которые связаны с дискриминацией. В силу доминирования дискриминационного эффекта в отношении внешних иммигрантов их трудовые доходы отстают по уровню от трудовых доходов местных работников. При этом вклад дискриминации в неравенство трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками уменьшался во время экономического кризиса, но после его завершения снова возрос.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что уровень неравенства трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда схож с аналогичными показателями на рынках труда в ряде европейских стран (Германия, Португалия). При этом факторы, связанные с дискриминацией, оказывают в России большее влияние на неравенство в трудовых доходах, чем в странах Европы.

Выводы. Было установлено, что неравенство в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда обусловлено не столько различиями в их социально-демографических характеристиках, сколько действием факторов, которые связаны с дискриминацией работников. В условиях дефицита трудовых ресурсов меры государственной политики занятости должны быть направлены на преодоление дискриминации и повышение конкуренции на российском рынке труда.

Ключевые слова: иммиграция, дифференциация трудовых доходов, метод Оксаки-Блайндера, российский рынок труда.

Differentiation in labor earnings between immigrants and foreign national workers is reduced in the Russian labor market due to the observed socio-demographic characteristics of workers, but increases due to factors that are associated with discrimination. Due to the dominance of the discriminatory effect against foreign immigrants their incomes lag behind in terms of the labor income of local workers. The contribution of discrimination in labor income inequality between foreign immigrants and local workers decreased during the economic crisis, but after its completion increased again.

The findings suggest that the level of inequality of labor income between external immigrants and local workers on the Russian labor market is similar to those of the labor markets in some European countries (Germany, Portugal). At the same factors related to discrimination in Russia have a greater impact on inequality in labor income than in Europe.

Conclusions. It was found that inequality in labor earnings between *vneshnimi* immigrantami and local workers in the Russian market *truda* *obuslovljeno* not so much differences in their socio-demographic characteristics as to the factors that are associated with discrimination against workers. Given the shortage of manpower the state employment policy measures should be designed to overcome discrimination and increase competition in the Russian labor market.

Keywords: immigration, Differentiation of labor income, Oaxaca-Blinder method, the Russian labor market.

Введение

После распада Советского Союза значительно возросли потоки иммигрантов в Россию с постсоветского пространства. Страны СНГ стали основными «поставщиками» рабочей силы на российский рынок труда. На их долю приходится 73,4% всех внешних мигрантов [Ефимова, 2011, 3]. В общей сложности за 2000-е гг. иностранным гражданам выдано более 11 млн разрешений на работу, а в 2012 г. численность трудовых мигрантов, работающих на законных основаниях, превысила 2 млн человек [Варшавская и Денисенко, 2014, 2]. В связи с этим актуальным становится анализ поведения иммигрантов и их влияние на основные индикаторы российского рынка труда: занятость и заработную плату.

Согласно результатам ряда исследований, иммигранты зарабатывают часто меньше, чем местные работники [Borjas, 1994, 12; Aldashevet. al., 2008, 6; Cabral, Duarte, 2013, 16]. Эти различия объясняются разными причинами. С одной стороны, иммигранты могут иметь меньше накопленный человеческого капитала по сравнению с местными работниками [Edinet. al., 2003, 21; Damm,

2009, 20; Borjas, 1994, 12]. С другой стороны, иммигранты могут «самоотбираться» в низкооплачиваемые сферы деятельности [Catanzarite, 2000, 17; Hansen et. al., 2010, 24; Waldinger, Bailey, 1991, 35]. В-третьих, они могут быть дискриминируемой группой на рынке труда [Borjas, 1994,12; Aldashevet. al., 2008, 6; Cabral, Duarte, 2013, 16]. Таким образом, чтобы выявить, какая часть неравенства в трудовых доходах иммигрантов и местных работников связана с дискриминацией, необходимо проведение детального анализа.

Большинство исследований по данной тематике выполнены в европейских странах и США [MengandZhang, 2001, 31; Catanzarite, 2000, 17; Bartolucci, 2010, 9; Lehmer, Ludsteck, 2011, 29; Montoya, Giordano, 2012, 32]. В России исследования о неравенстве трудовых доходов между иммигрантами и местными работниками по причине дискриминации до последнего времени не проводились. Хотя отдельные аспекты влияния иммиграции на рынок труда и, в частности, на заработную плату нашли в них отражение. В частности, Ю. Андриенко и С. Гуриев [2006, 1] на основе анализа иммиграционной ситуации в России приходят к

выводу, что существующая в России миграционная политика ограничивает масштабы миграции, приводя одновременно к росту нелегальных иммигрантов. Они указывают, что профессиональная структура иммигрантов в России смещена в сторону низкоквалифицированных работников с низким уровнем заработной платы [Андрюченко и Гуриев, 2006, 1].

Оценка процессов ассимиляции этнически русских иммигрантов в России показала, что такие иммигранты негативно влияют на занятость, но не снижают заработные платы местных работников [Lazareva, 2012, 27].

Однако если речь идет о внешних иммигрантах, то они часто отстают по уровню заработной платы от местных работников. В частности, используя данные заявок на миграционные квоты, было выявлено, что иностранные работники в России зарабатывают меньше, чем местные работники¹ [Commander, Denisova, 2012, 18]. Оказалось также, что заработная плата иммигрантов из Таджикистана гораздо ниже по сравнению с заработной платой местных работников. В 2007 г. разрыв в заработной плате по наблюдаемым характеристикам двух групп составил 37%, а в 2009 г. — уже 45% [Чернина и Локшин, 2013, 5].

Выявление причин, которые лежат в основе различий в трудовых доходах внешних трудовых этнически нерусских иммигрантов (внешних иммигрантов)² и местных работников, имеет значение для характеристики функционирования российского рынка труда. Данное исследование восполняет образовавшийся пробел. Его целью является получение оценок, характеризующих не только уровень, но и причины различий в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками.

Для реализации поставленной цели были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ — НИУ ВШЭ) за 2004–2012 гг. Методология проведения анализа базировалась на теоретическом положении о том, что разница в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками складывается из двух составляющих. Наблюдаемая составляющая объясняет разницу в трудовых доходах, обусловленную различиями в наблюдаемых социально-демографических характеристиках индивидов. А ненаблюдаемая составляющая отражает наличие ненаблюдаемых характеристик двух групп и может

свидетельствовать о дискриминации одной из них со стороны работодателей. Исходя из этого, а также следуя традициям эмпирического анализа, применяемого для такого типа задач [MengandZhang, 2001, 31; NeumanandSilber, 1996, 33; Cabral и Duarte, 2013, 16; Hoferetal. 2014, 25; Aldashevetal. 2008, 6], в исследовании был применен метод декомпозиции Оксаки-Блайндера [Blinder, 1973, 11; Оахаса, 1973, 34].

Предполагалось также, что различия в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками не являются постоянными во времени и изменяются под влиянием колебаний спроса. В периоды экономического подъема различия в трудовых доходах предположительно должны сокращаться, а в период экономического спада, наоборот, расти. Для проверки данного предположения первоначально оценивался разрыв в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками с 2004 по 2012 г. Затем измерялись разрывы в трудовых доходах между двумя группами работников в докризисный период (2004–2007 гг.); в период кризиса (2008–2009 гг.) и после кризиса (2010–2012 гг.).

Обзор литературы

На уровень трудовых доходов индивидов влияют факторы как со стороны предложения труда, так и со стороны спроса на труд. Многие из них являются для исследователей наблюдаемыми, и их влияние можно измерить. Это накопления человеческого капитала (уровень образования), стаж работы, возраст, характер и вид занятости индивида и др.

Считается, что разница в трудовых доходах между иммигрантами и местными работниками во многом объясняется различиями в их уровнях человеческого капитала [Catanzarite, 2000, 17; Cutleret. al., 2008, 19; MengandZhang, 2001, 31; ArcandandD'Hombres, 2004, 7; Manacordaetal., 2012, 30; Bratsbergetal., 2006, 14]. Кроме того, низкие уровни трудовых доходов иммигрантов объясняются у них меньшей отдачей от образования по сравнению с местными работниками [IslamandParasnis, 2014, 26].

Помимо наблюдаемых факторов, на трудовой доход индивидов влияют и ненаблюдаемые факторы, которые трудно или не всегда измеримы. Например, в результате неслучайного распределения иммигрантов по отраслям экономики их доходы могут оказаться ниже (выше), чем у местных работников [Edinetal., 2003, 21; Damm, 2009, 20]. Концентрация иммигрантов в отдельных секторах экономики может формироваться за счет

¹ Исключение составляют только некоторые фирмы из числа крупных и (или) иностранных компаний.

² Далее данная группа будет именоваться как внешние иммигранты.

их социальных связей и развитости социальных сетей в принимающей стране [ArrowandBorzekowski, 2004, 8; Fontaine, 2008, 22; BramoulleandSaint-Paul, 2010, 13]. Значение имеет также «самоотбор» иммигрантов в отдельные сектора экономики, которые традиционно закреплены за ними [Borjas, 1994, 12], а также отношение к ним и дискриминация со стороны работодателей [Catanzarite, 2000, 17; Cutleret. al., 2008, 19; MengandZhang, 2001, 31].

Дискриминация внешних иммигрантов может возникать по разным причинам. Она является либо следствием предубеждений отдельных работодателей в отношении определенного типа работников [Becker, 1975, 10], либо результатом высоких издержек измерения производительности индивидов в условиях несовершенства рынков и асимметричности информации [Lazear, 1999, 28].

При дискриминации трудовые доходы внешних иммигрантов оказываются ниже их уровня производительности, по сравнению с трудовыми доходами местных работников с такой же квалификацией [Waldinger и Bailey, 1991, 35; Hansen et.al., 2010, 24].

Эмпирические исследования свидетельствуют, что различия в трудовых доходах иммигрантов и местных работников варьируются не только по странам, но и в пределах одной страны в зависимости от данных и методов, используемых для анализа. Например, в Германии разница в заработных платах иммигрантов и местных работников зафиксирована в среднем в пределах 13% [Bartolucci, 2010, 9]. При этом, согласно другим исследованиям, она составляет 11,3 % для мужчин и 20% для женщин в пользу местных работников [Aldashevet.al. 2008, 6]. В Португалии дифференциация заработных плат иммигрантов и местных работников находится в пределах от 15% до 18,8% [CabralandDuarte, 2013, 16]. В Австрии заработная плата местных работников на 15% выше по сравнению с заработной платой иммигрантов [Hoferet. al. 2014, 25].

Вклад дискриминации в неравенство трудовых доходов между иммигрантами и местными работниками существенно различается по странам. Одни исследователи утверждают, что в Германии дискриминация объясняет от 12,8% до 16,8% различий в заработных платах между иммигрантами и местными работниками [Bartolucci, 2010, 9]. При этом другие исследователи считают, что в Германии на долю дискриминации приходится 88% различий в заработных платах иммигрантов и местных работников [Aldashevet. al. 2008, 6]. В Португалии вклад дискриминации в дифференциацию заработных плат между иммигрантами и местными работниками близок к значениям по Германии и составля-

ет около 80% [Cabral и Duarte, 2013, 16]. При этом в Австрии, в соседней с Германией стране, влияние дискриминации на дифференциацию заработных плат между иммигрантами и местными работниками не превышает 5% [Hoferet. al., 2014, 25].

Российские результаты о вкладе дискриминации в дифференциацию заработных плат между иммигрантами и местными работниками до последнего времени отсутствовали. Данное исследование восполняет образовавшийся пробел, поскольку в нем проводится оценка различий в трудовых доходах между внешними трудовыми иммигрантами и местными работниками в России, и в связи с этим оно является актуальным.

Данные и методология

Для выполнения исследования были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения — НИУ ВШЭ (РМЭЗ) за период с 2004 по 2012 г. Анализ проводился для работников в возрасте от 16 до 66 лет для мужчин и с 16 до 55 лет для женщин, относящихся к категории занятых. Занятые индивиды удовлетворяли хотя бы одному из условий: они выполняли в последние 30 дней какую-либо оплачиваемую работу; находились в оплачиваемом отпуске (кроме отпуска по уходу за ребенком); пребывали в неоплачиваемом отпуске.

РМЭЗ содержит информацию об индивидах, условиях их занятости и оплате труда, а также об их национальности и о стране рождения. При этом в РМЭЗ отсутствуют прямые сведения о миграционном статусе индивидов, и нет сведений об их гражданстве. Определить статус гражданства индивида на данных РМЭЗ (с 2009 г.) можно только косвенным образом, используя ответы респондентов на вопрос: «С какого года Вы проживаете в России?». Индивиды, проживающие в России менее пяти лет, могут рассматриваться как потенциальные иммигранты, а иностранные работники со стажем проживания в России менее пяти лет — как внешние иммигранты. Результаты анализа показали, что количество респондентов, проживающих в России менее 5 лет, крайне мало. Кроме того, по данным РМЭЗ, большинство респондентов (около 80%), проживающих в России менее 5 лет, являются этнически русскими. Таким образом, критерий гражданства оказался неподходящим для выделения группы внешних иммигрантов. К тому же не столько статус гражданства, сколько его «комбинация» с этническими признаками иммигрантов являются часто причинами, приводящими к дискриминации работников [Glitz, 2012, 23; Catanzarite, 2000, 17].

Этнически нерусские иммигранты отличаются от этнически русских иммигрантов, прежде всего, тем, что русский язык для них не является родным языком, а также они имеют иные культурные и религиозные традиции. При этом для большинства этнически русских иммигрантов русский язык является родным языком, и они получали образование на русском языке [Lazareva, 2012, 27]. Кроме того, этнически русские иммигранты минимально подвержены дискриминационным практикам на рынке труда по сравнению с другими группами иммигрантов [Lazareva, 2012, 27]. Исходя из этого и относительно высокой степени однородности значимых наблюдаемых характеристик этнически русских иммигрантов и местных работников, они были объединены в нашем исследовании в одну группу.

Для формирования группы внешних иммигрантов в данном исследовании использовались два критерия: этничность и страна рождения. К группе внешних иммигрантов мы относили этнически нерусских индивидов, которые не рождены в Российской Федерации. В общей выборке³, состоящей из 37 493 наблюдений, количество внешних (этнически нерусских) иммигрантов составило 4,78%, а количество местных работников — 95,22% (табл. 1). Среди них большинство принадлежало этнически русским индивидам, рожденным в России (70,92%). К местным работникам относились также индивиды, рожденные в России, но не являющиеся этнически русскими (10,63%), и этнически русские индивиды, но не рожденные в России (13,67%).

Таблица 1

Композиция выборки
(в скобках количество наблюдений)

Место рождения индивидов	Этничность индивидов	
	Этнически нерусские	Этнически русские
Рожденные в России	10,63% (3986)	70,92% (26 590)
Рожденные не в России	4,78% (1791)	13,67% (5126)

Оценка различий в трудовых доходах внешних иммигрантов и местных работников проводилась с использованием разложения по методу Оксаки-Блайндера [Blinder, 1973, 11; Оахаса, 1973, 34]. Этот метод часто используется для решения такого рода задач в экономике. Его достоинство состоит в том, что он позволяет оценить вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик индивидов и различия их трудовых доходов.

³ Из выборки исключены пропущенные значения переменных.

Суть метода состоит в том, что используются уравнения трудовых доходов для двух групп:

$$\ln w^{migrant} = X^{migrant} \beta^{migrant} + \varepsilon^{migrant}, \quad (1)$$

$$\ln w^{native} = X^{native} \beta^{native} + \varepsilon^{native}, \quad (2)$$

где ε — стандартная ошибка; β — коэффициенты объясняющих переменных в уравнениях трудовых доходов внешних иммигрантов и местных работников; X — векторы социально-демографических характеристик внешних иммигрантов и местных работников.

Затем рассчитывалось уравнение разложения трудовых доходов следующего вида:

$$\begin{aligned} \ln w^{native} - \ln w^{migrant} = & \\ = \sum \beta^{native} (\bar{X}^{native} - \bar{X}^{migrant}) + & \\ + \sum \bar{X}^{migrant} (\beta^{native} - \beta^{migrant}). & \end{aligned} \quad (3)$$

Первая часть уравнения определяет объясняемую часть уравнения, или разницу в трудовых доходах двух групп, которая зависит от их наблюдаемых характеристик, включенных в уравнение. Вторая часть уравнения — необъяснимую разницу в трудовых доходах, которая может быть отнесена к проявлению дискриминации, при которой индивиды с одинаковыми наблюдаемыми характеристиками оплачиваются работодателями по-разному [MengandZhang, 2001, 31; ArcandandD'Hombres, 2004, 7; BryninandGüveli, 2012, 15].

Для формирования зависимой переменной трудового дохода использовался вопрос: «Сколько денег в течение последних 30 дней Вы получили на этой работе после вычета налогов?». Таким образом, трудовой доход включал не только заработную плату, но другие денежные выплаты (премии, бонусы, компенсации, материальную помощь и др.), которые получили работники после вычета налогов.

Для расчетов использовался логарифм уровня часового трудового дохода. Для этого уровни месячных трудовых доходов были разделены на количество часов работы в месяц и приведены к ценам 2004 г.

Контрольные переменные включали: три уровня образования (общее среднее, профессиональное и высшее), возраст и квадрат возраста, гендерную принадлежность (1 = мужчина), семейный статус (1 = состоит в браке⁴), наличие детей (1 = есть хотя бы один ребенок), регион проживания

⁴ Официальный или гражданский брак.

(1 = Москва, Московская область и Санкт-Петербург), тип населенного пункта места проживания (1 = проживает в городе).

Эмпирические результаты

Результаты исследования, по данным РМЭЗ, показывают, что доля внешних иммигрантов в России в 2012 г. снизилась по сравнению с 2004 г. При этом снижение было неравномерным. В 2005 г. количество внешних иммигрантов составляло 6,11%, а к 2009 г. оно сократилось до 3,95%. Затем, увеличившись в 2012 г. до 4,23%, количество внешних иммигрантов не превысило уровень 2008 г. (4,62%) (рис. 1).

По ряду социально-демографических характеристик внешние иммигранты мало отличались от местных работников. Они имели приблизительно одинаковый возраст, среди них насчитывается приблизительно одинаковое количество мужчин (50%), что и среди местных работников. Как и местные работники, 77% внешних иммигрантов имеют детей, а 84% состоят в браке (табл. 2).

Одновременно между двумя группами есть и различия. Внешние иммигранты и местные работники по-разному представлены по уровням образования. Индивиды с высшим образованием среди внешних иммигрантов встречаются реже (27%), чем среди местных работников (30%). А доля

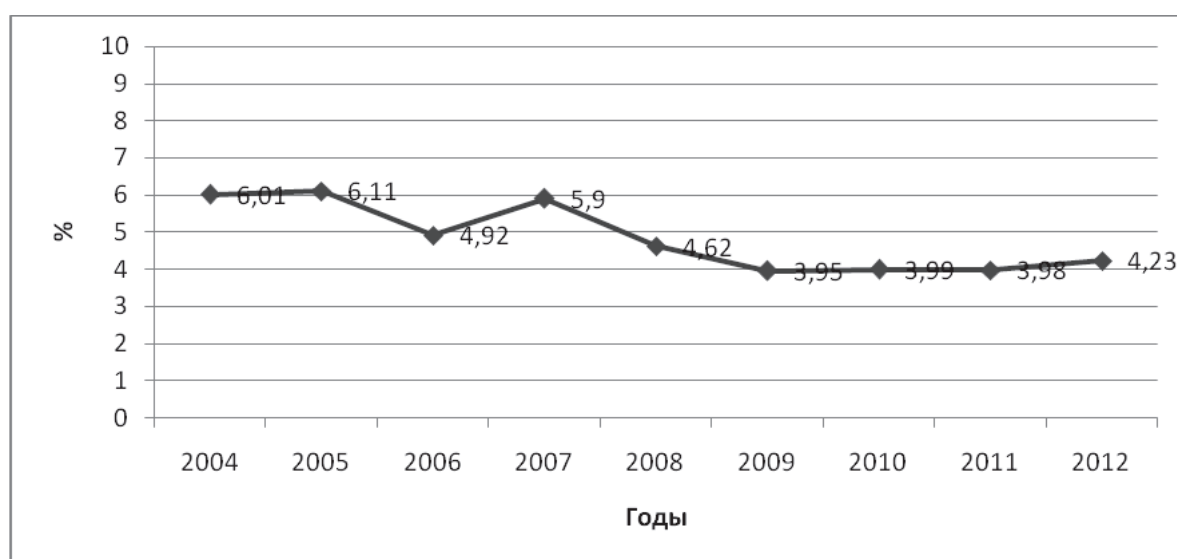

Рис. 1. Доля внешних иммигрантов в 2004–2012 гг., %

Таблица 2

Описательная статистика

Название переменных	Среднее значение (стандартное отклонение)		
	Всего	Местные работники	Внешние иммигранты
Уровень месячного трудового дохода, руб.	9323,251 (4338,563)	9373,04 (4355)	8330,71 (3846)
Количество часов работы в месяц	174,49 (44,98)	174,24 (44,77)	179,47 (48,81)
Уровни образования:			
общее среднее и ниже	0,07 (0,26)	0,07 (0,25)	0,10 (0,31)
среднее профессиональное	0,62 (0,48)	0,62 (0,48)	0,61 (0,48)
высшее	0,30 (0,45)	0,30 (0,46)	0,27 (0,44)
Возраст, количество лет	37,93 (10,59)	37,90 (10,57)	38,62 (10,92)
Стаж работы на одном месте, количество лет	7,54 (9,15)	7,57 (9,18)	6,79 (8,54)
Пол (1 = мужчина)	0,50 (0,49)	0,50 (0,49)	0,54 (0,49)
Дети (1 = есть хотя бы один ребенок)	0,77 (0,41)	0,77 (0,41)	0,77 (0,41)
Семейный статус (1 = состоит в браке, официальном или гражданском)	0,84 (0,36)	0,84 (0,36)	0,84 (0,36)
Регион (1 = Москва, Московская область, Санкт-Петербург)	0,20 (0,40)	0,20 (0,40)	0,24 (0,43)
Место проживания (1 = город)	0,77 (0,41)	0,77 (0,41)	0,74 (0,43)
Количество наблюдений	37493	35702	1791

индивидов с уровнем среднего образования (самым низким) среди внешних иммигрантов представлена значительно выше (10%), чем среди местных работников (7%). Таким образом, внешние иммигранты оказались, по данным РМЭЗ, менее образованными, чем местные работники.

Кроме того, внешние иммигранты имеют меньше накоплений и специфического человеческого капитала. Их стаж работы на одном месте короче, чем у местных работников (7 и 8 лет соответственно). Внешние иммигранты неравномерно распределены по регионам России. Значительное их количество сконцентрировано в Москве, Московском регионе или Санкт-Петербурге, но они гораздо меньше представлены в других регионах России. По сравнению с ними местные работники распределены по регионам России более равномерно. Отличия между местными работниками и внешними иммигрантами наблюдались также в количестве часов работы и уровнях трудовых доходов. Внешние иммигранты работают в месяц в среднем на 5 часов больше, чем местные работники. При этом их среднемесячный трудовой доход (8330,71) ниже по сравнению со среднемесячными трудовыми доходами (9273,04) местных работников.

Статистически значимые результаты теста на разнородность средних значений трудовых доходов внешних иммигрантов и местных работников указывают на то, что местные работники получали в среднем на 15% больше, чем внешние иммигранты⁵ (табл. 3). Значимая разнородность трудовых доходов между двумя группами сохранялась как в периоды экономического подъема, так и во время спада экономики.

Наблюдаемые социально-демографические характеристики приводили к сокращению дифференциации в трудовых доходах двух групп (-5,26%) (табл. 3). При этом дифференциация трудовых доходов возрастала за счет ненаблюдаемых факторов (+105,26%), что может являться свидетельством дискриминации внешних иммигрантов со стороны работодателей⁶.

Значимые различия в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками изменялись в течение 2004–2012 гг. Низкая дифференциация в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками наблюдалась в предкризисный (2004–2007 гг.) и посткризисный (2010–2012 гг.) периоды. Максимально высокий уровень дифференциации тру-

довых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками был в период экономического кризиса 2008–2009 гг. (табл. 3).

Вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов в разрыв трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками различался в периоды подъема и спада экономики. По наблюдаемым социально-демографическим характеристикам дифференциация трудовых доходов двух групп уменьшалась в периоды подъема экономики и возрастала в период ее спада (экономического кризиса). Если до кризиса и после него уровни трудовых доходов внешних иммигрантов и местных работников по наблюдаемым социально-демографическим характеристикам сближались, то в период экономического кризиса дифференциация между ними возрастала (табл. 3). Такая динамика вполне объяснима. Сокращение спроса на труд в период экономического кризиса приводило к увольнению и снижению уровня заработной платы в первую очередь менее защищенной и менее квалифицированной части работников, к которым относятся часто внешние иммигранты. В результате трудовые доходы внешних иммигрантов падали в большей мере, чем трудовые доходы местных работников. Когда экономика начинала расти, спрос на работников – внешних иммигрантов – начинал также расти, заставляя работодателей повышать их уровень заработной платы. Как следствие, разрыв в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками сокращался.

Наряду с наблюдаемыми факторами на различия в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками оказывали влияние и ненаблюдаемые факторы. Отраженные в необъяснимой части уравнения декомпозиции, они свидетельствовали о вкладе дискриминации в неравенство трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками. На протяжении всех лет этот вклад был значимо положительным и объяснял большую часть неравенства трудовых доходов. Таким образом, дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками формировалась преимущественно за счет факторов, которые связаны с дискриминацией внешних иммигрантов (табл. 3). При этом вклад дискриминации в неравенство трудовых доходов двух групп работников был минимальным в периоды экономического кризиса (89%) и существенно возрастал в периоды подъема экономики (более 100%)⁷ (табл. 3).

Полученные результаты свидетельствуют, что на российском рынке труда, как и на рынках труда

⁵ Результаты интерпретируются с учетом значений константы в уравнении декомпозиции.

⁶ В той части, которая не связана с «самоотбором» индивидов.

⁷ Результаты приводятся с учетом значений константы.

Таблица 3

Декомпозиция дифференциации трудовых доходов внешних иммигрантов и местных работников

	2004–2012		2004–2007		2008–2009		2010–2012	
	Log (earning)	%	Log (earning)	%	Log (earning)	%	Log (earning)	%
Общая разница	0,152***	100	0,129***	100	0,206***	100	0,105***	100
Объясняемая часть	-0,008**	-5,26	-0,015*	-11,36	0,023*	11,07	-0,014**	-13,34
Необъясняемая часть	0,160**	105,26	0,143***	111,36	0,183***	88,93	0,119***	113,34

Примечание. Уровни значимости: * – p<10%; ** – p<5%; *** – p<1%.

ряда европейских стран, трудовые доходы внешних иммигрантов ниже трудовых доходов местных работников, причем в пределах схожих величин. При этом вклад дискриминации в неравенство трудовых доходов между двумя группами работников значительно превышает величину, которая наблюдается на рынках европейских стран.

Заключение

Российский рынок труда заполняется с каждым годом все большим количеством внешних иммигрантов. В условиях дефицита трудовых ресурсов в отдельных секторах российской экономики растет спрос на иностранную рабочую силу.

При этом большинство внешних иммигрантов, которые попадают на российский рынок труда, имеют трудовые доходы ниже, чем трудовые доходы местных работников. Об этом свидетельствуют все предыдущие российские исследования. Однако в этих исследованиях не рассматриваются причины, которые приводят к дифференциации трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками. В отличие от предыдущих исследований данное исследование, выполненное на основе данных РМЭЗ (2004–2012 гг.), восполняет образовавшийся пробел, поскольку в нем определены вклады наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов в дифференциацию трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками.

Методология проведения анализа опиралась на метод декомпозиции Оксаки-Блайндера [Blinder, 1973, 11; Оахаса, 1973, 34], который часто используется для решения такого рода задач. Оценки проводились за все годы (2004–2012 гг.), а также отдельно для докризисного (2004–2007 гг.), кризисного (2008–2009 гг.) и после кризисного (2010–2012 гг.) периодов.

Результаты исследования показали, что на российском рынке труда трудовые доходы внешних иммигрантов в среднем на 15% ниже по сравнению

с трудовыми доходами местных работников. При этом дифференциация трудовых доходов между двумя группами сокращалась до 11–13% в периоды относительного роста экономики (2004–2007 гг., 2010–2012 гг.) и возрастала до 21% в период экономического кризиса (2008–2009 гг.).

Наблюдаемые социально-демографические характеристики работников приводили в целом к сокращению дифференциации трудовых доходов. Однако в период экономического кризиса (2008–2009 гг.) дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками за счет этих факторов возросла.

Вместе с тем неравенство трудовых доходов между двумя группами работников складывалось преимущественно за счет ненаблюдаемых факторов, связанных с дискриминацией внешних иммигрантов. Вклад дискриминации в неравенство трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками был максимальным в периоды экономического подъема экономики и снижался в период кризиса.

Полученные результаты свидетельствуют, что российский рынок труда функционирует отчасти схожим образом, что и рынки труда ряда европейских стран (Германия, Португалия). С одной стороны, уровень различий в трудовых доходах между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда сопоставим с этими странами. С другой стороны, вклад дискриминации в неравенство трудовых доходов на российском рынке труда существенно выше, чем в этих странах.

Исследования по данному направлению имеют значение для разработки мероприятий в области политики занятости и должны быть продолжены. В частности, необходимо определить, насколько за счет «самоотбора» внешних иммигрантов в отдельные сектора экономики и на отдельные рабочие места может снижаться (возрастать) неравенство в трудовых доходах между ними и местными работниками.

Список литературы

1. Андриенко Ю., Гурьев С. Анализ миграции в России. 2006. Серия Аналитические разработки и отчеты. № 23. ЦЭФИР.
2. Варшавская Е., Денисенко М. Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 63–73.
3. Ефимова Е.А. Иностранная рабочая сила на рынке труда субъектов Российской Федерации // Проблемы современной экономики, 2011. № 1 (37). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3502> (дата обращения: 27.07.2015).
4. Тюрюканова Е. Трудовая миграция в России // Отечественные записки. 2004. № 4(18).
5. Чернина Е., Локин М. Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17. № 1. С. 41–74.
6. Aldashev A., Gernandt J., and Thomsen S. The immigrant wage gap in Germany. 2008. FEMM Working Paper Series 19. Faculty of Economics and Management, Magdeburg.
7. Arcand, J., D'Hombres, B. Racial discrimination in the Brazilian labour market: wage, employment and segregation // Journal of International Development. 2004. Vol. 16(8). Pp. 1053–1066.
8. Arrow K., Borzekowski R. Limited network connections and the distribution of wages. 2004. Finance and Economics Discussion Series 2004-41. Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.).
9. Bartolucci C. Understanding the Native-Immigrant Wage Gap Using Matched Employer-Employee Data: Evidence from Germany. 2010. № 150. Carlo Alberto Notebooks. Collegio Carlo Alberto. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:cda:wpaper:150> (дата обращения: 23.07.2015).
10. Becker, G. The Economics of Discrimination. Chicago: University of Chicago Press. 1975. 178 p.
11. Blinder, A. Wage Discrimination: Reduced Form and Structural Estimates // Journal of Human Resources. 1973. № 8. Pp. 436–455.
12. Borjas, G. The Economics of Immigration // Journal of Economic Literature, 1994. Vol. 32(4). Pp. 1667–1717.
13. Bramoullé Y., Saint-Paul G. Social networks and labor market transitions // Labour Economics. 2010. Vol. 17(1). Pp. 188–195.
14. Bratsberg B., Erling B., Oddbjørn R. Local Unemployment and the Relative Wages of Immigrants: Evidence from the Current Population Surveys // The Review of Economics and Statistics. 2006. 88(2). Pp. 243–263.
15. Brynin, M., Güveli, A. Understanding the ethnic pay gap in Britain // Work, Employment, and Society. 2012. Vol. 26(4). Pp. 574–87.
16. Cabral S., Duarte, C. Mind the Gap! The Relative Wages of Immigrants in the Portuguese Labour Market. 2013. WorkingPaper. BancodePortugal.
17. Catanzarite, L. Brown-Collar Jobs: Occupational Segregation and Earnings of Recent-Immigrant Latinos // Sociological Perspectives. 2000. № 43. Pp. 45–75.
18. Commander S., Denisova I. Are Skills a Constraint on Firms? New Evidence from Russia: IZA Discussion Papers 7041. 2012.
19. Cutler D., Glaeser E. Are Ghettos Good or Bad? // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol(112). Pp. 827–872.
20. Damm, A. Ethnic Enclaves and Immigrant Labor Market

References

1. Andrienko Yu., Guriev S. *Analiz migratsii v Rossii*. 2006. Seriya Analiticheskie razrabotki i otchety [Analysis of Migration in Russia. 2006 Series Analytical development and otchety]. I. 23. TsEFIR Publ.
2. Varshavskaya E., Denisenko M. Mobil'nost' inostrannykh rabotnikov na rossiyskom rynke truda [mobility of foreign workers in the Russian labor market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2014, I. 4, pp. 63–73.
3. Efimova E.A. Inostrannaya rabochaya sila na rynke truda sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Foreign labor in the labor market of the Russian Federation]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. 2011, I. 1 (37). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3502> (accessed 27 July 2015).
4. Tyuryukanova E. Trudovaya migratsiya v Rossii [Labor Migration in Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. I. 4(18).
5. Chernina E., Lokshin M. Migranty na rossiyskom rynke truda: portret i zarabotnaya plata [Migrants on the Russian labor market and wages portrait]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics]. 2013, V. (17), I. 1, pp. 41–74.
6. Aldashev A., Gernandt J., and Thomsen S. *The immigrant wage gap in Germany*. 2008. FEMM Working Paper Series 19. Faculty of Economics and Management, Magdeburg.
7. Arcand, J., D'Hombres, B. Racial discrimination in the Brazilian labour market: wage, employment and segregation // *Journal of International Development*. 2004. Vol. 16(8). Pp. 1053–1066.
8. Arrow K., Borzekowski R. *Limited network connections and the distribution of wages*. 2004. Finance and Economics Discussion Series 2004-41. Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.).
9. Bartolucci C. Understanding the Native-Immigrant Wage Gap Using Matched Employer-Employee Data: Evidence from Germany. 2010. № 150. Carlo Alberto Notebooks. Collegio Carlo Alberto. Available at: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:cda:wpaper:150> (accessed 23 July 2015).
10. Becker, G. *The Economics of Discrimination*. Chicago: University of Chicago Press. 1975. 178 p.
11. Blinder, A. Wage Discrimination: Reduced Form and Structural Estimates // *Journal of Human Resources*. 1973. № 8. Pp. 436–455.
12. Borjas, G. The Economics of Immigration // *Journal of Economic Literature*, 1994. Vol. 32(4). Pp.1667-1717.
13. Bramoullé Y., Saint-Paul G. Social networks and labor market transitions// *Labour Economics*. 2010. Vol 17(1). Pp. 188–195.
14. Bratsberg B., Erling B., Oddbjørn R. Local Unemployment and the Relative Wages of Immigrants: Evidence from the Current Population Surveys // *The Review of Economics and Statistics*. 2006. 88(2). Pp. 243–263.
15. Brynin, M., Güveli, A. Understanding the ethnic pay gap in Britain // *Work, Employment, and Society*. 2012. Vol. 26(4). Pp. 574–87.
16. Cabral S., Duarte, C. Mind the Gap! The Relative Wages of Immigrants in the Portuguese Labour Market. 2013. *WorkingPaper*. BancodePortugal.
17. Catanzarite, L. Brown-Collar Jobs: Occupational Segregation and Earnings of Recent-Immigrant Latinos // *Sociological Perspectives*. 2000. № 43. Pp. 45–75.
18. Commander S., Denisova I. Are Skills a Constraint on Firms? New Evidence from Russia: *IZA Discussion Papers* 7041. 2012.
19. Cutler D., Glaeser E. Are Ghettos Good or Bad? // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol(112). Pp. 827–872.
18. Commander S., Denisova I. Are Skills a Constraint on Firms? New Evidence from Russia: *IZA Discussion Papers*

- Outcomes: Quasi Experimental Evidence // *Journal of Labor Economics*. 2009. № 27 (2). Pp. 281–314.
21. Edin, P., Fredriksson P., Aslund A. Ethnic Enclaves and the Economic Success of Immigrants — Evidence from a Natural Experiment // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. № 118(1). Pp. 329–357.
 22. Fontaine, F. Why are similar workers paid differently? The role of social networks // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2008. № 32. Pp. 3960–3977.
 23. Glitz A. Ethnic Segregation in Germany // *Labour Economics*. 2012. № 29. Pp. 28–40.
 24. Hansen J., Wahlberg R., Faisal S. Wages and Immigrant Occupational Composition in Sweden. 2010. Institute for the Study of Labor. IZA Discussion Papers 4823.
 25. Hofer et.al. Wage discrimination against immigrants in Austria? 2014. University of Linz Working Paper № 1406. URL: <http://www.laborrn.at/wp/2014/wp1407.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).
 26. Islam A., Parasnis J. Immigrant–Native Wage Inequality across Occupational Sectors in Australia. 2014. *Monash Economics Working Papers* № 14. Monash University. Department of Economics.
 27. Lazareva, O. Russian Migrants to Russia: Assimilation and Local Labor Market Effects. 2012. SSRN Working Papers 947057. URL: <http://ssrn.com/abstract=947057> (дата обращения: 23.07.2015).
 28. Lazear E. Culture and Language // *Journal of Political Economy*. 1999. Vol. 107(6). Pp. 95–126.
 29. Lehmer, F., Ludsteck, J., The immigrant wage gap in Germany are East Europeans worse off? // *International Migration Review*. 2011. Vol (45). № 4. Pp. 872–906.
 30. Manacorda, M., Manning, A., Wadsworth, J. The impact of immigration on the structure of wages: theory and evidence from Britain // *Journal of the European Economic Association*. 2012. Vol. 10(1). Pp. 120–151.
 31. Meng, X., Zhang, J. The Two-Tier Labor Market in Urban China: Occupational Segregation and Wage Differentials between Urban Residents and Rural Migrants in Shanghai // *Journal of Comparative Economics*. 2001. № 29. Pp. 485–504.
 32. Montoya S., Giordano V. Immigrants Wage Gap in the Great Buenos Aires Labor Market: How Important Are Differences in Human Capital? 2012. Documento de Trabajo № 36. Facultad de Ciencias Económicas. Escuela de Economía Francisco Valsecchi. URL: <http://bibliotecadigital.uca.edu.ar/repositorio/investigacion/immigrants-wage-gap-great.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).
 33. Neuman S., Silber J. Wage Discrimination across Ethnic Groups: Evidence from Israel // *Economic Inquiry*. 1996. Vol (34). Pp. 648–661.
 34. Oaxaca, R. Male-Female Wage Differentials in Urban Labor Markets // *International Economic Review*. 1973. № 14. Pp. 693–709.
 35. Waldinger R., Bailey T. The Continuing Significance of Race: Racial Conflict and Racial Discrimination in Construction // *Politics & Society*. 1991. № 19. Pp. 291–323.
 7041. 2012.
 19. Cutler D., Glaeser E. Are Ghettos Good or Bad? // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol(112). Pp. 827–872.
 20. Damm, A. Ethnic Enclaves and Immigrant Labor Market Outcomes: Quasi Experimental Evidence // *Journal of Labor Economics*. 2009. № 27 (2). Pp. 281–314.
 21. Edin, P., Fredriksson P., Aslund A. Ethnic Enclaves and the Economic Success of Immigrants - Evidence from a Natural Experiment // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. № 118(1). Pp. 329–357.
 22. Fontaine, F. Why are similar workers paid differently? The role of social networks // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2008. № 32. Pp. 3960–3977.
 23. Glitz A. Ethnic Segregation in Germany // *Labour Economics*. 2012. № 29. Pp. 28–40.
 24. Hansen J., Wahlberg R., Faisal S. *Wages and Immigrant Occupational Composition in Sweden*. 2010. Institute for the Study of Labor. IZA Discussion Papers 4823.
 25. Hofer et.al. Wage discrimination against immigrants in Austria? 2014. University of Linz Working Paper № 1406. Available at: <http://www.laborrn.at/wp/2014/wp1407.pdf> (accessed: 23 July 2015).
 26. Islam A., Parasnis J. Immigrant–Native Wage Inequality across Occupational Sectors in Australia. 2014. *Monash Economics Working Papers* № 14. Monash University. Department of Economics.
 27. Lazareva, O. *Russian Migrants to Russia: Assimilation and Local Labor Market Effects*. 2012. SSRN Working Papers 947057. Available at: <http://ssrn.com/abstract=947057> (accessed 23 July 2015).
 28. Lazear E. Culture and Language // *Journal of Political Economy*. 1999. Vol. 107(6). Pp. 95–126.
 29. Lehmer, F., Ludsteck, J., The immigrant wage gap in Germany are East Europeans worse off? // *International Migration Review*. 2011. Vol (45). № 4. Pp. 872–906.
 30. Manacorda, M., Manning, A., Wadsworth, J. The impact of immigration on the structure of wages: theory and evidence from Britain // *Journal of the European Economic Association*. 2012. Vol. 10(1). Pp. 120– 51.
 31. Meng, X., Zhang, J. The Two-Tier Labor Market in Urban China: Occupational Segregation and Wage Differentials between Urban Residents and Rural Migrants in Shanghai // *Journal of Comparative Economics*. 2001. № 29. Pp. 485–504.
 32. Montoya S., Giordano V. *Immigrants Wage Gap in the Great Buenos Aires Labor Market: How Important Are Differences in Human Capital?* 2012. Documento de Trabajo № 36. Facultad de Ciencias Económicas. Escuela de Economía Francisco Valsecchi. Available at: <http://bibliotecadigital.uca.edu.ar/repositorio/investigacion/immigrants-wage-gap-great.pdf> (accessed: 23 July 2015).
 33. Neuman S., Silber J. Wage Discrimination across Ethnic Groups: Evidence from Israel // *Economic Inquiry*. 1996. Vol (34). Pp. 648–661.
 34. Oaxaca, R. Male-Female Wage Differentials in Urban Labor Markets // *International Economic Review*. 1973. № 14. Pp. 693–709.
 35. Waldinger R., Bailey T. The Continuing Significance of Race: Racial Conflict and Racial Discrimination in Construction // *Politics & Society*. 1991. № 19. Pp. 291–323.

Эффективность государственной социальной помощи на основании социального контракта

The Efficiency of the State Welfare Aid Based on the Social Contract

Получено 23.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 331.5

DOI: 10.12737/13553

БОБКОВ В.Н.

д-р экон. наук, профессор, генеральный директор
ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», заслуженный
деятель науки Российской Федерации
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: info@vcug.ru

ДЖАНДОСОВА Ф.С.

ст. науч. сотр. ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: jandossova@mail.ru

БУЧКОВА Я.Ю.

начальник отделения факультета дистанционного
обучения Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: buchkova.yana@gmail.com

Аннотация

Настоящая статья подготовлена по результатам отчета о научно-исследовательской работе (НИР) по теме «Анализ практики применения и эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта семьям с детьми и подготовка рекомендаций для использования органами социальной защиты населения», выполненной ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» (ВЦУЖ) по заказу Министерства труда и социальной защиты населения РФ (Минтруд России) в 2014 г. Авторами была проведена оценка эффективности (в Методике она понимается как достижение в срок целевых, плановых показателей) на основе критериев и показателей, установленных в официальной Методике, утвержденной в 2013 г., было проведено тестирование Методики по результатам внедрения технологии социального контракта за 2013 г.*

Социальный контракт (СК), как относительно новая для России форма социальной помощи для малоимущих граждан, активно внедряется в российских регионах для преодоления иждивенческих настроений людей, которые привыкли получать государственные пособия безо всяких обязательств со стороны получателя. Социальный контракт – договор между государством и получателем государственной социальной помощи, предусматривающий обусловленный вид социальной поддержки активных малоимущих граждан, когда ее получатель принимает обязательства со своей стороны.

BOBKOV V.N.

Doctor of Economics, Professor, Director General
of the All-Russia Centre of Living Standard PLC,
Honoured Science Worker of the Russian Federation
29 4th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: info@vcug.ru

DZHANDOSOVA F.S.

Senior Researcher of the All-Russia Centre of Living-Standard
PLC
29 4th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: jandossova@mail.ru

BUCHKOVA Ya.Yu.

Head of the Department Faculty of Distance Learning,
Plekhanov Russian University of Economics
29 4th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: buchkova.yana@gmail.com

Abstract

This article was prepared on the results of the report on scientific research (R & D) on «Analysis of application and effectiveness of the provision of state social assistance on the basis of the social contract to families with children and make recommendations for the use of social protection agencies» made of «All-Russia center of standard of living» commissioned by the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation (Ministry of Labor) in 2014. The authors evaluated the efficacy (in Procedure it is understood as the achievement of the goals on time) on the basis of criteria and indicators set out in the official methodology approved in 2013, was tested techniques of applying the new technology «Social contract» for 2013.*

The social contract is relatively new for Russia form of social assistance for low-income citizens, is being promoted in the Russian regions to overcome the dependency attitude of people who are used to receive state benefits without any obligation on the part of the recipient. The social contract is an agreement between the state and the recipient of the welfare state, providing social support due to the form of the active poor people, when its recipient accepts the obligations on their part.

Monitoring of the implementation of the practice of this new kind of social support implies the use of methods of evaluating its effectiveness (understood as the success in achieving the goal) by region.

Official Methods (hereinafter – Methods) assessment is designed to determine:

* Авторы не ставили перед собой задачу пересмотреть понятие «эффективность» ГСП на основании СК, используемое в Методике. На самой деле, вкладываемый в него смысл больше отражает «результативность» ГСП на основании СК, т.е. сравнение фактического результата с нормативными показателями. Определение «эффективности» предполагает иное сравнение – результата (эффекта) и затрат ресурсов на получение данного результата в стоимостном выражении.

* The authors did not set out to revise the concept of «effectiveness» of the state social assistance on the basis of social contract (SSA on the basis of the SC) used in the technique. In most case, invest in it reflects more the meaning of «performance» of SSA on the basis of the SC, ie, comparison of actual results with normative indices. The definition of «efficiency» implies a different comparison – the result (effect), and the cost of resources to obtain this result in terms of value.

Мониторинг практики внедрения этого нового вида социальной поддержки предполагает применение методики оценки ее эффективности (понимается как успешность в достижении цели) по регионам.

Официальная Методика оценки (далее – Методика) призвана определять:

- 1) масштабы распространения различных вариаций социальных контрактов;
- 2) их эффективность по регионам России;
- 3) необходимость и достаточность критериев нуждаемости.

Согласно Методике для сбора информации из регионов предназначена утвержденная статистическая форма (далее – Форма). Так как Методика и Форма сбора данных использовались впервые, авторами был проведен анализ этих инструментов оценки: статформы и методов ее обработки, в том числе по данным интервью с работниками региональных органов социальной защиты населения. Выявились существенные проблемы в трактовке целого ряда показателей, а, значит, в точности наименований показателей в Форме. В результате были разработаны критические замечания и предложены действенная, на наш взгляд, улучшенная методика и новая статистическая форма.

Цель настоящей статьи – описать проблематику применения Методики оценки эффективности государственной социальной помощи на основе социального контракта и обосновать необходимость и пути ее улучшения. **Объектом исследования** выступает Методика оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта, приводятся аргументы для ее улучшения, а также для улучшения системы сбора информации. **Предметом исследования** являются данные, предоставленные Минтруда России по Методике, а также сведения, собранные через структурированные интервью авторами работы в 12 регионах России.

В результате исследования выявлено, что требуется уточнение Методики, т.е. критериев и индикаторов (показателей) для оценки эффективности государственной социальной помощи на основе социального контракта. Установлено также, что Методика предполагает сбор и обработку данных на разных уровнях «вручную», что увеличивает ошибки как из-за небрежности при сборе данных, так и из-за непонимания сути «полей» действующей официальной формы, которая заполняется в регионах для последующей обработки данных. Требуется автоматизация всего процесса и изменение Формы сбора информации. В статье приводятся рекомендации по улучшению существующей Методики и Формы сбора данных, на основании которых целесообразно принять поправки к законодательным актам, касающимся данной тематики.

Ключевые слова: социальный контракт, малоимущее население, уровень жизни, черта бедности, методика оценки эффективности, статистическая форма, критерии нуждаемости.

- 1) the prevalence of different variations of the social contract;
- 2) their effectiveness of Russia's regions;
- 3) necessary and sufficient criteria of need.

According to the procedure for collecting information from the regions is approved statistical form (hereinafter – Form). Since the methodology and data collection form used for the first time, the authors analyzed these assessment tools: the Form and its processing methods, including, according to interviews with employees of the regional social security authorities. The significant problems in the treatment of a variety of factors, and, therefore, exactly Name of indicators in the Form were identified. As a result of the criticisms they have been developed and offered effective, in our opinion, improved methods and new statistical form.

The purpose of this article is to describe the problems of valuation techniques in the effectiveness of state social assistance (SSA) on the basis of the social contract (SC) and justify the need and ways to improve it. **The object of research** is the Method of evaluating the effectiveness of the provision of SSA on the basis of the SC, makes the case for improvement, as well as to improve the data collection system. **The subject of the study** are the data provided by the Ministry of Labor according to the procedure as well as information gathered through structured interviews authors work in 12 regions of Russia.

The study revealed that requires refinement techniques, i.e., criteria and indicators (indicators) for evaluating the effectiveness of SSA on the basis of the SC. Also found that the method involves the collection and processing of data at different levels «by hand», which increases the error is due to negligence in the collection of data and due to the lack of understanding the essence of «fields» current official form, which is filled in the regions to follow data processing. It takes the whole process automation and change forms of information gathering. The article provides recommendations to improve the existing methodology and format of data collection on the basis of which it is advisable to adopt amendments to the legislation relating to this subject.

Keywords: social contract, low-income citizens, standard of living, poverty line, efficiency of assessment methodology, statistical data form, criteria of needs for poor people, practical application of calculation.

1. Введение

В Российской Федерации с 2010 г. внедряется форма государственной социальной помощи населению (ГСП) в виде социального контракта (СК) на основании приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 31 мая 2010 г. № 399 «О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта». Тогда в 17 регионах Российской Федерации был проведен эксперимент. Его результаты в пяти субъектах России были

изучены Всероссийским центром уровня жизни (ВЦУЖ) [Бобков и др., 2011, с. 4–11]. В 2013 г. эта форма социальной помощи была в той или иной мере распространена уже на большей части страны. В некоторых регионах и до эксперимента существовали программы, аналогичные социальному контракту (программы «Самообеспечение», «От пособия к зарплате», «Социальный контракт о взаимных обязательствах» и т.д.). Но именно под названием «социальный контракт» новые технологии оказания ГСП стали внедряться сравнительно недавно, хотя где-то остались названия прежние, что не меняет сути: государство начало борьбу с иждивенческими настроениями получателей пособий тем, что обратило внимание на

активных людей, желающих кардинально изменить свое будущее и преодолеть бедность. В последние годы происходила разработка и принятие нового законодательства в области социальной поддержки на федеральном и региональном уровнях, которое закрепило новые принципы оказания государственной поддержки — с учетом возможностей регионов по СК в финансовом и институциональном плане. Проводились также различные исследования и разработки научного сообщества в данном направлении с опорой на международный и отечественный опыт [Прокофьев Л., 2012; Корчагина И.И., Мигранова Л.А., 2013, с. 74–83; Войтенкова Г.Ф., Лебедева Е.В., 2007, с. 94–106; Бобков В.Н., Одинцова Е.В., 2012, с. 3–59].

Благодаря ГСП по СК семьи направляют полученные финансы на получение нового образования или организацию личного подсобного хозяйства, и все это способствует развитию рынка труда.

Согласно собранным данным [Бобков В.Н. и др., 2014. Отчет по Контракту, выполненному по заказу Минтруда России] в 2013 г. в РФ было заключено 27 518 СК, т.е. для около 27,5 тысяч семей была предоставлена возможность преодолеть бедность или трудную жизненную ситуацию. Численность граждан, получивших ГСП на основании СК, все еще остается незначительной и составляет примерно 2 % от общей численности граждан, получивших ГСП.

Предпочтение в предоставлении государственной социальной помощи на основании социального контракта практически во всех регионах отдавалось многодетным семьям с доходом ниже прожиточного минимума (ПМ). Так, в 2013 г. 70 % получателей этой помощи по России были из семей с детьми, а половина этой группы получателей — из многодетных семей [Бобков В.Н. и др., 2014. Отчет по Контракту, выполненному по заказу Минтруда России]. Исследование стратегий адаптации семей при возникновении трудной жизненной ситуации, описанное в аналитическом отчете «Социально-экономическая экспертиза по законопроекту, вносящему изменения¹ в Федеральный закон № 178-ФЗ от 17 июля 1999 г. “О государственной социальной помощи”», показало, что среди многодетных домохозяйств реже, чем среди других категорий бедного населения, распространены пассивные формы адаптации. Высокие риски ухудшения материального положения сопровождают многодетные семьи на протяжении всего жизненного цикла и заставляют их постоянно и активно искать выходы из трудной жиз-

ненной ситуации, что нашло отражение в законодательной базе регионов, где прописаны соответствующие критерии нуждаемости [1]².

Помимо законодательного закрепления самой формы оказания поддержки малоимущим, организация полного цикла оказания ГСП на основе СК включает сбор статистических данных для мониторинга эффективности по этому новому виду ГСП. Кроме этого, потребовалась разработка Методики и Формы сбора данных для мониторинга СК. В 2013 г. было проведено исследование «Научно-методическое обеспечение государственной политики оказания адресной помощи нуждающимся категориям граждан и домохозяйств, в том числе на основании социального контракта». Проект был выполнен в рамках Программы фундаментальных исследований Высшей школы экономики [Овчарова Л.Н. и др., 2013], был разработан проект методики оценки эффективности внедрения данной формы ГСП. В последующем был принят совместный приказ Минтруда России и Росстата № 506н/389 от 3 сентября 2013 г. «Об утверждении методики эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта».

В рамках НИР, выполненной ВЦУЖ в 2014 г., была проведена оценка эффективности ГСП на основе СК по направлениям и по перечню показателей Методики, утвержденной в 2013 г. Расчет показателей для оценки эффективности оказания ГСП на основании СК осуществлен на основе данных формы статистического наблюдения № 1-соцконтракт «Сведения об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации», утвержденной приказом Росстата от 30 июля 2013 г. № 297.

Конкретные практики эффективности оказания государственной социальной помощи на основании СК семьям с детьми были изучены в 12 регионах, среди которых были как участники на-

¹ Изменения были связаны с внедрением формы социального контракта.

² В НИР [1] был также рассмотрен международный опыт в плане социальной интеграции (Social inclusion) и мониторинга проведения программ по социальной интеграции бедных на примере США, Германии, Финляндии, а также опыт Казахстана, который начал внедрять социальный контракт в 2013–2014 гг., ориентируясь на массовую профориентацию малообеспеченных трудоспособных граждан при финансировании государством всей цепочки предоставления обучающимся социальных услуг. Для сравнения также взят в рассмотрение опыт одной из азиатских стран — Малайзии, которая за последние 30 лет совершила грандиозный скачок из отсталой феодальной страны в число преуспевающих стран с устойчивой экономикой.

чального эксперимента, так и регионы, где этот вид социальной помощи стартовал позднее.

Предваряя обстоятельный анализ, укажем ряд общих выводов из исследования. В большинстве (в 8 из 12 исследованных) регионов СК был признан работниками органов социальной защиты очень эффективной формой государственной помощи. Особенно успешно СК развивается в сельской местности, где возможна его реализация через организацию личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Часть обследованных регионов больше ориентирована по определенным видам выплат на городскую местность, как правило, это регионы, где сельское хозяйство трудно развивать из-за природных условий, а другие — на сельскую местность. В целом по России 57 % СК заключается в сельской местности. В Самарской области об эффективности СК специалисты отмечали следующее: «Тенденция роста желающих заключить социальный контракт говорит об эффективности и востребованности данного вида помощи. Опыт показал, что эффективность социального контракта заключается не только в улучшении качества жизни и повышении доходов малоимущих семей, но и в мотивации на самостоятельный выход из трудной жизненной ситуации за счет обеспечения источником постоянного дохода. Например, в сельских поселениях осуществляется разведение поголовья крупного рогатого скота, приобретенного в рамках социального контракта. Покупка по контракту одной коровы дает селянину возможность в дальнейшем приобретать телят, поросят, птицу, тем самым увеличивая свой семейный доход и улучшая качество жизни».

Во всех регионах срок СК, как правило, не превышал 12 месяцев, за исключением Республики Бурятия, где он составлял 36 месяцев, и Курганской области, где срок СК составлял 20 месяцев. Средний срок СК, если его считать как простую среднюю, составлял 8,3 месяца. Средневзвешенный срок СК, определенный с учетом региональных средних, составлял 5,7 месяца.

На период проведения исследования (октябрь-ноябрь 2014 г.) ряд регионов (например, Республика Карелия, Нижегородская область) практиковал ежемесячные выплаты ГСП в размере 500 руб. Эти суммы вряд ли достаточны, чтобы помочь бедной семье выйти из трудной ситуации. В самых эффективных регионах — Волгоградская, Новосибирская, Самарская, Тюменская области, Республика Саха (Якутия) — сочетали разные практики, среди которых наиболее выделялись следующие: 1) единовременный вид выплат. «Получение помощи единовременно в значительной сумме признано наиболее эффективным по срав-

нению с *дробными выплатами*» (Тюменская область); 2) единовременные выплаты в сочетании с длительным сроком СК (до 12 месяцев). «*Значительное улучшение материального положения достигается в течение трех лет, когда увеличивается поголовье скота, приобретаются на вырученные средства поросята и выкармливаются молоком от коровы, приобретенной по социальному контракту, налаживается производство индивидуального предпринимателя, стабилизируется заработная плата после прохождения профессиональной подготовки и переподготовки и т.д.*» (Самарская область); 3) Сумма единовременной выплаты превышала в 5–12 раз прожиточный минимум в регионе.

2. Методология исследования эффективности государственной социальной помощи на основании заключения социального контракта

В количественное исследование изначально было взято 36 регионов, которыми были представлены корректные данные по социальным контрактам за 2013 г. по официальной методике (Форма № 1-соцконтракт приведена в Приложении 3), а именно следующие субъекты Федерации:

Изученные регионы. *Центральный ФО:* Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область. *Приволжский ФО:* Республика Татарстан, Нижегородская область, Оренбургская область, Самарская область. *Северо-Западный ФО:* Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Мурманская область, Новгородская область. *Сибирский ФО:* Республика Бурятия, Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область. *Уральский ФО:* Курганская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский авт. округ — Югра, Ямало-Ненецкий авт. округ. *Дальневосточный ФО:* Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Амурская область. *Южный ФО:* Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область.

По согласованию с Минтруда России были отобраны 12 регионов с различными типами региональной специфики. В таблице 2.1 охарактеризованы масштаб исследования по регионам и их специфика в отношении начала работы по внедрению СК.

Таблица 2.1

Масштаб исследования

Субъект Российской Федерации	Участник эксперимента 2010 г. по приказу № 399*	Участник качественного исследования ВЦУЖ, 2014	Год начала работы субъекта по социальным контрактам (с особыми отметками по выбранным 12 регионам)**
г. Москва	+		2011 — эксперимент
Республика Карелия	+		2010
Республика Коми	+		2004 — «От пособия к зарплате» эксперимент в 2010–2011. Официально с 2013
Республика Саха (Якутия)	+	+	Пилот с 2010 в 3 районах республики, с 2012 в 35 районах. Официально с 2013
Республика Татарстан	+	+	Пилот с 2011 Официально — с 2014
Республика Тыва	+		2010–2011
Камчатский край	+		2011
Астраханская область	+		2010
Белгородская область	+	+	Пилот с 2011 Официально — с 2014
Курганская область	+		2009 — эксперимент
Ростовская область	+		2004 — эксперимент
Самарская область	+	+	2010 — пилот Официально — 2013
Свердловская область	+		2010 — эксперимент
Томская область	+		2010–2011
Тульская область	+		«Реформа системы социальной защиты в Российской Федерации» (2003–2005), эксперимент в 2010–2011 Официально — с 2013
Тюменская область	+	+	С 2006 — «Программа новых возможностей», основаны МВК 2010 — пилот Официально — с 2013
Ярославская область	+		2010
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра		+	2008, с 2011 пилот Официально — с 2013
Оренбургская область		+	2012 Официально — в 2013
Вологодская область		+	2010 — пилот Официально — 2013
Новосибирская область		+	2010 — пилот Официально — 2013
Волгоградская область		+	2007–2011 («Самообеспечение»), затем пилот Официально — 2013
Нижегородская область		+	2004 (АСП семьям «с потенциалом»), 2014 — социальный контракт
Мурманская область		+	2010 Официально — 2013

* Приказ Минздравсоцразвития России от 31 мая 2010 г. № 399 «О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта».

** Частично — данные из интервью настоящего исследования, частично — из исследования [13].

Характеристика официальной Методики

Согласно Методике оценка эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта проводится по следующим аспектам:

- охват малоимущих семей (малоимущих одиноко проживающих граждан);
- активные действия граждан по преодолению ими трудной жизненной ситуации (формы программ социальной адаптации);

- изменение материального положения семьи (одиноко проживающего гражданина) по окончании срока действия социального контракта.

Под критериями эффективности оказания ГСП на основании СК понимается динамика значений определенных показателей (в процентном выражении), указанных в приложении к Методике. Расчет показателей осуществляется на основе данных формы статистического наблюдения № 1-соцконтракт «Сведения об оказании государ-

ственной социальной помощи на основании социального контракта за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации», утвержденной приказом Росстата от 30 июля 2013 г. № 297. Данные, собранные по этой Форме, за 2013 г. предоставлены Минтруда России. Исходные данные³ предоставлены органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими функции в области социальной защиты населения.

Поскольку численные значения по всем регионам Российской Федерации стали собираться только по результатам 2013 г., а кроме того, согласно Методике, для динамических показателей (пункт 7 Методики, подпункты «а», «б») требуются данные за 2 года, у авторов не было возможности корректно рассчитать динамику показателей и вычислить эффективность ГСП на основании СК в целом по Российской Федерации по нормативной формуле (пункт 15 приложения к Методике). Однако для некоторых регионов, ранее участвовавших в эксперименте и собиравших данные начиная с 2011 г., была возможность рассмотреть и рассчитать некоторые показатели, которые можно идентифицировать как «одни и те же» по наименованию, в сравнении 2013/2011 г. Расчеты по этим регионам вошли в оценку эффективности ГСП на основании СК. Сделана также попытка рассчитать ежегодный показатель (пункт 7 Методики, подпункт «в») за 2013 г. согласно нормативной формуле.

Часть проблем и трудностей в применении Методики и системы сбора информации по СК описаны ниже.

3. Проблемы в оценке эффективности ГСП по официальной методике

Методика предполагает сбор и обработку данных на разных уровнях «вручную», что увеличивает ошибки как из-за небрежности сбора и предоставления данных, так и из-за непонимания теми, кто собирает данные, «полей» Формы. В настоящее время данные собираются в таблицах Excel, в неудобном для обработки формате: ячейки трудно форматировать, складывать, и ошибки могут быть не только в первичных данных от непонимания, но и на уровне субъектов РФ, вследствие того, что

приходится сводить данные по многим районам. Автоматизация и единая форма сбора первичных данных с правилами проверки введенных данных и последующая программная аналитика могли бы помочь решить проблему ошибок при сборе информации в муниципалитетах и субъектах Российской Федерации. Исследование показало, что оба обстоятельства имеют место.

Были выявлены наиболее существенные проблемы в Методике, которые могут привести в дальнейшем к ошибкам в изучении практики реализации СК.

Судя по ошибкам регионов, существует путаница между понятиями «получатель», «гражданин», «заявитель», «семья». Вот мнение одного из респондентов — работника органов социальной защиты: «На наш взгляд, наиболее подходящим является учет именно семей, так как социальная помощь выделяется все-таки на семью, какого бы численного состава она ни была, и, главное, нужно прийти к единому исчислению, чтобы не было путаницы, где семьи, а где граждане, и как граждан соотносить с семьями».

Методика подразумевает сбор лишних, на наш взгляд, данных, что может также быть преодолено автоматизацией (и формированием нужных в настоящий момент управленческих отчетов в любом разрезе).

Итоговые сводные показатели, исчисляемые в единицах, не несут явного и понятного смысла. Результаты расчетов целесообразно приводить в процентах.

В итоговую формулу входят следующие два показателя, которые в сумме в большинстве случаев (регионов) дают «1» (100%) и не добавляют смысла исходному значению:

M1 — доля граждан, получивших ГСП на основании СК в виде регулярной денежной выплаты, устанавливаемой нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, от общей численности граждан, получивших ГСП на основании СК (в процентах);

M2 — доля граждан, получивших ГСП на основании СК в виде единовременной денежной выплаты, устанавливаемой нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, от общей численности граждан, получивших ГСП на основании СК (в процентах).

Сбор данных по Форме 1-соцконтракт в феврале 2014 г. показал, что один из ключевых показателей Методики — увеличение среднего размера среднедушевого дохода — часто дает отрицательное значение, так как регионы пропускают опцию «среднедушевой доход после завершения соцконтракта», в том числе по причине неимения данных,

³ Приказ Росстата от 30 июля 2013 г. № 297 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации федерального статистического наблюдения за оказанием социальной помощи на основании социального контракта за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации».

поскольку во всех исследованных регионах имелись СК, которые на дату сбора информации не были завершены. По этому показателю («среднедушевой доход после завершения соцконтракта») ряд регионов из финальной оценки был исключен.

Методика не учитывает особенности первого сбора данных в регионе, когда динамические показатели все равны «1», так как при любом увеличении количества СК с 0 темп роста будет 100 %.

В связи с тем что Методика была принята в 2013 г., формы стали собираться в 2014 г. по результатам 2013 г. и не все социальные контракты были завершены, во многих регионах, даже начавших работу по соцконтракту и ранее 2013 г., в третьей таблице все столбцы с данными «по окончании социального контракта» оказались нулевыми. Полагаем, что из-за длительности сроков социальных контрактов (бывают до 1 года, но бывают и до 3 лет) в связи с этим следует оценивать эффективность данной формы ГСП через 2 года после года оценки. Например, оценку эффективности по соцконтрактам за 2013 г. следует проводить только в 2015 г., так как в 2014 г. еще собираются данные по контрактам, заключенным в 2013 г. Либо также предусмотреть в форме данных уточнение «по начатым и завершенным в 2013 г. контрактам», но тогда есть риск собрать неполную информацию.

По следующим субъектам выявлены критические ошибки при заполнении форм, влияющие на оценки по Методике (расположены по мере убывания количества критических ошибок заполнения статистической формы): Курганская область, Брянская область, Нижегородская область, Владимирская область, Тюменская область, Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Амурская область, Ямало-Ненецкий авт. округ, Камчатский край, Республика Коми, Тверская область, Тульская область, Архангельская область, Вологодская область, Ростовская область, Белгородская область, Астраханская область, Республика Бурятия, Ивановская область, Республика Карелия, Волгоградская область, Новосибирская область, Оренбургская область, т.е. в 2/3 регионов, заполнивших таблицы. Выявлены также неточности, связанные, прежде всего, с непониманием заполнения форм. В результате авторами были исключены значения, влияющие на расчет долей, которые должны были быть не более 100 %.

В подсчете данных на уровне РФ в ряде характеристик не берется средневзвешенный показатель (например, при исчислении среднего срока контрактов), а только средний, что приводит к системной ошибке, без учета особенностей региона. Многие «поля» Формы № 1-соцконтракт «Сведе-

ния об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта за счет средств бюджета субъекта» (далее — Форма № 1-соцконтракт) Методики подразумевают расчет средних и заполнение по субъектам в виде средних показателей. Однако на разных этапах требуется использование средневзвешенных показателей. Например, при расчете среднего размера регулярной выплаты (ежемесячной), целесообразно использовать формулу, учитывающую средний срок этой выплаты в регионе, иначе допускается ошибка, и понимание средней величины регулярной выплаты не будет верным по Российской Федерации. К тому же, как выявилось в период проведения обследования регионов, при разности средних выплат от 451 руб. в месяц (Нижегородская область) до 22 400 руб. в месяц (Архангельская область) расчет средней величины регулярных выплат не имеет смысла.

Таким образом, требуется использовать новую форму сбора информации, в которой каждый показатель максимально расшифрован. Показатели 2013 г. следует воспринимать только с учетом понимания того, что данные собирались в тестовом режиме, и проверять каждый вывод дополнительно, так как исключения, сделанные по формальному признаку (например, доля превышает 100 %), могли не отразить другие ошибки. И, тем не менее, даже такой сбор данных полезен хотя бы тем, что такие ошибки и исключения были замечены и будет возможность предотвратить их в будущем.

Исследователями разработаны и предлагаются измененная методика (далее — авторская методика) и новая форма сбора данных [1]. В ней используются практически те же показатели, но они уточнены для однозначного прочтения и специализированы по понятиям «семья» и «гражданин».

Существуют, как минимум, два пути дальнейшего рассмотрения эффективности СК: первый — оставить существующую Методику, но в этом случае следует дать тщательные и точные пояснения по трактовке и заполнению каждой ячейки статформы; и второй — доработать и принять авторскую методику и измененную статформу после апробации в регионах.

Чтобы посчитать динамические показатели Методики в сравнении с показателями 2011 г. (в тех регионах, где данные собирались по результатам эксперимента), показатели 2013 г. авторами были приравнены по смыслу к аналогичным показателям 2011 г.:

- семьи, имеющие в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста (2013) = безработные (2011);

- семьи с 3 и более детьми (2013) = многодетные семьи (2011);
- семьи с детьми до 16 лет (2013) = семьи с детьми (2011);
- число заключенных социальных контрактов (2013) = число семей — получателей госуслуг (2011).

4. Основные положения авторской методики эффективности реализации социального контракта

Целевые показатели

Методика оценки эффективности реализации СК предполагает подход, опирающийся на достижение целей, поэтому ниже рассмотрен именно такой подход. Задачи мониторинга по разным аспектам социальной поддержки тесно связаны с целями, которых хотят добиться органы социальной защиты населения. Мониторинг эффективности реализации СК по действующей Методике предполагает оценку по количественным показателям. Следовательно, цели должны быть измеримы, достижимы, ограничены во времени, конкретны, актуальны, согласно требованиям SMART⁴.

Для определения ключевых целевых показателей авторами были проанализированы государственные программы по социальной поддержке населения. В постановлении Минтруда России от 15 апреля 2014 г. № 296 «Об утверждении новой редакции государственной программы «Социальная поддержка граждан»⁵ (далее — Госпрограмма СПГ) даются конкретные численные показатели в отличие от первой редакции этой программы.

Среди них имеются и показатели, относящиеся к деятельности по социальному контракту.

Обозначим их Цели «А»:

- увеличение доли малоимущих граждан, получивших ГСП на основании СК, в общей численности малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь, с 1,1 до 10 %;
- снижение численности населения с денежными доходами ниже величины ПМ от общей численности населения с 11,1 % до 9 %⁶.

Оба этих показателя отражены в бланке по статформе № 1-соцконтракт.

Цель Подпрограммы 1 «Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» (далее — Подпрограмма 1), по которой реализуется ГСП на основании СК, определена следующим образом: повышение уровня жизни граждан — получателей мер социальной поддержки.

Данная цель, согласно Подпрограмме 1, предполагает достижение следующих ожидаемых результатов. Обозначим их Цели «Б»:

- 1) увеличение количества граждан — получателей ГСП на основании СК, преодолевших трудную жизненную ситуацию;
- 2) снижение бедности отдельных категорий граждан — получателей мер социальной поддержки;
- 3) увеличение количества малоимущих граждан, получивших ГСП на основании СК.

Все перечисленные в госпрограммах и подпрограммах показатели должны быть достигнуты к 31 декабря 2020 г. Все они в целом соответствуют критериям SMART и могут быть измерены, достигнуты и должны отслеживаться на региональном и федеральном уровне.

Основные выводы, которые мы можем сделать исходя из вышеизложенного, следующие:

- Для оценки эффективности реализации СК требуется, прежде всего, отслеживать по регионам и на федеральном уровне именно показатели, связанные с плановыми показателями, которые приведены по регионам в Госпрограмме СПГ.
- Под достижение каждого показателя должны быть обозначены задачи и прописаны показатели второго уровня, как правило, показатели, характеризующие в терминах стратегической системы показателей — «Клиентов», «Финансов», «Процессов», «Персонала», отражающих специфику ГСП на основании СК. Они будут характеризовать пути достижения основных целей и также должны быть отслежены.
- Особенности заключения СК на региональном уровне такие, как: количество охваченных семей с инвалидами, количество семей с детьми, многодетных семей, количество людей или семей, которым оказана единовременная помощь или помощь на регулярной основе, и т. д. — будут носить только локальный и справочный характер, и в индексы оценки эффективности такие цифры включать нецелесообразно ни на федеральном, ни на региональном уровнях по причине особенностей для каждого региона данных групп населения. На уровне муниципалитетов эти показатели могут использоваться самими регионами для конкретизации и повышению адресности ГСП на основании СК.

⁴ Например, объясняется здесь: <https://ru.wikipedia.org/wiki/SMART>

⁵ Постановление от 15 апреля 2014 г. № 296 «Об утверждении новой редакции государственной программы «Социальная поддержка граждан»» <http://government.ru/docs/11930/>, <http://government.ru/media/files/faptWDyAMh0.pdf>

⁶ Очевидно, имеется в виду доля населения в %, а не численность.

Авторская методика эффективности реализации СК опирается на три ключевых показателя для каждого региона (Цели «Б»), но с учетом их преобразования в долевые целевые показатели. Остальные собранные данные рассматриваются в качестве дополнительных и в расчет сводных показателей в авторской методике не входят.

Отметим, что региональная статистика в некоторых субъектах федерации по данному вопросу предполагает сбор данных, в том числе отличающихся от показателей федеральной Формы (как правило, в сторону «упрощения»). Возможно, стоит использовать их опыт, но данный вопрос требует дополнительного изучения.

5. Преобразование целевых показателей в управляющие цели и задачи

Авторы подразделили все показатели на четыре группы, различающиеся по целям и задачам управления эффективностью реализации СК: 1) «клиенты — получатели», 2) «финансы — выплаты и их планирование», 3) «процессы — формы соцконтракта и мероприятия в программе социальной адаптации, а также формы организации работы персонала», 4) «цели — результаты».

Внутри каждой группы показатели сравниваются в динамике (темп роста, темп прироста).

В группе «Финансовые показатели» (с 1 по 12 из Приложения 1 к настоящей статье) предусмотрены как плановые, так и реализованные показатели годового объема средств, а также средств на 1 семью, на 1 гражданина и средневзвешенные размеры выплат с учетом сроков СК.

В группе «Показатели, связанные с характеристиками семей получателей» (с 13 по 28 из Приложения 1 к настоящей статье) предусмотрены такие показатели, как «Доля граждан, получивших ГСП на основании СК, в общей численности граждан, получивших ГСП», аналогичный показатель для семей, доля малоимущих семей и доля женщин.

В группе «Показатели, связанные с реализацией мероприятий программы социальной адаптации» (с 29 по 38 из Приложения 1 к настоящей статье) предусмотрены такие показатели, как «Доля семей, получивших ГСП на основании СК, в которых есть хотя бы один гражданин трудоспособного возраста (ГТВ), зарегистрированный в период действия СК в органах службы занятости населения в целях поиска работы, в общей численности семей, получивших ГСП на основании СК», «Доля СК, в которых прописано 3 и более пунктов (форм обязательств для ГТВ) в социальном контракте»

В группе «Показатели, связанные с результатами» (с 39 по 49 из Приложения 1 к настоящей статье) предусмотрены такие показатели, как «Отношение среднедушевого дохода семьи на дату окончания срока действия социального контракта к среднедушевому доходу семьи на дату заключения СК», «Доля семей, у которых среднедушевой доход увеличился по окончании срока действия СК на 20 % и более» (аналогичный еще на 50 %), «Доля семей, из числа заключивших СК, у которых увеличились натуральные поступления из ЛПХ по окончании срока действия социального контракта, в общей численности СК, завершившихся в периоде».

6. Сводные индексы методик

В данном разделе приводятся формулы и некоторые показатели официальной и авторской методик для понимания таблиц и разъяснений в следующем разделе. Обе методики предполагают вычисление индексов на основании показателей, собранных по соответствующим формам.

Официальная методика

Сводный индекс относительного роста охвата различных категорий семей ГСП на основании СК

Данный индекс опирается на динамические показатели. И его трудно применять во всех регионах для сравнения, так как каждый год в технологию социального контракта вовлекаются все новые регионы, у которых данный индекс будет всегда 100% и более (старт с 0 до любого значения).

$$I_o = 0,7 \cdot \left(\frac{02 + 03 + 04 + 05 + 06}{5} \right) + 0,3 \cdot 01, \quad (6.1)$$

где I_o — сводный индекс относительного роста охвата различных категорий семей ГСП на основании СК (в процентах); 0,7 — весовой коэффициент среднего значения показателей относительного роста охвата ГСП на основании СК различных категорий семей; 0,3 — весовой коэффициент показателя относительного роста охвата ГСП на основании СК малоимущих граждан; 01 — относительный рост численности малоимущих граждан, получивших ГСП на основании СК, в отчетном периоде по отношению к предыдущему периоду (в процентах); 02 — относительный рост численности граждан, проживающих в семьях с детьми, получивших ГСП на основании СК, в отчетном периоде по отношению к предыдущему периоду (в процентах); 03 — относительный рост численности граждан, проживающих в семьях матерей (отцов) с детьми, получивших ГСП на основании

СК, в отчетном периоде по отношению к предыдущему периоду (в процентах); 04 — относительный рост численности граждан, проживающих в семьях с 3 и более детьми, получивших ГСП на основании СК, в отчетном периоде по отношению к предыдущему периоду (в процентах); 05 — относительный рост численности граждан, проживающих в семьях, имеющих в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста, получивших ГСП на основании СК, в отчетном периоде по отношению к предыдущему периоду (в процентах); 06 — относительный рост численности граждан, проживающих в семьях, имеющих в составе инвалидов, получивших ГСП на основании СК, в отчетном периоде по отношению к предыдущему периоду (в процентах).

Чтобы посчитать динамические показатели Методики (01-06) в сравнении с показателями 2011 г. (там, где они собирались по результатам эксперимента), показатели 2013 г. приравнены по смыслу к аналогичным показателям 2011 г.:

- семьи, имеющие в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста (2013) = безработные (2011);
- семьи с 3 и более детьми (2013) = многодетные семьи (2011);
- семьи с детьми до 16 лет (2013) = семьи с детьми (2011);
- число заключенных социальных контрактов (2013) = число семей — получателей госуслуг (2011).

Сводный индекс эффективности социального контракта

Данный индекс слишком сложен по составу, совокупность показателей не имеет экономического и социального смысла. На практике многие показатели имеют неверные значения из-за непонимания полей формы. Кроме того, показатели М1 и М2 в сумме дают 1 (как правило), и их объединять не имеет смысла.

$$ИЭ = 0,7 \cdot \left(\frac{П4 + П5 + П6 + П7}{4} \right) + 0,3 \cdot \left(\frac{М1 + М2 + М3 + М4}{4} \right), \quad (6.2)$$

где ИЭ — сводный индекс эффективности социального контракта; 0,7 — весовой коэффициент среднего значения показателей эффективности мероприятий, предусмотренных программой социальной адаптации; 0,3 — весовой коэффициент среднего значения показателей эффективности мер государственной социальной помощи на основании социального контракта; П4 — доля трудоустроенных ГТВ в общей численности ГТВ, получивших

ГСП на основании СК; П5 — доля ГТВ, прошедших профессиональную подготовку, переподготовку, в общей численности ГТВ, получивших ГСП на основании СК; П6 — доля граждан, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность, в общей численности получателей государственной социальной помощи на основании социального контракта; П7 — доля граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, в общей численности получателей государственной социальной помощи на основании социального контракта; М1 — доля граждан, получивших ГСП на основании СК в виде регулярной денежной выплаты, устанавливаемой нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, от общей численности граждан, получивших ГСП на основании СК (в процентах); М2 — доля граждан, получивших ГСП на основании СК в виде единовременной денежной выплаты, устанавливаемой нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, от общей численности граждан, получивших ГСП на основании СК (в процентах); М3 — доля граждан, получивших натуральную помощь, от общей численности граждан, получивших ГСП на основании СК (в процентах); М4 — доля граждан, которым предоставлены социальные услуги, от общей численности граждан, получивших ГСП на основании СК (в процентах).

Авторская методика

В авторской методике предусмотрены сводные индикаторы, приведенные в пунктах с 50 по 52 в Приложении 1. Здесь мы распишем их в более явном виде.

Сводный индекс эффективности СК

Настоящий индекс разработан как временный, который можно вычислять на основе уже утвержденной статформы, пока не будет принята новая.

Сводный индекс эффективности СК складывается из четырех показателей, характеризующих повышение дохода семьи:

$$I\Theta = \frac{П1 + П2 + П3 + П4}{4}, \quad (6.3)$$

где П1 — доля семей, имеющих среднедушевой доход, равный или выше величины прожиточного минимума по окончании срока действия СК, в общей численности малоимущих семей — получателей ГСП на дату заключения СК, за период; П2 — доля семей, из числа заключивших СК, в которых трудоустроен хотя бы 1 человек (сейчас — доля трудоустроенных ГТВ в общей численности СК); П3 — доля семей, из числа заключивших СК, в которых увеличился доход от трудовой деятельности по окончании срока действия социального

контракта, в общей численности СК (в 2014 г. — доля ГТВ, у которых увеличился доход от трудовой деятельности по окончании срока действия социального контракта, в общей численности ГТВ, получивших ГСП на основании СК);

П4 — доля семей, из числа заключивших СК, у которых увеличились натуральные поступления из ЛПХ по окончании срока действия социального контракта, в общей численности СК, завершившихся в периоде (в 2014 г. — граждане).

Такой подход можно сохранять, пока идет официальный сбор данных по форме, приведенной в Приложении 3. В дальнейшем в формуле индекса эффективности (6.3) целесообразно оставить только два следующих показателя, непосредственно связанных исключительно с увеличением дохода в семьях, и в знаменателе, соответственно, будет «2»:

$$2\Theta = \frac{П0 + П1}{2}, \quad (6.4)$$

где П0 — «Отношение среднедушевого дохода семьи на дату окончания срока действия социального контракта к среднедушевому доходу семьи на дату заключения СК», средний балл.

Здесь средний балл рассчитывается как простое среднее баллов всех семей, получивших ГСП по СК в оцениваемый период, входящих в муниципалитет, а для региона — вычисленный как простое среднее средних баллов всех муниципалитетов. Обозначим этот средний балл как индекс СДДС и присвоим ему соответствующее значение в %.

- Если индекс СДДС < 1, то региону (муниципалитету) присуждается 0 %.
- Если $1 \leq$ индекс СДДС < 1,5, то региону присуждается 20 %.
- Если $1,5 \leq$ индекс СДДС < 2, то региону присуждается 50 %.
- Если $2 \leq$ индекс СДДС < 3, то региону присуждается 75 %.
- Если индекс СДДС \geq 3, то региону присуждается 100 %.

П1 — доля семей, имеющих среднедушевой доход равный или выше величины прожиточного минимума по окончании срока действия СК, в общей численности малоимущих семей — получателей ГСП на дату заключения СК, за период (или: Доля граждан, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума по окончании срока «действия СК, в общей численности малоимущих граждан — получателей ГСП на дату заключения СК за период» — для соответствия Целям «А» и Целям «Б», хотя сами цели лучше пересмотреть в сторону использования понятия «семья» или «домохозяйство», как принято в социальной статистике). Причем замер

среднедушевого дохода семьи следует делать спустя 3 месяца после окончания действия СК.

Сводный индекс экстенсивности охвата семей

Сводный индекс экстенсивности охвата семей различными социальными мероприятиями в программах социальной адаптации, который состоит из четырех составляющих, характеризующих экстенсивность мер по социальной адаптации:

$$ОХВ = \frac{K1 + K2 + K3 + K4}{4}, \quad (6.5)$$

где K1 — доля семей, получивших ГСП на основании СК, в которых есть хотя бы один ГТВ, зарегистрированный в период действия СК в органах службы занятости населения в целях поиска работы, в общей численности семей, получивших ГСП на основании СК; K2 — доля семей, получивших ГСП на основании СК, члены которых прошли или проходят профессиональное обучение и получили или получают дополнительное профессиональное образование в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде; K3 — доля семей, получивших ГСП на основании СК, которым были оказаны социальные услуги в рамках программы социальной адаптации, в общей численности получателей ГСП на основании СК; K4 — доля семей, получивших ГСП на основании СК, осуществляющих другие мероприятия, направленные на преодоление семьей трудной жизненной ситуации, в рамках программы социальной адаптации, в общей численности получателей ГСП на основании СК.

Сводный индекс экономической активности участников СК

Данный индекс рекомендуется вообще не вводить, так как регионы выбирают собственные методы предоставления помощи, основываясь на индивидуальных особенностях региона. Так, в Самарской области предпочтение в виде СК — в сторону ЛПХ, что связано с плодородием почв, возможностью вести личное хозяйство в разных видах, а также успешным опытом в предоставлении такой помощи; а в Мурманской области — в сторону трудоустройства, поскольку предпринимательство несильно развито и нет возможности вести сельскохозяйственные работы из-за климатических условий; в Бурятии выбирают немного семей, но оказывают им помощь разностороннюю, включая и ЛПХ, и ИТД, и трудоустройство. Каждый из этих методов эффективен. Поэтому авторы считают, что все три показателя, входящие в индекс (6.6), должны приводиться отдельно, это и будет характеризовать специфику региона. Для

сравнимости показателей регионов следует вводить некие региональные коэффициенты, показывающие потенциал региона в развитии ИТД, ЛПХ, емкости рынка труда (причем здесь также должны быть учтены особенности этого рынка труда, климатические, социальные факторы), которые должны быть весами (множителями) для всех слагаемых, входящих в данный индекс. В идеальном случае такие коэффициенты должны устанавливаться коллегиально на специальных комиссиях, с учетом независимых объективных критериев и их следует пересматривать в связи с изменяющимися условиями и конъюнктурой рынка. И тогда региональные органы соцобеспечения, которые потенциально имеют все возможности развития СК, будут сравнимы с регионами, где какие-то виды СК развивать сложно, и их работа будет оценена по заслугам.

Авторы настаивают на сравнении не индекса, а отдельных показателей «ИТД», «ЛПХ», «трудоустройство», показывающих непосредственно экономическую активность при заключении СК, но если все-таки требуется введение каких-либо индексов, то предлагаем следующий простой индекс, причем решение, делить его на 3 или нет, можно будет принять при обсуждении данной методики, в случае, если она будет рассматриваться в качестве официальной.

Сводный индекс экономической активности участников СК, составленный всего из трех показателей, характеризующий занятие активными действиями членов семьи по повышению дохода семьи в результате социального контракта: индивидуальная трудовая деятельность (ИТД), ЛПХ, трудоустроенность.

$$\text{ЭА} = \frac{\text{ИТД} + \text{ЛПХ} + \text{П2}}{3}, \quad (6.6)$$

где ИТД — доля семей, получивших ГСП на основании СК, члены которых приступили к осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде; ЛПХ — доля семей, получивших ГСП на основании СК, которым были предоставлены деньги или материальные средства на ЛПХ (в том числе скот, птица, сельхозоборудование и т.п.) в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде; П2 — доля семей, из числа заключивших СК, в которых трудоустроен хотя бы 1 человек (сейчас — доля трудоустроенных ГТВ (ГТВ) в общей численности СК).

В случае неделения на «3» или деления на «3» индекса (6.6) следует трактовать полученные значения следующим образом:

Трактовка показателя в муниципалитете, в регионе, в РФ	Значение ЭА, когда	
	нет деления на 3 (индекс ≤300% всегда)	есть деление на 3 (индекс ≤100% всегда)
«Слабо» Мало развито предоставление активной экономической помощи	≤30%	≤10%
«Нормально» Развиваются либо все три направления экономической активности при СК, либо какой-то один вид помощи	30–100%	10–33,3%
«Хорошо» Два вида помощи развиваются отлично, либо три вида помощи развиваются хорошо	100–200%	33,3–66,6%
«Отлично» Три вида помощи развиваются очень хорошо, либо три вида помощи развиваются отлично	200–300%	66,6–100%

Пояснения по таблицам и логические исключения, упрощения и допущения при практических вычислениях.

Для понимания следующих таблиц и рассуждений мы в Приложении 3 приводим статистическую формулу за отчетный период (Форма № 1-соцконтракт) для сбора данных по официальной методике.

В связи с пояснениями, изложенными выше, были исключены значения, влияющие на расчет долей, которые должны были быть не более 100 %. Если значение какого-либо показателя из входящих в формулу превышает 100%, он принимается за 100% (соответствующие индексы с цифрой 2: 2Ио, 2Иэ в ОМ), а также уточнение именно по методике, когда в формуле вычисления 3Иэ.

В таблице 6.1 представлены значения сводных индексов по официальной (ОМ) и авторской методикам (АМ).

По официальной Методике

Сводный индекс относительного роста охвата различных категорий семей ГСП на основании СК (1Ио, ОМ). Если Вы обратите внимание на значения, то они, даже в процентах, очень велики. Это связано с тем, что данный индекс основан на сравнении данных в динамике (динамические показатели 01-06), в нашем случае сравнение шло между 2013 и 2011 г. Количество СК за прошедшие два года значительно выросло в абсолютных значениях, и показатели относительного роста стали слишком велики, что повлияло и на сводный индекс.

Сводный индекс эффективности СК (1Иэ, ОМ).

По официальной Методике с условными упрощениями и допущениями

Сводный индекс относительного роста охвата различных категорий семей ГСП на основании СК (2Ио, ОМ). Если показатели, входящие в формулу, превышают 100%, показатель принимается за 100% и влияет на конечный результат, который теперь может быть меньше 100%.

Сводный индекс эффективности СК (2Иэ, ОМ). Если показатели, входящие в формулу, превышают 100%, показатель принимается за 100% и влияет на конечный результат, который теперь может быть меньше 100%.

Сводный индекс эффективности СК (3Иэ, ОМ). Если показатели, входящие в формулу, превышают 100%, показатель принимается за 100% и влияет на конечный результат, который теперь может быть меньше 100%. Кроме того, использовались строки таблицы: «в общей численности ГТВ, получивших ГСП на основании СК» подразумевались значения 01 строки 04 столбца (таблицы I) (т.е. численность граждан, получивших ГСП на основании СК всего, получивших ГСП), а не 09 строка столбца таблицы I (численность граждан, получивших ГСП на основании СК всего, получивших АСП из малоимущих семей, имеющих в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста из числа получателей ГСП на основании СК), как требуется в Официальной Методике.

По авторской Методике

Сводный индекс эффективности СК (1Э, АМ) по формуле (6.3);

Сводный индекс эффективности СК (2Э, АМ) по формуле (6.4);

Сводный индекс экстенсивности охвата семей различными социальными мероприятиями в программах социальной адаптации (ОХВ, АМ).

Сводный индекс экономической активности СК (ЭА, АМ)

Примечание относительно совокупных показателей для всей Российской Федерации в 1 строке таблицы 6.1: здесь приведены сводные значения, которые соответствуют приведенным в этой же таблице регионам, если брать в рассмотрение все регионы, приславшие данные, то совокупные показатели будут отличаться.

В настоящее время трудно судить об эффективности ГСП на основании социальных контрактов по любой из методик, так как ошибки в заполнении и предоставлении данных регионами критические, что связано с трудностями понимания полей формы на местном уровне, поэтому и сравнение методик в настоящее время именно по значениям показателей не может быть проведено

корректно. Так, индекс эффективности в целом по РФ по официальной Методике составил ~14 %, а по авторской методике — ~39%, и эта разница вытекает из-за использования других формул, а также в значительной мере из-за изменения общего подхода: авторы настоящей статьи брали в знаменателе показателей количество семей, а не количество граждан.

Авторская методика в сочетании формул (6.4); (6.5); (6.7) четко разграничивает понятия «эффективность» и «охват». В ней также вводится термин «индекс экономической активности участников СК», которым определяется, насколько тот или иной регион широко использует предусмотренные в СК обязательства по ИТД, развитию ЛПХ и трудоустройству их участников. Так, Волгоградская, Тюменская, Самарская, Оренбургская, Новосибирская области продемонстрировали относительно высокие показатели экономической активности участников СК. Самые высокие показатели по экономической активности в Бурятии, так как там, судя по цифрам, оказывается разнообразная комплексная помощь одним и тем же хозяйствам, как правило, многодетным.

Индекс экстенсивности охвата характеризует степень разнообразия различных видов социальных услуг в региональных программах социальной адаптации. Необходимо отметить многообразие подходов в Белгородской и Вологодской и Оренбургской областях, Ханты-Мансийском автономном округе — Югра, республиках Татарстан и Саха (Якутия) (рис. 6.1).

Разнообразие форм активности в виде обучения на курсах, регистрация на трудовой бирже, устройство детей в детский сад и прочее не подразумевает получения устойчивого денежного дохода семьи, это лишь предтеча будущего улучшения, а реальное улучшение по доходам подразумевает индекс ЭА: это либо предоставление возможности заработка или обеспечения питанием из ЛПХ, ИТД, или трудоустройства. Здесь мы наблюдаем, что нормальные показатели (на хорошем и нормальном уровне) демонстрируют Волгоградская область (37%), Тюменская область (35%), Новосибирская область (33%), Оренбургская область (32%) и Самарская область (30%). Заметим, что в Волгоградской области, например, развивается только один тип социального контракта — ЛПХ в сельской местности, соответственно, по другим параметрам (ИТД и П2) по формуле (6.6) доля будет равной нулю, а деление на 3 происходит все равно, таким образом, занижается успех региона во внедрении ЛПХ. Но авторы предлагают ввести оценочные нормы, и, вообще, при возможности, не вводить индекс ЭА, а использовать

Таблица 6.1
Сводные индексы эффективности по официальной и авторской методикам, % (серым выделены выбранные к детальному исследованию регионы)

	Официальная Методика (ОМ), но в процентах Ио=0,7*((О2+О3+О4+О5+О6)/5)+0,3*О1 Изз=0,7*((П4+П5+П6+П7)/4)+0,3*((М1+М2+М3+М4)/4)										Авторская методика* (АМ) 1З=(П1+П2+П3+П4)/4; 2З=(По+П1)/2; ОХВ=(К1+К2+К3+К4)/4; 3А=(ИТД+ЛПХ+П2)/3				
	По официальной Методике					По официальной Методике с условными упрощениями и допущениями					13, %	23, %	ОХВ, %	3А, %	
	1Ио, %	1Из, %	2Ио, %	2Из, %	3Из, %	Д	Е	Ж	З	И					
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	4 114,5	14,7	100,0	18,2	12,3	38,0**	39,7**	26,7**	12,7**						
Белгородская область	331,8	17,0	100,0	21,6	18,2	40,4**	75,4**	42,5**	18,7**						
Брянская область	0,0	9,9	0,0	9,9	9,9	0,0	12,5**	10,8	21,4						
Владимирская область	0,0	15,7	0,0	17,9	18,3	26,3	49,7	12,8	16,2						
Ивановская область	0,0	25,4	0,0	30,6	27,3	42,8**	37,5**	33,4**	27,8**						
Тамбовская область	0,0	18,3	0,0	24,2	26,3	16,0	28,8	33,3	12,8						
Тверская область	0,0	16,9	0,0	20,0	20,0	25,0**	50,0	24,2**	18,0**						
Тульская область	0,0	10,9	0,0	13,6	12,6	47,2	61,2	45,2	15,0						
Ярославская область	0,0	20,2	0,0	23,3	21,9	26,4	52,6	15,2	21,6						
Республика Карелия	0,0	8,1	0,0	9,9	7,9	29,6**	24,6**	2,9**	15,3**						
Республика Коми	0,0	45,5	0,0	50,0	50,0	36,1	48,6	75,0	66,7						
Архангельская область	0,0	12,5	0,0	15,0	13,0	8,7	14,7	20,7	8,7						
Вологодская область	0,0	11,2	0,0	14,9	14,0	27,1	39,2	25,8	10,4						
Мурманская область	0,0	9,8	0,0	12,1	10,7	27,4	29,0**	11,3	14,7						
Новгородская область	0,0	10,0	0,0	12,2	11,7	29,2	50,0	16,7	38,9						
Астраханская область	0,0	30,8	0,0	33,5	29,0	28,8	50,0	5,9	38,0						
Волгоградская область	0,0	22,8	0,0	25,0	25,0	13,3**	16,0**	0,0**	37,1**						
Ростовская область	0,0	15,8	0,0	18,2	17,6	32,7**	47,7**	17,3**	20,9**						
Республика Татарстан	0,0	7,0	0,0	8,4	7,5	23,8	37,5	32,1	10,6						
Нижегородская область	0,0	3,6	0,0	4,0	3,9	20,5	65,5	7,8	4,9						
Оренбургская область	0,0	26,7	0,0	31,0	31,1	24,4**	16,4**	34,1**	32,5**						
Самарская область	640,0	9,8	100,0	12,1	11,8	33,4	39,7**	6,2	30,5						
Курганская область	0,0	5,1	0,0	6,6	24,1	19,8**	25,0**	3,0**	5,0**						
Тюменская область	1 222,7	2,5	86,0	3,2	3,1	26,5	50,0	13,8	35,3						
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	0,0	12,1	0,0	16,8	16,1	19,4**	34,2**	37,0**	3,6**						
Ямало-Ненецкий авт. округ	0,0	15,6	0,0	17,8	24,0	50,0	50,0	21,9	62,5						
Республика Бурятия	0,0	29,5	0,0	33,7	33,4	94,4**	12,5	51,9**	75,9**						
Алтайский край	0,0	16,5	0,0	18,7	18,7	25,0	26,7	9,0	21,4						
Красноярский край	0,0	5,3	0,0	7,5	7,5	25,0	50,0	0,0	0,0						
Кемеровская область	0,0	22,8	0,0	25,0	25,0	25,0	50,0	5,6	33,3						
Новосибирская область	0,0	8,5	0,0	10,7	10,7	25,0**	12,5**	9,1**	33,3**						
Омская область	0,0	19,9	0,0	22,4	22,4	28,3**	55,4	28,2**	32,1**						

Окончание табл. 6.1

	Официальная Методика (ОМ), но в процентах $И_0 = 0,7 * ((O_2 + O_3 + O_4 + O_5 + O_6) / 5) + 0,3 * O_1$ $И_3 = 0,7 * ((P_4 + P_5 + P_6 + P_7) / 4) + 0,3 * ((M_1 + M_2 + M_3 + M_4) / 4)$						Авторская методика* (АМ) $1Э = (П_1 + П_2 + П_3 + П_4) / 4$; $2Э = (П_0 + П_1) / 2$; $ОХВ = (K_1 + K_2 + K_3 + K_4) / 4$; $3А = (ИТД + ЛПХ + П_2) / 3$												
	По официальной Методике			По официальной Методике с условными упрощениями и допущениями			1Э, %			2Э, %			ОХВ, %			3А, %			
	1И0, %	1И3, %	2И0, %	2И3, %	Г	Д	Е	Ж	З	И	Ж	З	И	Ж	З	И	Ж	З	И
Томская область	0,0	19,2	0,0	21,5		21,2		34,6		42,0		11,3		11,3		25,7			
Республика Саха (Якутия)	71 001,0	2,8	86,0	3,4		3,3		26,8		72,1		22,4		22,4		12,6			
Камчатский край	0,0	12,8	0,0	15,1		20,4		36,8**		12,5**		10,4**		10,4**		24,0**			
Хабаровский край	0,0	29,9	0,0	32,1		15,1		34,2		30,0**		19,8		19,8		41,2			
Амурская область	0,0	16,2	0,0	20,7		20,7		14,7		41,1		36,0		36,0		10,8			

Примечание. * Используются показатели в доле не от количества малолетних граждан и заключенных соискателей (строка 04 таблицы 1 Приложения 3 к данной статье), а общие (строка 01 таблицы 1 Приложения 3 к данной статье), кроме трех показателей (К1, К2 (4.5) и ИТД (4.6))

** Используются показатели в доле от количества граждан (строка 01 столбец 04 в таблице 1 Приложения 3 к данной статье), в остальных случаях — доля от заключенных соискателей (строка 01 столбец 05 в таблице 1 Приложения 3 к данной статье), иначе показатели, входящие в индексы, имели бы значения более 100 %.

просто отдельные показатели ИТД, ЛПХ, П2. В целом по России можно оценить, что в настоящее время наблюдается больше развитие экстенсивности охвата (27%), чем предоставление устойчивой помощи (13%), это связано наверняка с периодом начального внедрения и апробации технологии социального контракта в разных направлениях. Но при достоверных базах данных можно внедрять сложные математические модели для учета особенностей каждого региона, как это делается, например, в США [Timothy Smeeding, 2006. Рр. 69–90], и применять соответствующие программы, как описано в [Soss, Joe, 2002, р. 65] или других источниках с опытом других стран [Tengku Abdul Hamid and other, 2013; Nicola Pavoni and other, 2013; Robert Moffitt, 2002].

Что касается анализа индексов эффективности, то здесь анализ также затруднен из-за некорректности заполнения форм. Однако по среднему доходу (III таблица Формы Соцконтракт-1) почти все регионы заполнили поля таблицы, в основном, без ошибок, что позволило сделать вычисления по авторской методике. При этом есть сомнения в правильности вычисления показателя П1 опять же из-за возможной некорректности предоставления информации (см. табл. 6.1). Кроме того, в 2013 г., согласно ОМ, собиралось «количество граждан с СДД ниже прожиточного минимума (ПМ) после завершения СК».

Разница в индексах по официальной и авторской методикам существенна из-за принципиально разных формул (см. рис. 6.2). Высокий индекс эффективности по авторской методике 2Э в Белгородской, Нижегородской, Самарской областях, Республике Саха отражает существенное возрастание СДД в семье после СК (см. табл. 6.1). Конечно, здесь требуется дополнительное изучение, на основании чего делаются замеры СДД домохозяйства, едина ли методика по срокам проведения замеров СДД и т.п. Авторы считают, что требуется дополнительное изучение и теоретическая проработка в определении индекса эффективности внедрения ГСП на основе СК, но пока за основу можно принять формулу 1Э (6.3), как наиболее отражающую ситуацию в регионах, где, по мнению исследователей, наиболее успешно проходит внедрение соцконтракта.

Результаты расчетов по методикам существенно различаются даже в рамках ОМ при изъятии некорректных записей. Это наглядно видно на примере такого важного показателя, как количество повторных обращений за ГСП (табл. 6.2). Чем же важен этот показатель? Тем, что доля повторных обращений при налаженной статистике может показать эффективность предоставления мер со-

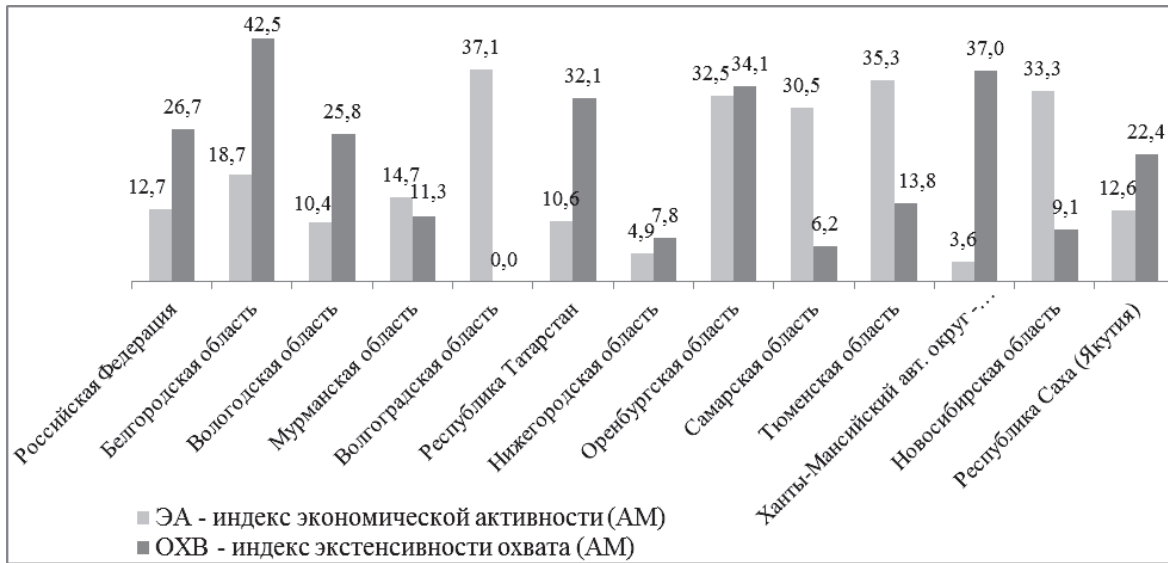

Рис. 6.1. Индекс экстенсивности охвата семей и индекс экономической активности семей по авторской методике в выбранных регионах, %

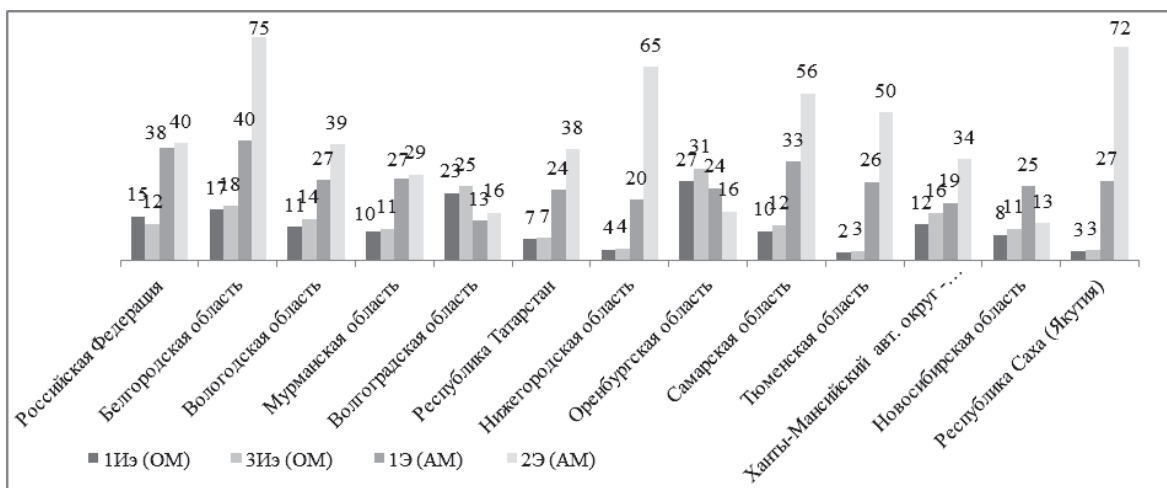

Рис. 6.2. Значение индексов эффективности, рассчитанных по официальной и авторской методикам, %. 1Iz рассчитан по формуле (6.2), 3Iz — также по формуле (6.2), но с учетом упрощений и допущений, 1Э — по формуле (6.3), 2Э — по формуле (6.4)

циальной помощи семьям уже с первого раза либо недостаточность помощи, если таких повторов много, что будет характеризовать в том числе иждивенческие настроения населения региона, муниципалитета.

Доля повторных обращений за ГСП после завершения СК (в % от количества заключенных контрактов) в целом по РФ в 2013 г. составляла либо 14,7 %, если учитывать не внушающие доверия данные, либо 4,4 %, если их не учитывать. Это без проверки в Мурманской и Оренбургской областях, где доля повторных обращений очень высока — 40,5% и 28,3%. Если и они ошиблись,

то, исключив соответствующие значения 1005 и 66, получим, что по России было всего только 135 повторных обращений, что соответствует доле всего в 0,5%. Таким образом, разлет значений из-за неправильного заполнения Формы может быть в 30 раз. Мы специально приводим данный показатель, так как он вычисляется просто. Ошибкой при вычислении данного показателя может быть и общее количество заключенных социальных контрактов, которое стоит в знаменателе формулы. В регионах, в которых проводилось углубленное исследование, такие ошибки в понимании и этого поля наблюдались.

Таблица 6.2

Повторные обращения за ГСП после завершения действия социального контракта
(Таблицы III статистической формы, приведенной в Приложении 3 к настоящей статье),
опущены данные из регионов, где не было повторных обращений

Субъект РФ	Количество случаев повторных обращений, указанных в статформе	Доля повторных обращений от кол-ва заключенных контрактов в 2013 г., %	Количество случаев повторных обращений, указанных в статформе, за исключением данных, не внушающих доверия	Доля повторных обращений от кол-ва заключенных контрактов в 2013 г., %, за исключением данных, не внушающих доверия
Российская Федерация	4056	14,7	1206	4,4
Белгородская область	9	1,7	9	1,7
Ивановская область	14	8,0	14	8,0
Тульская область	3	3,8	3	3,8
Республика Коми	16 (Всего заключивших СК — 9)	177,8		
Вологодская область	24	1,7	24	1,7
Мурманская область	66	40,5	66	40,5
Волгоградская область	2850 (Всего заключивших СК — 806)	353,6		0,0
Ростовская область	13	14,3	13	14,3
Республика Татарстан	16	4,6	16	4,6
Оренбургская область	1005	28,3	1005	28,3
Самарская область	8	0,5	8	0,5
Томская область	11	3,3	11	3,3
Камчатский край	1	8,3	1	8,3
Амурская область	36	5,6	36	5,6

Можно ли считать эффективной (успешной) практику реализации СК, судя по уровню и динамике показателя «среднедушевой доход»? Среднедушевой доход и его динамика представляют собой основные индикаторы, которыми семьи оцениваются как малообеспеченные и выявляется успешность реализации СК. В таблице 6.3 представлены данные о размерах среднедушевых денежных доходов (СДД) до начала и по окончании реализации СК, а также численность населения с СДД ниже ПМ в изученных регионах.

В качестве примера рассмотрим изменение СДД по результатам реализации СК в целом по Российской Федерации. Если брать в расчет среднюю, то до заключения СК, СДД был 3 553,0 руб., а если брать средневзвешенный показатель — то 4 115,2 руб. без учета тех регионов, которые не предоставили данные по окончании срока действия контракта, и 4 189,2 руб., при учете данных всех регионов, предоставивших данный показатель. Для оценки динамики СДД авторы пользовались парой 4 115,2 руб. до заключения СК и 5 311,3 руб. после завершения СК. В среднем по Российской Федерации семьи, получившие ГСП на основании СК, увеличили доходы по завершении СК, примерно, в 1,3 раза.

В то же время из таблицы 6.3 следует, что ни в одном субъекте после завершения СК СДД не

достигли ПМ (даже предшествующего года, в данном случае, 2012 г.), а дефицит денежных доходов составил примерно 39%. Следовательно, практика реализации СК показывает, что СК на данном этапе его применения не позволяет выйти из бедности получателям ГСП. Корреляционный анализ показывает, что между размером выплаты ГСП на основании СК (как ежемесячной, так и единовременной), среднедушевым доходом семьи, а также его возросшей величиной за время социального контракта нет устойчивой связи. Это означает, что при определении размера ГСП регионы руководствуются не экономической ситуацией семьи, а, скорее, установленными ими правилами. Таким образом, судя по динамике, СК способствует росту СДД. В то же время в целом практика реализации СК пока не обеспечивает вывод семей (домохозяйств, одиноко проживающих граждан) из абсолютной монетарной бедности. В таблице 6.3 также приводятся столбцы Е и Ж, чтобы показать разницу разных регионов в восприятии наименований показателей в официальной форме. Представители органов соцзащиты некоторых регионов (Ивановская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Самарская, Курганская, Новосибирская, Омская, Амурская области, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский авт. округ — Югра, Респуб-

Таблица 6.3

Сравнение среднедушевого дохода семьи с величиной ПМ (2012 г.) и численности населения с СДД ниже величины ПМ (связано с показателями в индексе эффективности по авторской методике)

	Среднедушевой доход семьи (СДДС), руб. в месяц		Величина ПМ за IV квартал 2012 г., в среднем на душу населения, руб. в месяц	Дефицит СДДС по окончании срока действия СК семьи в % от минимума, руб.	Разница между СДДС после и до СК, в раз	Численность граждан, имеющих СДДС ниже ПМ по окончании срока действия СК, количество человек		
	до заключения СК	по окончании срока действия социального контракта				А	Б	В
Российская Федерация (средний доход)	3 553	4 652	6 705	-30,6	1,31	43 109	26 954	16 155
Российская Федерация (средневзвешенный доход, включены регионы, предоставившие и нулевые данные (из колонок А и Б) хотя бы в одном показателе по доходу семьи)	4189,22	5311,26	6 705	-20,8	1,27			
Российская Федерация (средневзвешенный, где хотя бы один показатель (из колонок А и Б) равен 0, в расчет не входило) — для расчета эффективности по методике	4115,19	5311,26	6 705	-20,8	1,29			
Белгородская область	2259	5033	5256	-4,2	2,2	485	364	121
Брянская область	3612	3704	5423	-31,7	1,0	266	0	266
Владимирская область	3310	4204	6419	-34,5	1,3	10	63	-53
Ивановская область	3210	4031	6206	-35,0	1,3	406	406	0
Тамбовская область	1962	3060	4870	-37,2	1,6	36	135	-99
Тверская область	3815		6301	-39,5*		0	0	0
Тульская область	2650	3300	6137	-46,2	1,2	2	2	0
Ярославская область	3119	5581	6080	-8,2	1,8	47	47	0
Республика Карелия	4149	5037	7774	-35,2	1,2	698	151	547
Республика Коми	2654	5930	8293	-28,5	2,2	7	7	0
Архангельская область	3956	5511	8159	-32,5	1,4	22	22	0
Вологодская область	3058	4226	6847	-38,3	1,4	673	673	0
Мурманская область	5797	7934	9315	-14,8	1,4	300	300	0
Новгородская область	4702		6183	-24,0*		0	0	0
Астраханская область	2998		5822	-48,5*		0	0	0
Волгоградская область	2976	3435	6474	-46,9	1,2	2913	750	2163
Ростовская область	3167	4001	6233	-35,8	1,3	115	115	0
Республика Татарстан	2190	4800	5622	-14,6	2,2	351	351	0
Нижегородская область	3033	4922	6579	-25,2	1,6	927	943	-16
Оренбургская область	2300	2821	5783	-51,2	1,2	16771	3268	13503
Самарская область	4212	4456	6903	-35,4	1,1	751	751	0
Курганская область	1979	3809	6041	-36,9	1,9	362	362	0

Окончание табл. 6.3

	Среднедушевой доход семьи (СДДС), руб. в месяц		Величина ПМ за IV квартал 2012 г., в среднем на душу населения, руб. в месяц	Дефицит СДДС по окончании срока действия СК семьи в % от прожиточного минимума, руб.	Разница между СДДС после и до СК, в раз	Численность граждан, имеющих СДДС ниже ПМ по окончании срока действия СК, количество человек		
	до заключения СК	по окончании срока действия социального контракта				Строка 1 Таблицы III Формы «Получатели ГСП, всего»	Строка 4 Таблицы III Формы «Из числа получателей ГСП: малоимущие семьи»	Разница
	А	Б	В	(Б-В)/В*100 %	Д	Е	Ж	Е-Ж
Тюменская область	3712		6623	-44,0*		0	0	0
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	6565	7334	9579	-23,4	1,1	12958	12958	0
Ямало-Ненецкий авт. округ	5767		10851	-46,9*		0	0	0
Республика Бурятия	1854	2007	6766	-70,3	1,1	29	191	-162
Алтайский край	2903	3251	6257	-48,0	1,1	38	170	-132
Красноярский край			7715			0	0	0
Кемеровская область	2234		5698	-60,8*		0	0	0
Новосибирская область	2861	3464	6989	-50,4	1,2	1447	1447	0
Омская область	2960	3481	5773	-39,7	1,2	26	26	0
Томская область	3672	3679	7077	-48,0	1,0	136	119	17
Республика Саха (Якутия)	4574	8973	10682	-16,0	2,0	111	111	0
Камчатский край	7638	8055	13395	-39,9	1,1	68	68	0
Хабаровский край	4713	4948	9482	-47,8	1,0	2879	2879	0
Амурская область	3784	3927	8369	-53,1	1,0	275	275	0

Примечание.* Использована разница со среднедушевым доходом семьи до заключения соцконтракта.

лика Коми, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край) считают, что эти показатели должны быть равны (по гражданам и по семьям). Но представители органов соцзащиты других регионов считают иначе (Белгородская, Брянская Владимирская, Тамбовская, Волгоградская, Нижегородская, Оренбургская, Томская области, Республика Бурятия, Республика Карелия, Алтайский край), причем у почти половины из них второй показатель превышает первый и имеет отрицательное значение.

Помимо изменения самих полей формы требуется в электронных формах сделать внутренние логические проверки и дать четкие инструкции по заполнению.

7. Заключение

Полученные авторами результаты могут быть использованы при реализации комплекса мер, направленных на расширение гарантированного доступа к адресной социальной поддержке семьям (домохозяйствам) и одиноко проживающим гражданам доходам на основе социального контракта и, прежде всего, для малоимущих семей с детьми.

Действующая Методика выявления эффективности реализации СК не показала свою работоспособность не только из-за того, что ею оценивается первый год работы по социальному контракту, а по целому ряду других причин:

- нечеткой, неясной статистической Формы, в которой почти каждая ячейка может быть истолкована неоднозначно, а ее разъяснение отнимает время у работников органов социальной защиты на всех уровнях;
- статистическая Форма имеет сложную структуру, трудно поддающуюся пониманию и интерпретации в регионах.

Методика содержит сводные показатели в единицах и индексах, которые пользователям трудно интерпретировать.

Из этого вытекают следующие предложения:

- признать действующую Методику недостаточно проработанной в аспекте учета количества получателей ГСП на основании СК;

- признать существующую статистическую Форму (годовую форму федерального статистического наблюдения № 1-соцконтракт «Сведения об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации» с указаниями по ее заполнению, сбор и обработка данных по которой осуществляются Минтрудом России) не в полной мере приемлемой для мониторинга эффективности реализации ГСП на основе СК. Организовать разработку, тестирование и утверждение другой формы;
- разработать новую официальную Методику, включающую реализацию выше обоснованных соображений авторов представленной публикации в части индекса эффективности реализации ГСП на основании СК, охвата семей различными социальными мероприятиями в программах социальной адаптации, а также экономической активности участников СК и др. Протестировать новую методику в пилотных регионах (на уровне муниципалитетов включительно) до принятия соответствующего нормативного акта;
- автоматизировать процесс ввода данных по статистической Форме для исключения ошибок при их обработке. Даже если будет использоваться MS Excel, в формах предусмотреть методы внутренней проверки данных, предотвращение неверного ввода;
- собирать данные по новой Методике через год после завершения отчетного года, чтобы все соцконтракты завершились (возможно, предусмотреть другие варианты в связи с более чем годовым сроком реализации социального контракта);
- провести повторный сбор данных по действующей Методике с лучшим разъяснением значения каждого поля, в том случае, если в ближайшее время невозможно организовать разработку новой Методики.

Наряду с разработкой новой Методики определения эффективности ГСП на основании СК необходимо решить более сложную задачу — вывод участников СК из монетарной абсолютной бедности в результате реализации СК.

Приложение 1

Показатели предлагаемой авторской методики

Таблица П.1

Дополнительные нормативные и общестатистические данные по региону к предлагаемой статистической форме сбора показателей для мониторинга ГСП на основании соцконтракта

Категория показателей	№	Наименование показателя
Финансовые показатели	01	Годовой объем планируемых средств на оказание ГСП на основании СК в периоде, включая расходы по регулярным выплатам с прошлого периода (года)
	02	из них — из федерального бюджета
	03	Годовой объем израсходованных средств на оказание ГСП на основании СК в периоде, включая расходы по регулярным выплатам с прошлого периода (года)
	04	из них — из федерального бюджета
	05	Годовой объем средств на оказание ГСП семьям на основании СК в отчетном периоде, затраченных на натуральную помощь, включая расходы по регулярным выплатам с прошлого периода (года)
	06	В среднем, объем затраченных средств на оказание ГСП на основании СК в отчетном периоде, приходящихся на 1 семью (1 СК), получивших ГСП на основании СК, включая расходы по регулярным выплатам с прошлого периода (года)
	07	В среднем, объем затраченных средств на оказание ГСП на основании СК в отчетном периоде, приходящихся на 1 гражданина из семей, получивших ГСП на основании СК, включая расходы по регулярным выплатам с прошлого периода (года)
	08	Средний срок действия СК, заключенных в периоде, вычисляемый как средневзвешенный по количеству контрактов
	09	Средний размер регулярной денежной выплаты семье по СК, заключенным в периоде
	10	Средний размер единовременной денежной выплаты семье по СК, заключенным в периоде
	11	Доля семей, выбравших ГСП на основании СК в виде единовременной денежной выплаты, от общей численности СК, заключенных в период
	12	Доля семей, выбравших натуральную помощь, от общей численности граждан, от общей численности СК, заключенных в период
Показатели, связанные с характеристиками семей получателей	13	Доля граждан, получивших ГСП на основании СК, в общей численности граждан, получивших ГСП
	14	Доля малоимущих граждан, получивших ГСП на основании СК, в общей численности малоимущих граждан, получивших ГСП
	15	Доля граждан, получивших ГСП на основании СК, из сельской местности, в общей численности СК, заключенных в периоде
	16	Доля семей, получивших ГСП на основании СК, из сельской местности, в общей численности СК, заключенных в периоде
	17	Доля граждан, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума на момент заключения социального контракта, в общей численности получателей ГСП на основании СК за период
	18	Доля малоимущих семей, получивших ГСП на основании СК, в общей численности семей, начавших получать ГСП в периоде
	19	Доля малоимущих семей с детьми, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде
	20	Доля неполных малоимущих семей с детьми, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде
	21	Доля малоимущих семей с 3 и более детьми, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде

Категория показателей	№	Наименование показателя
	22	Доля малоимущих семей, имеющих в составе инвалидов, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде
	23	Доля малоимущих семей, имеющих в своем составе неработающих на дату заключения СК ГТВ, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде
	24	Доля неработающих на дату заключения СК ГТВ из малоимущих семей, получивших ГСП на основании СК, в общей численности граждан — получателей ГСП на основании СК, заключенных в периоде
	25	Доля граждан, получивших ГСП на основании СК, в возрасте до 16 лет включительно на дату заключения СК, в общей численности граждан — получателей ГСП на основании СК, заключенных в периоде
	26	Доля женщин ГТВ, получивших ГСП на основании СК, в общей численности граждан — получателей ГСП на основании СК, заключенных в периоде
	27	Доля ГТВ, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде
	28	Доля граждан старше трудоспособного возраста, получивших ГСП на основании СК, в общей численности СК, заключенных в периоде
Показатели, связанные с реализацией мероприятий программы социальной адаптации	29	К1 Доля семей, получивших ГСП на основании СК, в которых есть хотя бы один ГТВ, зарегистрированный в период действия СК в органах службы занятости населения в целях поиска работы, в общей численности семей, получивших ГСП на основании СК
	30	К2 Доля семей, получивших ГСП на основании СК, члены которых прошли или проходят профессиональное обучение и получили или получают дополнительное профессиональное образование в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде
	31	Доля граждан, получивших ГСП на основании СК, которые приступили к осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности в рамках программы социальной адаптации, в общей численности граждан — получателей СК, заключенных в периоде
	32	ИТД — Доля семей, получивших ГСП на основании СК, члены которых приступили к осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде
	33	ЛПХ — Доля семей, получивших ГСП на основании СК, которым были предоставлены деньги или материальные средства на ЛПХ (в том числе скот, птицу, сельхозоборудование и т.п.) в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде
	34	Доля семей, получивших ГСП на основании СК, проживающих в сельской местности, которым были предоставлены деньги или материальные средства на ЛПХ (в т.ч. скот, птицу, сельхозоборудование и т.п.) в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде
	35	К3 Доля семей, получивших ГСП на основании СК, которым были оказаны социальные услуги в рамках программы социальной адаптации, в общей численности получателей ГСП на основании СК
	36	Доля семей, получивших ГСП на основании СК, проживающих в сельской местности, которым были оказаны социальные услуги в рамках программы социальной адаптации, в общей численности СК, заключенных в периоде
	37	К4 Доля семей, получивших ГСП на основании СК, осуществляющих другие мероприятия, направленные на преодоление семьей трудной жизненной ситуации, в рамках программы социальной адаптации, в общей численности получателей ГСП на основании СК
	38	Доля СК, в которых прописано 3 и более пунктов (форм обязательств для ГТВ) в социальном контракте
Показатели, связанные с результатами	39	Отношение среднедушевого дохода семьи на дату окончания срока действия социального контракта к среднедушевому доходу семьи на дату заключения СК

Категория показателей	№	Наименование показателя
	40	ПО Балл, умноженный после вычисления на 100%, за «отношение среднедушевого дохода семьи на дату окончания срока действия социального контракта к среднедушевому доходу семьи на дату заключения СК» (обозначим это отношение как индекс СДДС) Если индекс СДДС < 1, то региону (муниципалитету) достается 0 баллов Если $1 \leq$ индекс СДДС < 1,5, то региону достается 25 баллов Если $1,5 \leq$ индекс СДДС < 2, то региону достается 50 баллов Если $2 \leq$ индекс СДДС < 3, то региону достается 75 баллов Если индекс СДДС \geq 3, то региону достается 100 баллов
	41	Доля граждан, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума по окончании срока действия СК, в общей численности малоимущих граждан — получателей ГСП на дату заключения СК за период
	42	Доля семей, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума по окончании срока действия СК, в общей численности малоимущих семей – получателей ГСП на дату заключения СК за период
	43	П1 Доля семей, имеющих среднедушевой доход равный или выше величины прожиточного минимума по окончании срока действия СК, в общей численности малоимущих семей — получателей ГСП на дату заключения СК за период
	41	П1-А Доля семей, у которых среднедушевой доход увеличился по окончании срока действия СК на 20 % и более
	43	П1-Б Доля семей, у которых среднедушевой доход увеличился по окончании срока действия СК на 50 % и более
	44	П2 Доля семей, из числа заключивших СК, в которых трудоустроен хотя бы 1 человек (сейчас — доля трудоустроенных ГТВ в общей численности СК)
	45	Доля граждан в возрасте 16–30 лет среди трудоустроенных ГТВ в общей численности неработающих на момент заключения СК ГТВ, получивших ГСП на основании СК
	46	П3 Доля семей, из числа заключивших СК, в которых увеличился доход от трудовой деятельности по окончании срока действия социального контракта, в общей численности СК (в 2014 г. — Доля ГТВ, у которых увеличился доход от трудовой деятельности по окончании срока действия социального контракта, в общей численности ГТВ, получивших ГСП на основании СК)
	47	П4 Доля семей, из числа заключивших СК, у которых увеличились натуральные поступления из ЛПХ по окончании срока действия социального контракта, в общей численности СК, завершивших СК в периоде (в 2014 — граждане)
	48	Доля ГТВ, получивших ГСП на основании СК, зарегистрированных в период действия СК в органах службы занятости населения в целях поиска работы, в общей численности ГТВ из числа получателей ГСП на основании СК
	49	Доля семей, повторно обратившихся за государственной социальной помощью после окончания срока действия СК, в общей численности получателей ГСП на основании СК за период (сейчас — граждан)
Сводные показатели, %	50	Сводный индекс эффективности СК $\mathcal{E} = (П1+П2+П3+П4)/4$, впоследствии П2, П3 и П4 можно удалить, ввести П0 в слагаемые числителя, а делить на 2. $\mathcal{E} = (П0+П1)/2$
	51	Сводный индекс экстенсивности охвата семей различными социальными мероприятиями в программах социальной адаптации $ОХВ = (K1+K2+K3+K4)/4$
	52	Сводный индекс экономической активности СК $\mathcal{E}А = (ИТД+ ЛПХ +П2)/3$ (кто занялся ИТД, ЛПХ, трудоустроен). Либо не делить на «3». И можно этот сводный индекс не вводить

Данные показатели могут быть заменены, сокращены, преобразованы, в зависимости от дополнительных потребностей Минтруда России и в результате разработки новой методики. Все приведенные показатели должны вычисляться в 3-х колонках: 1) всего, 2) в городской местности, 3) в сельской местности. Данные показатели легко вычисляются из показателей формы, приведенной в Приложении 5. Все показатели можно скорректировать под нужды Минтруда России, а сводные

индексы предлагается доработать в рамках отдельной научно-исследовательской работы и опробовать в некоторых регионах

Трактовка показателя в муниципалитете, в регионе, в РФ	Значение ЭА, когда	
	нет деления на 3	есть деление на 3
Слабо	$\leq 30\%$	$\leq 10\%$
Нормально	30–100%	10–33,3%
Хорошо	100–200%	33,3–66,6%
Отлично	200–300%	66,6–100%

Приложение 2

Авторская статистическая форма за отчетный период

Таблица П.2

Предлагаемая статистическая форма сбора показателей для мониторинга ГСП на основании соцконтракта
Обозначение столбцов: 1 — всего; 2 — в городской местности; 3 — в сельской местности

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
I ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ						
01	Количество лиц (человек), оформивших государственную социальную помощь любого вида в отчетном периоде	Кол-во человек				Для оценки степени распространенности по социальному контракту
02	Количество лиц (человек), получивших в отчетном периоде государственную социальную помощь по социальному контракту — всего, человек (всего членов семьи в семьях, подписавших социальный контракт в отчетном периоде)	Кол-во человек				Для оценки степени распространенности по социальному контракту (Р)
03	Количество семей, оформивших гос. социальную помощь по социальному контракту в отчетный период (Количество заключенных социальных контрактов в течение отчетного периода)	Кол-во семей				Для оценки форм, сроков и др. по социальному контракту. Важно, что единица — семья
04	Нормативный максимальный размер ГСП на основании социального контракта на одну семью для региона вне зависимости, регулярная или единовременная	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
05	Количество заявок на социальный контракт, поданных на рассмотрение Межведомственной комиссии (или аналогичного органа) за отчетный период	Кол-во семей				Для планирования и распределения средств, для контроля качества рассмотрения заявок
06	Количество социальных контрактов, действующих на начало периода	Кол-во семей				Для определения точного количества социальных контрактов в год, и, таким образом, для контроля и планирования средств
07	Количество социальных контрактов, действующих на конец периода	Кол-во семей				Для определения точного количества социальных контрактов в год, и, таким образом, для контроля и планирования средств
08	Число прекращенных социальных контрактов до окончания срока их действия	Кол-во семей				Для понимания причин прекращения контрактов
09	Средний срок действия социального контракта (в том числе на мероприятия программы социальной адаптации), в том числе по регулярным выплатам	Месяц				Для контроля и планирования средств
10	по регулярным выплатам	Месяц				Для контроля и планирования средств
11	по единовременным выплатам	Месяц				Для контроля и планирования средств
12	Количество малоимущих семей, оформивших государственную социальную помощь по социальному контракту, — всего	Кол-во семей				При законодательстве, что социальный контракт заключается только с малоимущими, это требование исчезнет. Но если помощь идет и людям, оказавшимся временно в трудной ситуации, то, возможно, следует оставить такой показатель
13	Количество семей, имеющих в своем составе лиц трудоспособного возраста, из них:	Кол-во семей				Для определения, сколько семей имеют потенциал выхода из бедности
14	в возрасте 16–30 лет	Кол-во семей				Для обозначения проблемы занятости молодежи из малообеспеченных семей
15	Количество семей, имеющих в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста, из них:	Кол-во семей				Для определения, сколько семей имеют проблемы с занятостью

Продолжение табл. П.2

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
16	неучащихся лиц в возрасте 16–30 лет	Кол-во семей				Для обозначения проблемы занятости молодежи из малообеспеченных семей
17	Количество семей, имеющих в своем составе лиц старше трудоспособного возраста	Кол-во семей				Для определения, сколько семей имеют проблемы с занятостью
18	Количество семей с детьми до 16 лет, из них:	Кол-во семей				Для определения проблемы многодетных семей и просто семей с детьми
19	с 3 и более детьми	Кол-во семей				Для определения проблемы многодетных семей и просто семей с детьми
20	матери (отцы) с детьми	Кол-во семей				Могут быть и приемные дети, и родители, и бабушки. Возможно, по-другому называть показатель. Почему отказались от показателя «неполная семья»?
21	Количество семей, имеющих в составе нетрудоспособных граждан (инвалидов)	Кол-во семей				Для определения, сколько семей имеют проблемы с занятостью
22	Для муниципалитетов: Средний размер семьи, получившей ГСП на основании социального контракта. Для регионов и Российской Федерации: Средневзвешенный размер семьи (S), которой оказана ГСП на основании социального контракта	Единиц				Для различных вычислений на региональном и федеральном уровне Средний размер семьи, получившей ГСП на основании социального контракта, рассчитывается как сумма количества членов семей, получившей ГСП на основании социального контракта, деленная на количество социальных контрактов, заключенных в периоде Средневзвешенный размер семьи (S), которой оказана ГСП на основании социального контракта. Равен сумме по всем социальным контрактам: произведений количества заключенных социальных контрактов в муниципалитете (регионе) (Q) на среднее кол-во лиц в домохозяйстве (семье) в этих конкретных соцконтрактах (F), деленной на общее кол-во граждан, входящих в семьи — получателей ГСП по социальному контракту в муниципалитете (регионе) (P) $S = (Q_i \times F_i) / P_i$, где i пробегает от 1 до N (количество социальных контрактов, заключенных в периоде), а j — пробегает от 1 до N (количество лиц в семьях, заключивших социальные контракты в периоде)
II ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ						
23	Количество семей, подписавших социальный контракт в отчетный период, получивших регулярные денежные выплаты	Кол-во семей				Для планирования и распределения средств
24	Количество семей, подписавших социальный контракт в отчетный период, получивших единовременную денежную выплату	Кол-во семей				Для планирования и распределения средств
25	Количество семей, подписавших социальный контракт в отчетный период, получивших натуральную помощь (топливо, продукты питания, одежда, обувь, медикаменты и др.)	Кол-во семей				Для планирования и распределения средств
26	Объем средств, запланированных на отчетный период на оказание государственной социальной помощи малоимущим гражданам по социальному контракту в отчетном периоде на вновь заключенные контракты, включая выплаты на весь срок социального контракта, в том числе:	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
27	из федерального бюджета	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
28	из бюджета субъекта	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
29	Объем затраченных средств на оказание гос. соц. помощи малоимущим гражданам по социальному контракту в отчетном периоде на контракты, заключенные в периоде (без учета контрактов предшествующего года), включая выплаты на весь срок социального контракта, в том числе:	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств Возможно, стоит использовать и показатель, охватывающий и выплаты по предшествующему году

Продолжение табл. П.2

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
30	на регулярные выплаты	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
31	на единовременные выплаты	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
32	Объем затраченных средств на натуральную помощь (топливо, продукты питания, одежда, обувь, медикаменты и др.) семьям, заключившим социальный контракт	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
33	Объем затраченных средств на услуги, связанные с обеспечением занятости (профориентация, обучение, организация трудоустройства и прочее)	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
34	Объем затраченных средств на компенсационные выплаты за содержание ребенка в детском дошкольном учреждении семьям, заключившим социальный контракт	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
35	Объем затраченных средств на компенсационные выплаты на питание детей в школьных учреждениях семьям, заключившим социальный контракт	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
36	Объем затраченных средств на предоставление бесплатных социальных услуг, в том числе семьям, заключившим социальный контракт.	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
37	на предоставление дополнительной бесплатной медицинской помощи, включающей необходимое лекарственное обеспечение и санаторно-курортное лечение	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
38	на предоставление бесплатного проезда на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте до места лечения и обратно или другого транспорта	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
39	на предоставление путевок в детские оздоровительные учреждения	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
40	Объем затраченных средств на предоставление социальных услуг семьям, заключившим социальный контракт, социально ориентированными некоммерческими организациями	Тыс. руб.				Для планирования и распределения средств
41	Количество семей с детьми, оформивших ГСП на детей в течение действия социального контракта	Кол-во семей				Для планирования и распределения средств Возможно, лишний показатель. Предполагается, что есть семьи, которые самостоятельно не оформили другие виды ГСП по детям
42	Количество семей, семьям, заключивших социальный контракт, которым была предоставлена помощь социально ориентированными некоммерческими организациями	Кол-во семей				Для планирования и распределения средств
43	Средневзвешенный (по сроку) размер регулярной денежной выплаты (Р), равный сумме (по всем социальным контрактам) произведений ежемесячных выплат каждой семье (А) и количества месяцев выплат по соцконтракту в этих конкретных соцконтрактах (В), деленной на общую сумму количества месяцев всех соцконтрактов $S = (A1 \times B1) / B1$, где 1 пробегает от 1 до N (количество социальных контрактов по регулярным выплатам, заключенных в периоде)	Руб.				Для оценки достаточности выплат каждой семье, для сравнения со среднестатистическим доходом семьи — насколько вклад именно ГСП был решающим в увеличении доходов семей Для региона и РФ следует вычислять средневзвешенную величину по муниципалитетам (регионам), с опорой на средние сроки контрактов по регулярным выплатам
44	Средний размер единовременной денежной выплаты, равный сумме единовременных выплат, деленной на количество семей, заключивших социальный контракт по единовременным выплатам в периоде	Руб.				Для оценки достаточности выплат каждой семье, для сравнения со среднестатистическим доходом семьи — насколько вклад именно ГСП был решающим в увеличении доходов семей

Продолжение табл. П.2

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
	III СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ					
45	Количество социальных контрактов, заключенных в отчетном периоде, в которых есть требование к регистрации членов семей в органах службы занятости населения в целях поиска работы	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
46	Количество социальных контрактов, заключенных в отчетном периоде, в которых есть требование к прохождению профессиональной подготовки, переподготовки	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
47	Количество социальных контрактов, заключенных в отчетном периоде, в которых есть требование к развитию индивидуальной предпринимательской деятельности	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
48	Количество социальных контрактов, заключенных в отчетном периоде, в которых есть требование к развитию ЛПХ, в том числе предоставлено:	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
49	Крупный рогатый скот и другой скот (коровы, свиньи, овцы, козы, олени, лошади и т. п.)	Кол-во семей				Для понимания успешности данной формы ЛПХ
50	птица, кролики и другие мелкие животные	Кол-во семей				Для понимания успешности данной формы ЛПХ
51	предоставлено оборудование	Кол-во семей				Для понимания успешности данной формы ЛПХ
52	Количество социальных контрактов, заключенных в отчетном периоде, в которых есть другие обязательства членов домохозяйства	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
53	Количество социальных контрактов, заключенных в отчетном периоде, в которых есть нефинансовые обязательства органов социальной поддержки по оказанию социальных услуг	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
54	Количество семей, заключивших социальные контракты в отчетном периоде, в которых имеются другие мероприятия поддержки малоимущих семей, в том числе обязательства в виде	Кол-во семей				Для оценки потенциала и последующего результата работы муниципалитетов и оценки действенности данного мероприятия программы адаптации
55	дополнительной бесплатной медицинской помощи, включающей необходимое лекарственное обеспечение и санаторно-курортное лечение	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
56	дополнительной бесплатной наркологической помощи	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
57	бесплатного или льготного проезда до места лечения и обратно	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
58	благоустройства жилищных условий	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий. Например, настил прохлудившейся крыши, замена окон и т.п.
59	оформления ГСП на детей в течение действия социального контракта	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
60	предоставления путевок в детские оздоровительные учреждения	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
61	компенсационных выплат за содержание ребенка в детском дошкольном учреждении	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
62	компенсационных выплат на питание детей в школьных учреждениях	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий

Продолжение табл. П.2

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
63	устройства детей в дошкольные учреждения	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
64	ходатайства на предоставление работы	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
65	погашения задолженности за дошкольное учреждение	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
66	погашение задолженности за коммунальные и прочие услуги	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
IV ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОКАЗАНИЯ ГСП НА ОСНОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА						
67	Величина среднедушевого дохода семей в муниципалитете, регионе из числа получателей ГСП на основе СК до заключения СК	Руб.				<p>Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней</p> <p>Для муниципалитета Среднедушевой доход семьи до заключения СК семьи до заключения СК (D), равный сумме (по всем социальным контрактам) произведений среднедушевого дохода каждой семьи до заключения СК (A) и количества семей, получивших ГСП на основании социального контракта в муниципалитете (N), деленной на количество всех соцконтрактов в муниципалитете. $D = (A_i \times N_i) / N$, где i пробегает от 1 до № (количество социальных контрактов, заключенных в периоде в муниципалитете)</p> <p>Для региона (Российской Федерации) Среднедушевой доход семьи до заключения СК (D), равный сумме (по всем социальным контрактам) произведений среднедушевого дохода каждого муниципалитета (региона) до заключения СК (A) и количества семей, получивших ГСП на основании социального контракта в муниципалитете (регионе) (N), деленной на количество всех соцконтрактов в регионе (Российской Федерации)¹ $D = (A_i \times N_i) / N$, где i пробегает от 1 до № (количество социальных контрактов, заключенных в периоде в регионе (Российской Федерации))</p>
68	Величина среднедушевого дохода семей в муниципалитете, регионе из числа получателей ГСП на основе СК по окончании действия СК	Руб.				<p>Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней</p> <p>Для муниципалитета Среднедушевой доход семьи по окончании действия СК (D), равный сумме (по всем социальным контрактам) произведений среднедушевого дохода каждой семьи по окончании действия СК (A) и количества семей, получивших ГСП на основании социального контракта в муниципалитете (N), деленной на количество всех соцконтрактов в муниципалитете. $D = (A_i \times N_i) / N$, где i пробегает от 1 до № (количество социальных контрактов, заключенных в периоде в муниципалитете)</p> <p>Для региона (Российской Федерации) Среднедушевой доход семьи по окончании действия СК (D), равный сумме (по всем социальным контрактам) произведений среднедушевого дохода каждого муниципалитета (региона) по окончании действия СК (A) и количества семей, получивших ГСП на основании социального контракта в муниципалитете (регионе) (N), деленной на количество всех соцконтрактов в регионе (Российской Федерации)² $D = (A_i \times N_i) / N$, где i пробегает от 1 до № (количество социальных контрактов, заключенных в периоде в регионе (Российской Федерации))</p>

¹ В данном случае принимаются только те данные, где указаны и начальный уровень доходов, и уровень доходов после действия соцконтракта, тогда № — количество контрактов с учетом этого условия.

² То же.

Продолжение табл. П.2

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
69	Количество лиц (человек), заключивших социальный контракт в отчетном периоде, имеющих среднедушевой доход, равный или выше прожиточного минимума по окончании срока действия СК	Кол-во человек				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
70	Количество семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде, имеющих среднедушевой доход, равный или выше прожиточного минимума по окончании срока действия СК	Кол-во семей				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
71	Количество семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде, в которых среднедушевой доход с момента заключения контракта до окончания его действия вырос более чем на 20 %	Кол-во семей				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
72	Количество семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде, в которых среднедушевой доход с момента заключения контракта до окончания его действия вырос более чем на 50 %	Кол-во семей				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
73	Количество семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде, где был трудоустроен хотя бы один человек в течение срока действия СК	Кол-во семей				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
74	Количество трудоустроенных лиц в результате мероприятий программы социальной адаптации по социальному контракту из семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде	Кол-во человек				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
75	Количество семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде, в которых хотя бы один человек в течение срока действия СК получил дополнительные услуги в сфере занятости по программе социальной адаптации, в том числе	Кол-во семей				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
76	регистрация в государственных службах занятости	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
77	регистрация в негосударственных службах занятости	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
78	помощь в составлении резюме	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
79	профессиональное обучение	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
80	профессиональная ориентация	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
81	другие услуги в сфере занятости, уточнить, какие	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
82	Количество семей, заключивших социальный контракт в отчетном периоде, по которым была осуществлена дополнительная социальная помощь, в том числе в виде	Кол-во семей				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
83	дополнительной бесплатной медицинской помощи, включающей необходимое лекарственное обеспечение и санаторно-курортное лечение	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
84	дополнительной бесплатной наркологической помощи	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
85	бесплатного или льготного проезда до места лечения и обратно	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий

№	Наименование статистического показателя	Ед. изм.	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
86	благоустройства жилищных условий	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
87	оформления ГСП на детей в течение действия социального контракта	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
88	предоставления путевок в детские оздоровительные учреждения	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
89	компенсационных выплат за содержание ребенка в детском дошкольном учреждении	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
90	компенсационных выплаты на питание детей в школьных учреждениях	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
91	устройства детей в дошкольные учреждения	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
92	ходатайства на предоставление работы	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
93	погашения задолженности за дошкольное учреждение	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
94	погашение задолженности за коммунальные и прочие услуги	Кол-во семей				Для понимания успешности данных мероприятий
95	Количество граждан из семей — получателей социального контракта, повторно обратившихся за государственной помощью другого вида после окончания срока действия социального контракта.	Кол-во человек				Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней

Понятие «семья» в таблицах ниже включает и понятие «одиноко проживающий гражданин», и понятие «домохозяйство»³.

Рекомендацией к заполнению формы является обязательное заполнение всех ее полей, в том числе проставление нулей.

Преимущества данной формы:

- 1) Легче заполнять: в таблице по нормативной Методике всего надо заполнить 157 + 104 + 118 ~ 350 ячеек; в бланке по предлагаемой методике всего надо заполнить 95 x 3 ~ 285 ячеек, причем только 95 показателей различные по сути, а остальные — разбивка их же по сельской местности и городской. Если соцконтракт развивается только в сельской местности или только в городской, то количество заполняемых ячеек сразу снижается на треть, а две другие трети дублируют друг друга.
- 2) Четко структурировано: 3 однообразных столбца (всего, в городе, в селе); везде определено количество семей или количество человек; более ясная структура в отношении разделения мероприятий программы социальной адаптации и результатов.
- 3) Более точные показатели в отношении вычисления средних и средневзвешенных на региональном и федеральном уровне.
- 4) Форма имеет более удобное практическое применение для дальнейшей обработки результатов: сравнения показателей в динамике.
- 5) Авторы настоящей работы прилагают электронную таблицу-бланк для заполнения по прилагаемой новой статистической в муниципалитетах, а автоматически данные заполняются в статформе по действующему законодательству, т.е., заполняя новую статистическую форму, где каждый показатель более понятен и однозначен, заполняется и действующая статформа.

Дополнительные нормативные и общестатистические данные по региону могут быть найдены и вне данной формы, поэтому они опциональны.

³ http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r03_04/acrobat/glava5.pdf, а также http://www.e-reading.link/chapter.php/103874/5/Sherstneva_-_Social'naya_statistika__konspekt_lekcii.html#note_13 Домашнее хозяйство — небольшая группа людей, которые проживают в одном и том же жилом помещении, объединяют часть или весь свой доход и имущество и совместно потребляют определенные типы продуктов и услуг, прежде всего жилищные услуги и продукты питания.

Таблица П.3

Дополнительные нормативные и общестатистические данные по региону к предлагаемой статистической форме сбора показателей для мониторинга ГСП на основании соцконтракта*

№	Наименование статистического показателя	Единица измерения	1	2	3	Примечание, цель сбора показателя
95	Величина среднедушевого дохода в муниципалитете, регионе на первое число отчетного периода	Руб.	-	-	-	Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
96	Величина среднедушевого дохода в муниципалитете, регионе на последнее число отчетного периода	Руб.	-	-	-	Для оценки эффективности работы органов социальной поддержки всех уровней
97	Нормативный прожиточный минимум в муниципалитете, регионе на первое число отчетного периода	Руб.	-	-	-	Для анализа и сравнения
98	Нормативный прожиточный минимум в муниципалитете, регионе на последнее число отчетного периода	Руб.	-	-	-	Для анализа и сравнения
99	Нормативный период, в течение которого семья не может обратится повторно за ГСП на основании социального контракта в регионе	Месяц	-	-	-	Для планирования и распределения средств
100	Доля малообеспеченных семей в общем количестве семей в муниципалитете	%	-	-	-	Для анализа и сравнения

Примечание. * Требуется указать источник данных, включая веб-ссылку, если таковая имеется.

Приложение 3 Статистическая форма за отчетный период по официальной методике (Форма № 1-соцконтракт)

Таблица 1

Получатели ГСП на основании СК за счет средств бюджета субъекта РФ

№ строки	Численность граждан, получивших ГСП	Из них численность граждан, получивших ГСП на основании СК	Число социальных контрактов (число семей) в отчетном периоде		Средний срок действия СК	Численность граждан, получивших регулярные денежные выплаты	Средний размер регулярной денежной выплаты	Численность граждан, получивших единоразовную денежную выплату	Средний размер очередной денежной выплаты	Численность граждан, получивших натуральную помощь
			заклученных в течение периода	действующих на конец периода						
01										
02										
03										

Получатели государственной социальной помощи — всего
в том числе проживающие:
в городской местности
в сельской местности

08	семьи, имеющие в составе инвалидов
09	семьи, имеющие в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста
10	Из числа получателей государственной социальной помощи: дети в возрасте до 16 лет
11	население трудоспособного возраста
12	в том числе: молодежь в возрасте 16–30 лет
13	население старше трудоспособного возраста

Таблица III

Основные показатели для оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании СК

№ строки	Среднедушевой доход семьи		Численность граждан, имеющих среднедушевой доход ниже ПИМа по окончании срока действия СК	Численность, трудоустроенных граждан из числа получателей ГСП на основе СК	Численность граждан, у которых увеличился доход от трудовой деятельности по окончании срока действия СК	Численность граждан, у которых увеличились натуральные поступления из ЛПХ по окончании срока действия СК	Численность граждан, преодолевших трудную жизненную ситуацию
	До заключения СК	по окончании срока действия СК					
01	Получатели государственной социальной помощи — всего						
02	в том числе проживающие: в городской местности						
03	в сельской местности						
04	Из числа получателей государственной социальной помощи: малоимущие семьи (малоимущие одиноко проживающие граждане)						
05	семьи с детьми до 16 лет						
06	из них: матери (отцы) с детьми						
07	семьи с 3 и более детьми						
08	семьи, имеющие в составе инвалидов						
09	семьи, имеющие в своем составе неработающих лиц трудоспособного возраста						
10	Из числа получателей государственной социальной помощи: дети в возрасте до 16 лет						
11	население трудоспособного возраста						
12	в том числе: молодежь в возрасте 16–30 лет						
13	население старше трудоспособного возраста						

Список литературы

1. Бобков В.Н., Бучкова Я.Ю., Джандосова Ф.С., Одинцова Е.В. Анализ практики применения и эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта семьям с детьми и подготовка рекомендаций для использования органами социальной защиты населения / Отчет по контракту, по заказу Минтруда России. Москва, 2014.
2. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Международная практика снижения относительной и абсолютной монетарной бедности и задачи для России // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10–11. С. 3–59.
3. Корчагина И.И., Мигранова Л.А. Социальная помощь малоимущим домохозяйствам на условиях социального контракта // Народонаселение. 2013. № 1. С. 74–83.
4. Овчарова Л.Н. и др. Научно-методическое обеспечение государственной политики оказания адресной помощи нуждающимся категориям граждан и домохозяйств, в том числе на основании социального контракта / Приоритетные направления развития: государственное и муниципальное управление РФ. Москва, 2013.
5. Прокофьева Л.П. Аналитический отчет «Социально-экономическая экспертиза по законопроекту, вносящему изменения в ФЗ от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»».
6. Pavoni N., Ofer Setty Giovanni L. Violante. SEARCH AND WORK IN OPTIMAL WELFARE PROGRAMS Working Paper. NATIONAL BUREAU OF ECONOMIC RESEARCH, Cambridge 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138, January 2013.
7. Soss J. Success Stories. («Истории успеха», Джой Сосс, 2002), USA: South End Press, 2002, p. p. 65.
8. Tengku A.H., Aizan T., Rahimah I., Chai S.T. Social security system in Malaysia: the impact of aging populations. Borobudur Hotel Jakarta, Indonesia. 2013.
9. Smeeding T. Poor People in Rich Nations: The United States in Comparative Perspective // Journal of Economic Perspectives, vol. 20, no. 1. Pp. 69–90, Winter 2006.
10. Moffitt R. Welfare programs and labor supply' Working Paper 9168 // National bureau of economic research, September 2002.

References

1. Bobkov V.N., Buchkova Ya. Yu., Dzhandosova F.S., Odintsova E.V. *Analiz praktiki primeneniya i effektivnosti okazaniya gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi na osnovanii sotsial'nogo kontrakta sem'yam s det'mi i podgotovka rekomendatsiy dlya ispol'zovaniya organami sotsial'noy zashchity naseleniya*, Otchet po kontraktu, po zakazu Mintruda RF [Analysis of the functioning and effectiveness of the provision of state social assistance on the basis of the social contract to families with children and make recommendations for the use of social protection agencies, report on the contract, commissioned by the Ministry of Labor]. Moscow, 2014.
2. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Mezhdunarodnaya praktika snizheniya otноситel'noy i absol'yutnoy monetarnoy bednosti i zadachi dlya Rossii [International practice reducing relative and absolute poverty and monetary problems for Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of regions of Russia], I. 10-11, pp. 3-59, 2012.
3. Korchagina I.I., Migranov L.A. Sotsial'naya pomoshch' maloimushchim domokhozyaystvam na usloviyakh sotsial'nogo kontrakta [Social assistance to poor households under the terms of the social contract]. *Narodonaselenie* [Population]. 2013, I. 1, pp. 74-83.
4. Ovcharova L.N. Nauchno-metodicheskoe obespechenie gosudarstvennoy politiki okazaniya adresnoy pomoshchi nuzhdayushchimsya kategoriym grazhdan i domokhozyaystv, v tom chisle na osnovanii sotsial'nogo kontrakta. Prioritetnye napravleniya razvitiya: gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie RF [Scientific and methodological support of the state policy of providing targeted assistance to needy citizens and households, including on the basis of the social contract] Development Priorities: State and Municipal Management of the Russian Federation]. Moscow, 2013.
5. Prokof'eva L. «Analiticheskiy otchet "Sotsial'no-ekonomicheskaya ekspertiza po zakonoproektu, vnosyashchemu izmeneniya v FZ № 178-FZ ot 17 iyulya 1999 g "O gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi"» [«Analytical report» Socio-economic expertise on the draft law amending the Federal Law № 178-FZ dated 17 July 1999 «On state social assistance.»].
6. Pavoni N., Ofer Setty Giovanni L. Violante, «Search And Work In Optimal Welfare Programs Working Paper,» National Bureau Of Economic Research, Cambridge 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 , January 2013.
7. Soss J. *Success Stories*. («Istorii uspekha», Dzhoy Soss, 2002), USA: South End Press, 2002, p. 65.
8. Tengku A.H., Aizan T., Rahimah I., Chai S.T. *Social security system in Malaysia : the impact of aging populations*. Borobudur Hotel Jakarta, Indonesia. 2013.
9. Smeeding T. Poor People in Rich Nations: The United States in Comparative Perspective, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 1, p. 69–90, Winter 2006.
10. Moffitt R. Welfare programs and labor supply' Working Paper 9168, National bureau of economic research, September 2002.

Комплексная модель расчета качества жизни в регионе (на основе формализованного принципа устойчивого развития и системы естественнонаучных показателей)

Complex Model of Calculation of Quality of Life in the Region (on the basis of the formalized principle of a sustainable development and systems of natural-science indicators)

Получено 19.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 330.341

DOI: 10.12737/13554

ШАМАЕВА Е.Ф.

канд. техн. наук, доцент кафедры устойчивого инновационного развития Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (Государственный университет «Дубна») 141982, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, д. 19
E-mail: shamef-kate@yandex.ru

SHAMAEVA E.F.

Ph.D., Assistant Professor of Sustainable Innovative Development of the International University of Nature, Society and Man «Dubna» (State University «Dubna») 19, Universitetskaya st., Dubna, 141982, Moscow region
E-mail: shamef-kate@yandex.ru

Аннотация

В статье дается обзор современного состояния проблемы измерения, проектирования и управления устойчивым развитием и ростом качества жизни. Представлены формализованный принцип устойчивого развития и система естественнонаучных показателей устойчивого развития, на основе которых строится комплексная модель расчета качества жизни в регионе. Представлены результаты расчета качества жизни с позиции разных концептуальных подходов. Ставится задача повышения эффективности проектирования и управления устойчивым развитием и ростом качества жизни посредством разработки систем устойчивого инновационного развития на базе разработок Международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова.

Abstract

In article the review of a current state of a problem of measurement, design and management of a sustainable development and growth of quality of life is given. The formalized principle of a sustainable development and system of natural-science indicators of a sustainable development on the basis of which the complex model of calculation of quality of life in the region is under construction are presented. Results of calculation of quality of life from a position of different conceptual approaches are presented. The task of increase of efficiency of design and management of a sustainable development and growth of quality of life by means of development of systems of sustainable innovative development on the basis of development to the International School of sciences of a sustainable development of P. G. Kuznetsov is set.

Ключевые слова: устойчивое развитие, качество жизни, система естественнонаучных показателей, проектирование и управление, модель качества жизни в регионе.

Keywords: sustainable development, quality of life, system of natural-science indicators, design and management, model of quality of life in the region.

Устойчивое развитие — главная научная проблема Человечества.
Академик М.М. Лаврентьев

Исходная позиция

Глобальный мир столкнулся с необходимостью перехода на устойчивый путь развития, обеспечивающий сохранение развития общества во взаимодействии с окружающей средой в долгосрочной перспективе и защиту от социальных, экономических, экологических кризисов в условиях негативных внутренних и внешних воздействий [1–3].

Странами мира активно разрабатываются стратегии выхода из кризисов, обеспечения безопас-

ности, ускоренного роста качества жизни населения и устойчивого социально-экономического развития общества, в основе которых лежат разнообразные измерители, индикаторы, индексы, параметры и рейтинги. Можно найти множество концептуальных подходов к определению измерителей устойчивого развития и качества жизни населения [1, 3, 14–16].

Качество жизни общества определяют как совокупность условий, созданных для дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей (исторические, географические, экономические, социальные, демографические условия). Качество жизни личности есть возможность использования этих условий для удовлетворения

своих потребностей. Отсюда качество жизни, как и принцип устойчивого развития, включает две группы понятий: потребность и возможность, необходимые для существования, т.е. для сохранения и развития [1, 2, 9, 15, 16, 18, 19].

Со времени одобрения принципа и концепции устойчивого развития прошло 28 лет. Опубликовано множество работ, посвященных проблеме устойчивого развития. Как правило, в этих работах рассматриваются различные аспекты устойчивого развития и качества жизни — политические, экологические, технологические, энергетические, экономические. Но нетрудно заметить главный недостаток большинства подобных публикаций: отсутствие измеряемой взаимосвязи различных аспектов устойчивого развития и, как следствие, невозможность надежно проектировать и управлять устойчивым развитием и ростом качества жизни [3, 5, 6, 9].

Как показал анализ отечественных и зарубежных работ, для интегральной оценки устойчивости развития, социального могущества, конкурентоспособности и качества жизни используются разнородные, не соразмерные показатели, с которыми нельзя осуществлять арифметические операции, в том числе и в ситуации, когда эти показатели нормированы и приведены к условно безразмерному виду, т.е. к условным долям, за которыми стоят те или иные физически разнородные величины.

Использование в социально-экономическом анализе разнородных, несоразмерных статистических показателей делает невозможным обобщать показатели без потери содержательного (социально-экономического) смысла, что отражается на обоснованности законопроектов, точности разрабатываемых нормативов, правильности решения управленческих задач, порождает ложные результаты (табл. 1).

Онтология проблемы

Сегодня проблемы измерения, проектирования и управления качеством жизни населения имеют стратегическое значение.

Ежегодно публикуются рейтинги стран в мире, субъектов – в стране, которые оказывают влияние на устойчивость их развития в окружающей социально-экономической среде.

Под эгидой ООН составлены рейтинги стран мира, в соответствии с которыми Россия на 2010 г. занимает [20]:

- 51 место по мировой конкурентоспособности страны;
- 67 место по качеству жизни (в методологии ООН);
- 135 место по продолжительности жизни мужчин;
- 92 место по продолжительности жизни женщин;
- 108 место по рейтингу самых счастливых стран;
- 1 место в мире по разведанным запасам серебра;
- 2 место в мире по разведанным запасам золота;
- 1 место в мире по абсолютной величине убыли населения (см. рис. 1 (а–д), 2 (а–г)).

Рейтинг субъектов Российской Федерации по качеству жизни рассчитывается, например, агентством «РИА Рейтинг» [12] по 61 показателю, которые объединены в 10 групп, характеризующих аспекты качества жизни в регионе: уровень доходов населения, жилищные условия населения, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, экологические и климатические условия, безопасность проживания, демографическая ситуация, здоровье населения и уровень образования, транспортная инфраструктура и уровень освоенности территории, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса. Далее позиции субъектов в итоговом рейтинге определяются на

Таблица 1

Результаты анализа некоторых методик (подходов) измерения устойчивого развития и качества жизни

Наименование	Достоинства	Недостатки
Статистический	Возможность сопоставления статистических данных исследуемого объекта с данными других регионов, стран, субъектов	Огромное количество статистических показателей, отражающих тот или иной аспект, при этом отсутствует система показателей, обеспечивающая полноту исследования динамики роста качества жизни и устойчивого развития
Субъективный	Возможность безразмерных оценок и построения рейтингов	Учитывает множество аспектов и факторов, определяемых как наиболее существенные для населения, однако оценки субъективны и могут давать искаженные представления о действительности в зависимости от выборки
Использование измеримых величин с инвариантом «мощность»	Система естественнонаучных показателей, представляющих систему взаимосвязанных мер, построенных на инварианте закона сохранения мощности в системе «производство — потребление»	Отсутствие подготовленных кадров, методик и стандартов сбора информации, а также автоматизированных систем расчета

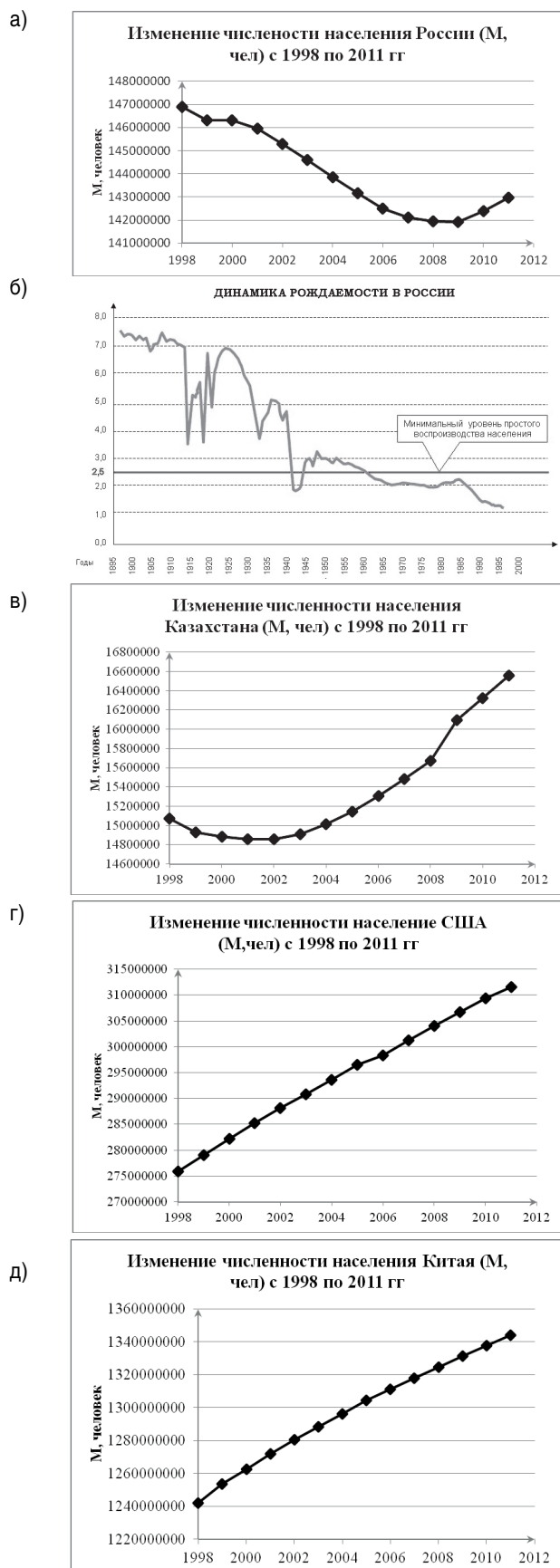

Рис. 1 (а–д). Изменение численности населения (Россия, Казахстан, США, Китай, 1998–2011 гг.)

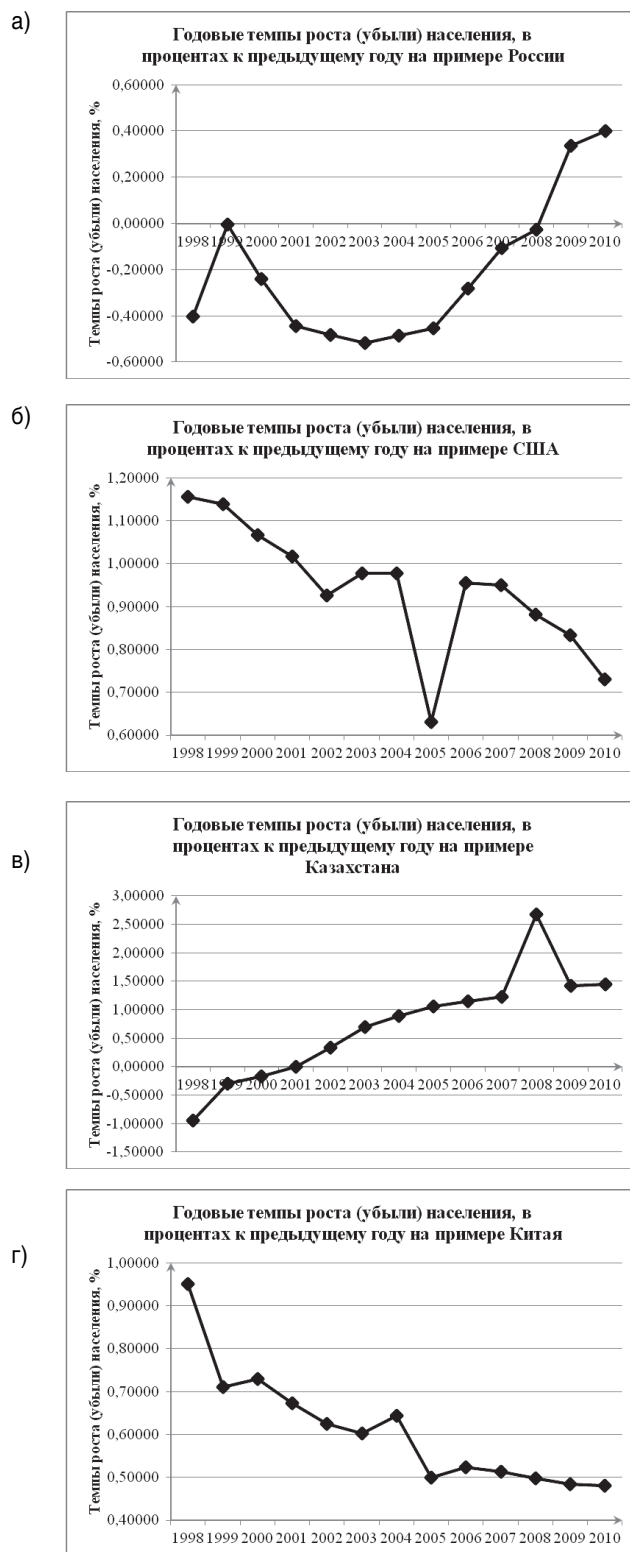

Рис. 2 (а–г). Годовые темпы роста (убыли) населения, в процентах к предыдущему году (Россия, США, Казахстан, Китай, 1998–2010 гг.)

основании интегрального рейтингового балла, который рассчитывается путем агрегирования рейтинговых баллов по всем анализируемым группам показателей.

По данным «РИА Рейтинг» на 2013 г., лидерами по качеству жизни стали: г. Москва (1 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 74,17), г. Санкт-Петербург (2 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 70,94), Московская область (3 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 60,45), Республика Татарстан (4 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 59,18), Краснодарский край (5 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 57,59); в то время как последние места заняли следующие субъекты страны: Республика Алтай (80 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 28,21), Республика Калмыкия (81 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 25,84), Республика Тыва (82 место в рейтинге, интегральный рейтинговый балл — 19,1).

В то же время, как показал проект «Индекс счастья», поддерживаемый Группой ВТБ, ощущение счастья — наибольшей внутренней удовлетворенности — ключевой момент качества жизни человека. По данным проекта, рейтинг счастливых городов России на 2013 г. включает: Казань (1 место); Вологда (2 место); Нижний Новгород (3 место); Зеленодольск (4 место); Елабуга (5 место); Красноярск (6 место); Абакан (7 место); Арзамас (8 место); Набережные Челны (9 место); Череповец (10 место). В проекте анализируются мнения более 100 тыс. человек, открытые данные из социальных сетей и новостных порталов, на основании которых вычисляются средний уровень счастья по стране [10–12].

Гносеология проблемы

Проведенный анализ измерителей, индикаторов, индексов, параметров и рейтингов устойчивого развития и качества жизни позволил все измерители подразделить на несколько классов [1, 5, 6, 9, 17]:

- безразмерные оценки (проценты, доли, баллы). Безразмерность этих оценок является условной, в них используются либо разнородные величины, либо искусственно введенные шкалы, не дающие возможность измерять реальные процессы, протекающие в природе и обществе;

- стоимостные (денежные) оценки, неустойчивые измерители, тесно связанные с экономическим принципом монетарного учета изменений в окружающей среде;
- оценки в натуральных единицах (гектары, тонны). Не обеспечивают возможность использования множества разнородных натуральных единиц измерения для интегральной оценки состояния системы в целом. Может существовать столько измерителей, сколько существует наименований товаров;
- универсальные устойчивые измерители. Измеритель является универсальным, если выражен в терминах пространственно-временных величин. Измеритель является устойчивым, если он является инвариантом в выделенном классе систем.

Нетрудно убедиться, что категория «качество жизни» может включать от нескольких до десятков показателей, при этом в большинстве работ и методик нет гарантии необходимости и достаточности выбранных параметров, что увеличивает риски и снижает обоснованность принимаемых решений.

Базовая модель

В работах Международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова [1–7, 9] показано, что если отсутствует единый законный фундамент, то ни количество учитываемых параметров, ни тщательный отбор экспертов, ни сложность математических формул не могут обеспечить объективной оценки качества жизни и возможностей субъекта в ускорении социального развития.

Для устранения выявленных недостатков Научной школой устойчивого развития сформулированы требования к социально-экономическим показателям, необходимым для эффективного проектирования и управления устойчивым инновационным развитием:

- Требование 1: в проектировании устойчивого развития должны использоваться измеримые величины, приведенные к единой мере (единице измерения) для систем, открытых на входе и выходе по потокам энергии (мощности);
- Требование 2: проектирование устойчивого развития должно осуществляться в соответствии с законом сохранения мощности и принципом (критерием) устойчивого развития, выраженным в терминах измеримых величин.

Формализованный принцип (критерий) устойчивого развития (П.Г. Кузнецов, О.Л. Кузнецов, Б.Е. Большаков) [1, 5, 9] — это утверждение о том, что развитие сохраняется в долгосрочной перспективе, если выполняются условия:

$$\begin{cases} \dot{P} \cdot T = \dot{P}_0 \cdot \tau + \ddot{P} \cdot \tau^2 + \dddot{P} \cdot \tau^3 > 0, \\ \dot{\phi} \cdot T = \dot{\phi}_0 \cdot \tau + \ddot{\phi} \cdot \tau^2 + \dddot{\phi} \cdot \tau^3 > 0, \\ \dot{G} \cdot T = \dot{G}_0 \cdot \tau + \ddot{G} \cdot \tau^2 + \dddot{G} \cdot \tau^3 < 0 \quad (\text{инверсное определение}), \\ \dot{N} \cdot T = \text{const}, \end{cases} \quad (1)$$

где τ — шаг масштабирования; T — фиксированный период устойчивого развития, $\tau < T \leq \tau \cdot 3$; $N(t)$ — полная мощность системы; $P(t)$ — активная (полезная) мощность системы; $G(t)$ — потери мощности системы; $\phi(t)$ — эффективность использования полной мощности (ресурсов).

В работах Научной школы устойчивого развития [1–7, 9] показано, что любая социально-экономическая система (страна, регион, предприятие) не может существовать без взаимодействия с окружающей ее природной средой и объединяет в себе два сопряженных процесса: активный поток воздействий на окружающую среду, определяющий возможности (мощности) системы, и использование обществом потока ресурсов, полученного в результате этого воздействия, для удовлетворения материальных и нематериальных (духовных) потребностей. Показано, что нельзя произвести

ни одного продукта, товара, услуги, не затратив при этом времени и потока энергии, т.е. мощности.

Величина «мощность» является инвариантом в классе открытых для потоков энергии систем и мерой возможностей социально-экономической системы действовать во времени. В процессе взаимодействия с окружающей природной средой общество под воздействием доли произведенного потока превратимой энергии ($\alpha_1 P$) через некоторое время (τ_{II}) получает в свое распоряжение потребляемый поток ресурсов (N), который через время τ_0 с определенной эффективностью (ϕ) используется обществом для удовлетворения потребностей (рис. 3).

Величина находящейся в распоряжении общества мощности является мерой возможностей системы оказывать воздействие на окружающую среду. Потребность — это требуемые возможности (мощности) системы, которые в данное время отсутствуют, но которые необходимо иметь для сохранения развития в будущем. Проблема — это разность между необходимыми и имеющимися мощностями системы.

Выделяют следующие типы возможностей (мощности) социально-экономической системы [1, 5, 9]:

- потенциальная возможность;
- реальная или технологическая возможность;
- реализованная или экономическая возможность;
- упущенная возможность (потери);
- интегральная возможность.

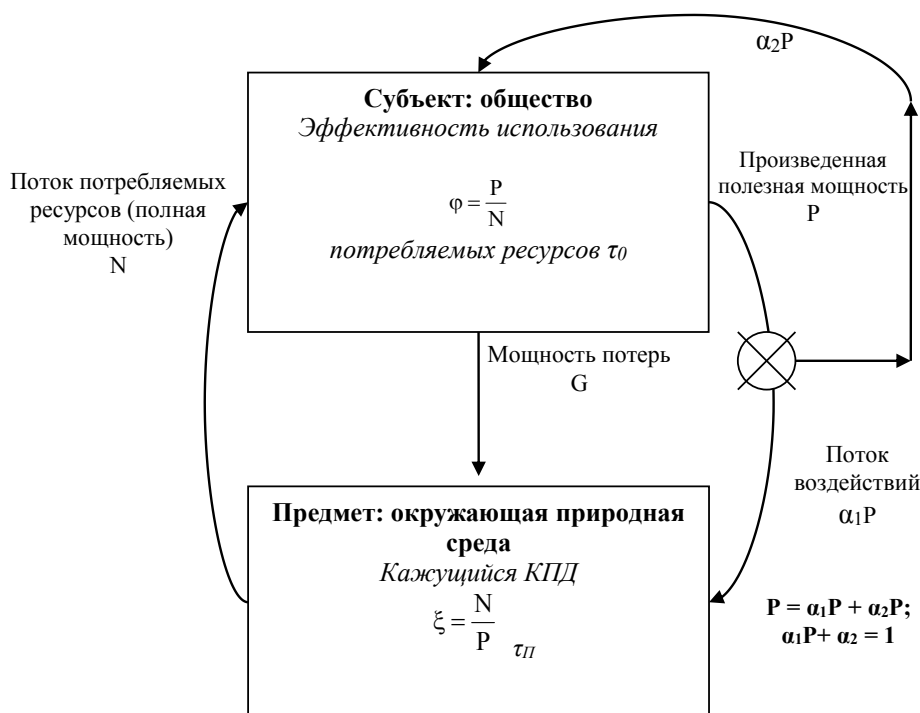

Рис. 3. Минимальная модель «производство — потребление» социально-экономической системы на макроуровне (С.А. Подолинский)

В соответствии с выделенными типами возможностей построим систему естественнонаучных показателей регионального развития.

Система естественнонаучных показателей устойчивого развития

1. Потенциальная возможность (N) — суммарное потребление за определенное время t (год, квартал, месяц и т.д.) всех видов продуктов питания, топлива, электроэнергии (Ni), выраженных в единицах мощности (Вт, кВт, МВт, ГВт):

$$N(t) = \sum_{i=1}^{n=3} N_i(t) \tag{2}$$

где N(t) — суммарное потребление ресурсов в единицах мощности; N1(t) — потребление продуктов питания в единицах мощности; N2(t) — потребление топлива в единицах мощности; N3(t) — потребление электроэнергии в единицах мощности.

2. Реальная возможность (P) — это совокупный произведенный продукт за время t, который определяется прямым суммированием произведений потребляемых за время t ресурсов (Ni), выраженных в единицах мощности, на коэффициент совершенства технологий (ηi):

$$P(t) = \sum_{i=1}^{n=3} N_i(t) \cdot \eta_i(t), \tag{3}$$

Коэффициент совершенства технологий (ηi) — это отношение теоретического минимума затрат мощности к ее фактическому расходу на изготовление единицы i-го продукта за время t. В среднем по миру коэффициент совершенства технологий в производстве топлива и электроэнергии (для машин и технологических процессов), а также продуктов питания (для растений и животных) на начальное время t0 равен [3]¹:

- для продуктов питания: η1(t0) = 0,05;
- для топлива: η2(t0) = 0,25;
- для электроэнергии: η3(t0) = 0,8.

Отношение реальной возможности к потенциальной возможности характеризует обобщенный коэффициент совершенства используемых в регионе технологий:

$$\eta(t) = P(t) / N(t). \tag{4}$$

3. Реализованная или экономическая возможность (P̂) — это совокупный конечный (произве-

денный и реализованный) продукт за время t, который определяется произведением реальной (технологической) возможности в единицах мощности (P) на качество планирования (ε):

$$\hat{P}(t) = P(t) \cdot \varepsilon(t), \tag{5}$$

где $\varepsilon(t) = \begin{cases} 1 - \text{есть потребитель;} \\ 0 - \text{нет потребителя.} \end{cases}$

Качество планирования (ε) — это доля произведенной продукции (P) за время t, обеспеченная потребителем.

Отношение реализованной возможности к потенциальной возможности определяет эффективность использования ресурсов (φ):

$$\varphi(t) = \hat{P}(t) / N(t). \tag{6}$$

4. Упущенная возможность (G) — это потери мощности, которые определяются разностью между потенциальной и реальной возможностями:

$$G(t) = N(t) - P(t). \tag{7}$$

5. Интегральная возможность (QL) — это социально-экономико-экологическая возможность регионального объекта, которая характеризует качество жизни населения в регионе (QL) и определяется как прямое произведение основных социальных, экономических и экологических показателей:

$$QL(t) = T_A(t) \cdot U(t) \cdot q(t), \tag{8}$$

где $T_A(t) = \frac{T_{cp}(t)}{100 \text{ лет}}$ — средняя нормированная продолжительность жизни в регионе; T_{cp} — средняя продолжительность жизни (лет); $U(t) = \hat{P}(t) / M(t)$ — совокупный уровень жизни; M — численность населения; $q(t) = \frac{G(t - \tau_0)}{G(t)}$ — качество окружающей природной среды.

Моделирование и анализ показателей качества жизни в регионе

Динамика показателей устойчивого развития и качества жизни на примере России представлена на рис. 4 (a–e) [7].

Таким образом, комплексная модель расчета качества жизни в регионе представляет собой инвариантную свертку социальных, экономических и экологических показателей развития общества, а для ее декомпозиции на различные группы населения и сферы жизнеобеспечения строится

¹ См., например: Беш Г. География мирового хозяйства; Кузнецов П.Г. Возможности энергетического анализа основ организации общественного производства; доклад Статистической Комиссии ООН E/C3/452: 18 сессия от 14.07.1974 г.; и др.

а)

б)

в)

г)

д)

е)

Рис. 4 (а–е). Динамика показателей качества жизни на примере России (1998–2011 гг.)

система моделей качества жизни как проекции в частные системы координат² (рис. 5) [5].

² Для расчета качества жизни социальных групп определяются показатели: численность населения и продолжительность жизни; доля в совокупном конечном продукте и суммарном потреблении энергоресурсов проектируемого регионального объекта (региона). В приведенном примере доля в совокупном конечном продукте и суммарном потреблении энергоресурсов определялась отношением численности социальной группы к общей численности населения.

В качестве примера представлен расчет качества жизни для мужского и женского населения России в соответствии с прогнозом продолжительности жизни и численности выделенной группы населения [10, 11] (табл. 2).

Пример прогноза и декомпозиции региональной модели качества жизни в системы жизнеобеспечения [4] представлен на рис. 6.

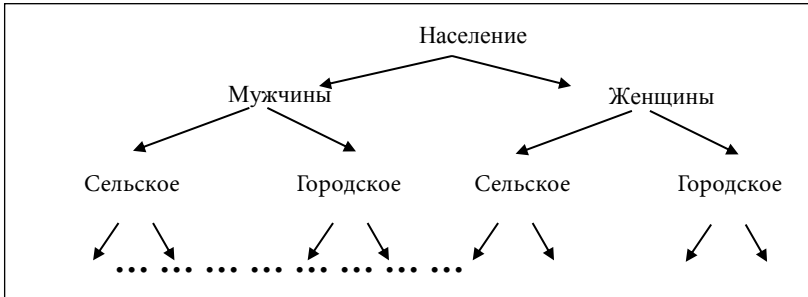

Рис. 5. Классификация возможных групп населения

Таблица 2

Прогноз качества жизни на примере России: мужское и женское население

Год	Нормированная средняя продолжительность жизни $T_A = \frac{T_{cp}}{100 \text{ лет}}$, безразмерные единицы	Совокупный уровень жизни $U = \frac{P}{M}$, кВт/человек	Качество окружающей среды $q = \frac{G(t-\tau)}{G(t)}$, безразмерные единицы	Качество жизни $QL = T_A \cdot U \cdot q$, кВт/человек
Мужчины				
2015	0,631	2,43	0,991	1,52
2017	0,634	3,55	0,991	2,71
2020	0,636	3,7	0,991	2,33
Женщины				
2015	0,75	2,43	0,991	1,81
2017	0,752	3,55	0,991	3,2
2020	0,752	3,7	0,991	2,75

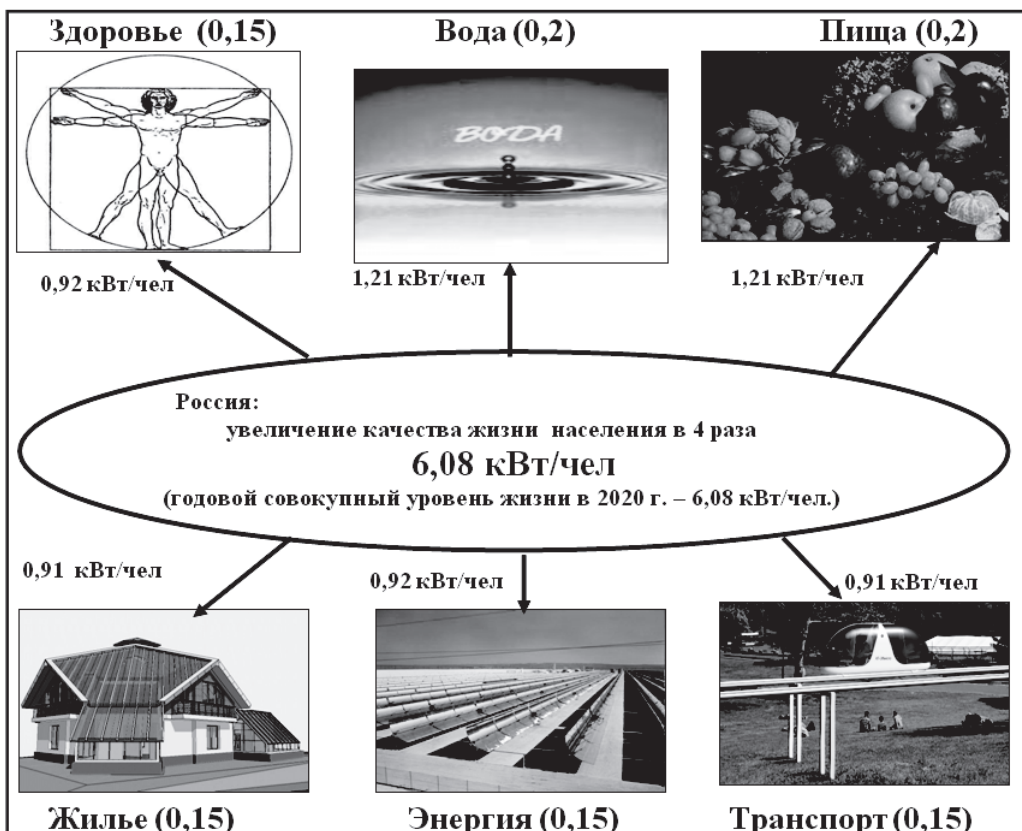

Рис. 6. Декомпозиция качества жизни на примере России

Анализ модели качества жизни показал, что изменение качества жизни зависит от показателей:

- эффективность использования природных энергоресурсов – $\varphi(t)$;
- суммарное потребление природных энергоресурсов – $N(t)$;
- совокупный конечный продукт – $\hat{P}(t)$;
- совокупный уровень жизни – $U(t)$;
- численность и продолжительность жизни населения.

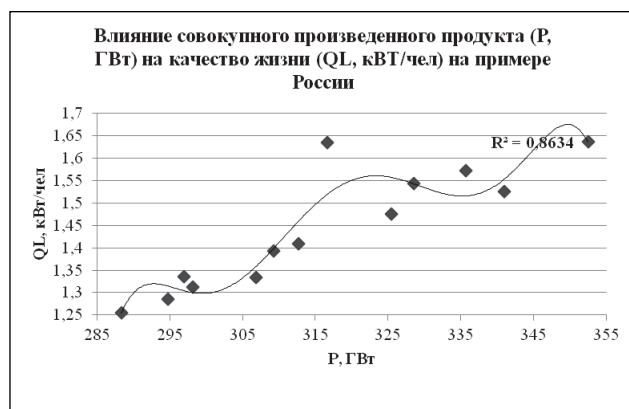
Результаты моделирования влияния показателей регионального развития на качество жизни населения на примере России представлены на рис. 7 (а–г).

Результаты построения комплексной модели расчета качества жизни населения в регионе на основе формализованного принципа устойчивого развития и система естественнонаучных показателей на примере рейтинга России в мире и регионов России по качеству жизни представлены в табл. 3 и 4.

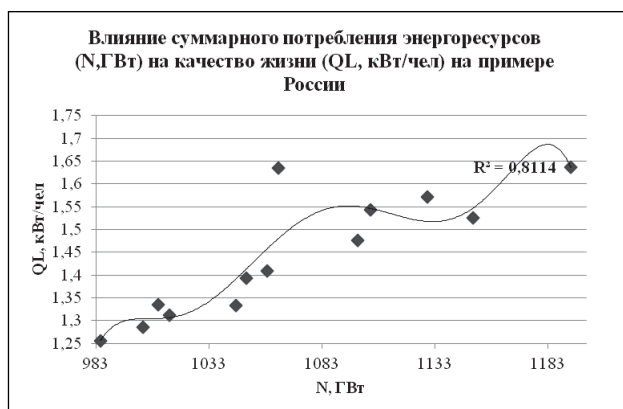
Заключение

Анализ современного состояния проблемы показал, что все основные социальные и экономические показатели устойчивого развития и качества жизни региональных объектов взаимосвязаны и поддаются формализованному описанию с использованием измеримых величин. Показатели качества жизни имеют общую основу и являются проекцией инварианта мощности в частную систему координат (социальную, экономическую, экологическую).

Существуют параметры, которые принципиально не должны выражаться в субъективных и (или) денежных единицах, так как приводят к потере социально-экономического смысла, что отражается на точности разрабатываемых рейтингов и стандартов, правильности решения управленческих задач, порождает ложные результаты. К их числу относятся показатели качества жизни населения страны.

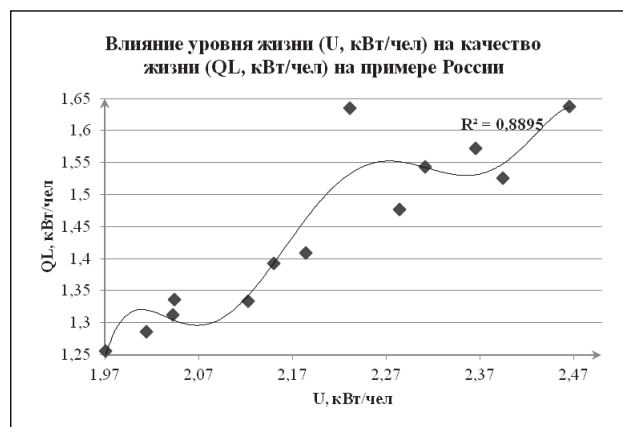
а)

б)

в)

г)

Рис. 7 (а–г). Результаты моделирования влияния показателей регионального развития на качество жизни на примере России

Таблица 3

Комплексная модель расчета качества жизни населения в регионе, 2005 и 2013 г.

2005 г.			2013 г.		
Место	Место	Значение, кВт/человек	Место	Страна	Значение, кВт/человек
1	Исландия	5,456	1	Исландия	6,754
2	ОАЭ	3,947	2	Люксембург	5,658
...			...		
24	Швейцария	1,682	24	Словения	2,228
25	Оман	1,662	25	Эстония	2,198
26	Чехия	1,639	26	Саудовская Аравия	2,131
27	Дания	1,584	27	Франция	2,021
28	Великобритания	1,568	28	Германия	1,992
29	Ирландия	1,508	29	Оман	1,991
30	Словения	1,481	30	Словакия	1,967
31	Кипр	1,460	31	Япония	1,926
32	Россия	1,393	32	Россия	1,52
33	Израиль	1,377	33	Испания	1,779
34	Испания	1,368	34	Гонг Конг	1,753
...			...		
45	Венгрия	0,945	45	Венгрия	1,427
46	Туркменистан	0,937	46	Италия	1,406
47	Казахстан	0,921	47	Мальта	1,384
48	Польша	0,894	48	Литва	1,344
49	Литва	0,890	49	Беларусь	1,282
50	Беларусь	0,852	50	Хорватия	1,148

Таблица 4

Рейтинг регионов России по качеству жизни, 2013 г.

	Значение качества жизни (кВт/человек) на 2011 г.	Значение качества жизни (кВт/человек) на 2013 г.	Место в рейтинге 2013 г.
Российская Федерация	1,4228	1,5189	—
Уральский федеральный округ	2,2652	2,5016	1
Центральный федеральный округ	1,8874	1,8806	2
Дальневосточный федеральный округ	1,0753	1,8054	3
Северо-Западный федеральный округ	1,6249	1,7172	4
Южный федеральный округ	1,2731	1,3323	5
Приволжский федеральный округ	1,0111	1,1350	6
Северо-Кавказский федеральный округ	0,5007	0,5523	7

Проведенный анализ закономерностей, принципов, критериев устойчивого развития и качества жизни позволил рассмотреть и развить методики и стандарты расчета качества жизни населения на основе формализованного принципа устойчивого развития и системы естественнонаучных показателей, поставить задачу повышения эффективности

проектирования и управления устойчивым развитием и ростом качества жизни населения посредством разработки систем устойчивого инновационного развития. Разработка таких методов, систем и технологий на основе инварианта закона сохранения мощности ведется в Международной научной школе устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова.

Список литературы

1. *Большаков Б.Е.* Наука устойчивого развития. Кн. I. Введение. М.: РАЕН, 2011. 256 с.
2. *Большаков Б.Е., Кузнецов О.Л.* Инженерия устойчивого развития. М.: РАЕН, 2012. 507 с.
3. *Большаков Б.Е., Сальников В.Г.* Проблема соизмерения безопасности и устойчивого развития на основе общих законов природы: идолы и идеалы // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2012. Т. 8. Вып. № 1(14). С. 20–66. URL: <http://gypravlenie.ru/>
4. *Большаков Б.Е., Шамаева Е.Ф.* Возможности и перспективы реализации базы новаций и инноваций в области жизнеобеспечения и устойчивого инновационного развития // Электронное научное издание «Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление». 2013. № 3(20). С. 1–15.
5. *Большаков Б.Е., Шамаева Е.Ф.* Мониторинг и оценка новаций: формализация задач в проектировании регионального устойчивого инновационного развития. Palmarium Academic Publishing (Германия), 2012. 216 с.
6. *Большаков Б.Е., Шамаева Е.Ф.* Создание математических моделей для интегральной оценки национальной устойчивости и общественных возможностей с использованием временных значений // Международный академический журнал РАЕН. М.: ЮРКОМПАНИ. ISSN: 2310-3302. 2013. № 4. С. 80–91.
7. *Большаков Б.Е., Шамаева Е.Ф., Григорьева К.В., Савельев С.А.* Параметры моделирования устойчивого инновационного развития стран мира, России и ее регионов (свидетельство о государственной регистрации базы данных Федеральной службы РФ по интеллектуальной собственности от 22.05.2014 г., № 2014621256 от 09.10.2014 г.).
8. *Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО МИД России, 2008. 352 с.
9. *Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е.* Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе «природа — общество — человек»: учебное пособие. СПб.: Гуманистика, 2002. 616 с.
10. Регионы России: социально-экономические показатели 2002–2010: статистический сборник / под ред. А.Л. Кевеша. М.: Росстат, 2010.
11. Регионы России: статистический сборник / под ред. В.И. Галицкого. М.: Госкомстат России, 2001.
12. РИА «Рейтинг» [Электронный ресурс], режим доступа: <http://giarating.ru/>, свободный.
13. *Сальников В.Г., Шамаева Е.Ф.* Электронный атлас энергоэкологических показателей устойчивого развития стран Евразийского пространства // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2012. Вып. № 1(8). С. 20–49/ Электронное научное издание (журнал). URL: <http://yrazvitie.ru/?p=1046>
14. *Слажнева Т.И., Брагин А.Г., Большаков Б.Е.* и др. Показатели и индикаторы устойчивого развития РК. Навстречу Третьему Всемирному Саммиту по устойчивому развитию. Астана: ЦОЗиЭП, 2011. 294 с.
15. Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies. Second edition. United Nations, 2001. 320 p.

References

1. Bol'shakov B.E. *Nauka ustoychivogo razvitiya*. Kniga I. Vvedenie [Science for sustainable development. Book I. Introduction]. Moscow, RAEN, 2011. 256 p.
2. Bol'shakov B.E., Kuznetsov O.L. *Inzheneriya ustoychivogo razvitiya* [Engineering sustainable development]. Moscow, RAEN Publ., 2012. 507 p.
3. Bol'shakov B.E., Sal'nikov V.G. Problema soizmereniya bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya na osnove obshchikh zakonov prirody: idoly i idealy [The problem of comparing security and sustainable development on the basis of general laws of nature: idols and ideals of sustainable]. *Ustoychivoe innovatsionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie* [sustainable innovative development: the design and management]. 2012, V. 8, I. 1(14), pp. 20–66. Available at: <http://gypravlenie.ru/>.
4. Bol'shakov B.E., Shamaeva E.F. Vozmozhnosti i perspektivy realizatsii bazy novatsiy i innovatsiy v oblasti zhizneobespecheniya i ustoychivogo innovatsionnogo razvitiya [The possibilities and perspectives of the base of innovations and innovations in the field of sustainable livelihoods and innovative development]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie «Ustoychivoe innovatsionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie»* [Electronic scientific editions of «sustainable innovation development: design and management.».]. 2013, I. 3(20), pp. 1–15.
5. Bol'shakov B.E., Shamaeva E.F. *Monitoring i otsenka novatsiy: formalizatsiya zadach v proektirovanii regional'nogo ustoychivogo innovatsionnogo razvitiya* [Monitoring and evaluation of innovations: the formalization of problems in the design of sustainable regional innovation]. Palmarium Academic Publishing (Germaniya), 2012. 216 p.
6. Bol'shakov B.E., Shamaeva E.F. Sozdanie matematicheskikh modeley dlya integral'noy otsenki natsional'noy ustoychivosti i obshchestvennykh vozmozhnostey s ispol'zovaniem vremennykh znacheniy [Creation of mathematical models for the integrated assessment of national stability and social opportunities with temporary values]. *Mezhdunarodnyy akademicheskiy zhurnal RAEN* [International Academic Journal of Natural Sciences]. Moscow, Izdatel'stvo YuRKOMPANI Publ., 2013, I. 4, pp. 80–91.
7. Bol'shakov B.E., Shamaeva E.F., Grigor'eva K.V., Savel'ev S.A. *Parametry modelirovaniya ustoychivogo innovatsionnogo razvitiya stran mira, Rossii i ee regionov (svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh Federal'noy sluzhby RF po intellektual'noy sobstvennosti ot 22.05.2014 g., № 2014621256 ot 09.10.2014 g.)*. [Simulation parameters of sustainable innovative development countries, Russia and its regions (certificate of state registration databases of the Federal Service for Intellectual Property from 22.05.2014, the number 2014621256 from 09.10.2014 city).]
8. Kapitsa L.M. *Indikatory mirovogo razvitiya* [Development Indicators]. Moscow, MGIMO MID Rossii Publ., 2008. 352 p.
9. Kuznetsov O.L., Bol'shakov B.E. *Ustoychivoe razvitie: nauchnye osnovy proektirovaniya v sisteme «priroda-obshchestvo-chelovek»* [Sustainable development: the scientific basis of the design in the «nature-society-man»]. St. Petersburg, Gumanistika, 2002. 616 p.
10. Kevsha A.L. *Regiony Rossii: Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli 2002–2010* [Socio-economic indicators in 2002 - 2010]. Moscow, Rosstat Publ., 2010.

16. Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies. Third edition. New York: United Nations, 2007. 93 p.
17. Kuznetsov O.L., Bolshakov B.E. Russian Cosmism, Global Crisis, Sustainable Development // Устойчивое развитие: наука и практика: 2013. Вып. № 1 (13). [Электронный ресурс], URL: www.yrazvitie.ru/?p=1169, свободный.
18. Kuznetsov O.L., Bolshakov B.E. Sustainable development: natural and scientific principles. St. Petersburg — Moscow — Dubna, 2002. 639 p.
19. Kuznetsov O.L., Bolshakov B.E. Sustainable development: natural and scientific principles. Summary. Dubna, 2002. 40 p.
20. Статистика ООН [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/progareas/statistics.shtml>, свободный.
11. Galitskiy V.I. *Regiony Rossii* [Regions of Russia]. Moscow, Goskomstat Rossii Publ., 2001.
12. RIA «Reyting» [RIA «Rating»], Available at: <http://riarating.ru/>, svobodnyy.
13. Sal'nikov V.G., Shamaeva E.F. *Elektronnyy atlas energoekologicheskikh pokazateley ustoychivogo razvitiya stran Evraziyskogo prostranstva* [Electronic atlas of energy and ecological indicators of sustainable development in the Eurasian space]. *Mezhdunarodnyy elektronnyy zhurnal. Ustoychivoe razvitie: nauka i praktika* [International e-magazine. Sustainable Development: Science and Practice]. 2012, I. 1(8), pp. 20-49. Available at: <http://yrazvitie.ru/?p=1046>
14. Slazhneva T.I., Bragin A.G., Bol'shakov B.E. *Pokazateli i indikatory ustoychivogo razvitiya RK. Navstrechu Tret'emu Vsemirnomu Sammitu po ustoychivomu razvitiyu* [indicators for sustainable development of the Republic of Kazakhstan. Towards the Third World Summit on Sustainable Development.]. Astana, TsOZiEP Publ., 2011. 294 p.
15. *Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies*. Second edition. - United Nations, 2001. — 320 p.
16. *Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies*. Third edition. — New York: United Nations, 2007. — 93 p.
17. Kuznetsov O.L., Bolshakov B.E. Russian Cosmism, Global Crisis, Sustainable Development. *Ustoychivoe razvitie: nauka i praktika* [Sustainable Development: Science and Practice]. 2012, I. 1 (13), Available at: www.yrazvitie.ru/?p=1169
18. Kuznetsov O.L., Bolshakov B.E. *Sustainable development: natural and scientific principles*. — St. Petersburg — Moscow — Dubna, 2002 — 639 p.
19. Kuznetsov O.L., Bolshakov B.E. *Sustainable development: natural and scientific principles*. Summary. — Dubna, 2002 — 40 p.
20. *Statistika OON* [UN statistics]. Available at: <http://www.un.org/ru/development/progareas/statistics.shtml>

Критический анализ теорий экономических циклов

Critical Analysis of Theories of Economic Cycles

Получено 25.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 330.88

DOI: 10.12737/13555

ИВАНОВ В.В.

профессор департамента финансов, канд. экон. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26
E-mail: vic_ivanov@mail.ru

ИВАНОВА А.В.

студентка Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36
E-mail: vic_ivanov@mail.ru

IVANOV V.V.

Professor, Department of Economics, Ph.D. in Economics, National Research University «Higher School of Economics» 26, Shabolovka Str., Moscow, 119049, Russia
E-mail: vic_ivanov@mail.ru

IVANOVA A.V.

Student, Plekhanov Russian University of Economics 36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russia
E-mail: vic_ivanov@mail.ru

Аннотация

Актуальность. Значительную проблему социально-экономического развития общества представляют собой кризисы, оказывающие значительное негативное влияние на рынок трудовых отношений. При этом природа возникновения и развития кризисов изучена слабо.

Имеющиеся в настоящее время исследования показывают, что, по крайней мере, часть кризисов возникает вследствие развития циклических процессов.

Поэтому рассмотрение природы возможной цикличности развития, особенностей возникновения кризисов, прежде всего в настоящее время, позволят формировать более точные модели прогнозов развития как экономики в целом, так и рынка труда в частности.

Объект. Социально-экономические процессы общества.

Предмет. Изучение природы и особенностей цикличности социально-экономического развития общества с 1800 г. по настоящее время, с учетом текущих прогнозов.

Цель. Пересмотреть сложившиеся к настоящему времени подходы к оценке природы и особенностей развития экономических циклов и выявить особенности, которые позволяют сформировать на основе полученных результатов эффективные механизмы преодоления кризисов и учета их параметров в рамках оценки уровня жизни и параметров труда и трудовых отношений.

Результаты: Выявлена принципиальная схема возникновения циклов в рамках социально-экономических процессов общества, определены факторы, позволяющие существенно повысить прогнозирование кризисных проявлений в экономике, и тесная взаимосвязь между различными видами экономических циклов.

Ключевые слова: экономический цикл, кризис, солнечная активность, уровень жизни.

Abstract

Relevance. Crises represent the considerable problem of socio-economic development of society because they have a strong negative impact on the market of employment relationships. Thus, the nature of origin and development of crises are studied poorly. The researches that are available now show that, on extremely measure, part of crises arise in a consequence of development of cyclic processes. Therefore, consideration of the nature of possible recurrence of development, features of emergence of crises will allow to create now more exact models of forecasts of development as economies in general, and the labor market in particular.

Object. Socio-economic processes of society.

Subject of Study. Studying of the nature and features of recurrence of social and economic development of society with 1800 to the present and taking into account the current forecasts.

The Aim. To review the approaches to an assessment of the nature and features of development of economic cycles, which consisted so far, and to reveal features that will allow to create on the received results effective mechanisms of overcoming of crises and accounting of their parameters within an assessment of standard of living and parameters of work and employment relationships.

Result. The schematic diagram of emergence of cycles within socio-economic processes of society is revealed, the factors allowing increasing significantly forecasting of crisis manifestations in economy are determined, the close interrelation between different types of economic cycles is determined.

Keywords: economic cycle, crisis, solar activity, standard of living.

Введение

Уровень жизни населения — комплексная категория. На ее формирование оказывает влияние множество факторов, не последнее место среди которых занимает динамика экономического развития.

При этом в практике государственного планирования, а также формирования прогнозов показателей уровня жизни, как правило, не учитывается такое явление, как цикличность социального и экономического развития. Достаточно, например, рассмотреть программу развития России до 2020 г.

[16] или планы формирования бюджета страны. Все они подразумевают лишь последовательный рост основных показателей. Но не прошло и нескольких лет с момента их принятия, как ситуация в экономике существенно изменилась — Россия столкнулась с различными проявлениями «незапланированных» кризисов. Подобное случалось и ранее, причем с завидной регулярностью. В чем причина таких расхождений?

Ответ прост. Хотя сегодня уже невозможно отрицать наличие и важность такого явления, как кризис, подавляющее большинство исследователей не склонны видеть в них закономерности, а, следовательно, и учитывать их соответствующим образом в результатах своих работ.

Вместе с тем недоучет возможных циклических явлений, тем более таких значимых, как экономические кризисы, создает существенную угрозу развитию страны и нивелирует значимость текущих систем прогнозирования.

Научная проработка данной темы ведется давно, но даже сторонники наличия в социально-экономических процессах циклов или иных закономерностей повторения кризисов до сих пор формируют противоречивые теории. Поэтому мнения, высказанные практически два столетия тому назад (исследователи Сисмонди, Джейвонс, Жуглар, Маркс, Шумпетер, Меттьюз и др.), среди которых заслуживают внимания мнения и представителей России (Туган-Барановский, Гумилев, Кондратьев, Чижевский, Сорокин, Глазьев и др.), требуют критического анализа с учетом последних открытий в разных отраслях человеческого знания — от физики и биологии до социальных и экономических наук [1–3, 10–13, 15, 17].

Проведенное авторами подобного рода исследование показало, что данный взгляд на природу социально-экономической циклическости позволяет осмыслить это явление совершенно с других позиций, что дает возможность в дальнейшем как уточнить методологию прогнозов по развитию уровня жизни населения, так и усовершенствовать, сделать более стабильной систему государственного и корпоративного планирования.

Кроме того, учет факторов и природы циклического развития позволит оптимизировать усилия государства в целом и регионов по реализации указов Президента России в части повышения качества жизни населения, которые играют одну из центральных ролей в развитии современной России.

В рамках основных выводов авторов следует отметить наличие принципиально нового видения циклической природы социально-экономических процессов общества. В частности, большинство альтернативных, как это принято считать (напри-

мер, относимых к эндогенным и экзогенным моделям), причин циклическости на самом деле являются частью единого подхода, отражая, фактически, лишь его разные аспекты. При этом отдельные процессы, имеющие выраженную циклическую природу (смена технологических укладов, циклы капитального строительства и ряд других), и процессы, в данных по которым отмечаются последовательные повторения (например, промышленный цикл), «нормируются» во времени в соответствии с доминирующим внешним природным процессом — активностью солнца и особенностью его движения. Иными словами, даты значительной части кризисов неслучайны и определяются значимым периодическим природным явлением, но степень развития основных причин накопленных дисбалансов может быть разной и лишь отчасти определять «график» кризисов, хотя именно эти причины могут реально формировать природу самого рассматриваемого процесса. Именно поэтому так долго разные научные школы, имея в целом правильные наблюдения природы циклическости социально-экономических процессов, но осуществленные с разных сторон изучаемых процессов, не могут прийти к видению общей картины и получить модель, наиболее полно отражающую наблюдаемые явления.

По нашему мнению, природа одновременно закладывает в социально-экономическое развитие несколько «ритмов» — циклических и псевдоциклических изменений, имеющих разный шаг цикла, но тесно связанных между собой (в частности, связанность циклов Китчена, Жугляра, Кузнеца, Кондратьева, а также ряда циклов с более продолжительным периодом, вероятно, которые имеют высокую корреляцию с числами Фибоначчи, т.е. около 89 лет, 144 лет и т.д.), а высокая прогнозная сила характеристик солнечной активности дает возможность учитывать их в различных моделях оценки уровня жизни.

Анализ сущности экономических циклов

Понятие экономического цикла складывалось на протяжении длительного времени, в рамках исследований разных сторон и периодов экономической деятельности на протяжении XIX–XX вв. [Мэддисон, 2012, 13]. По нашему мнению, теории экономических циклов, при содержательной спорности до настоящего момента, имеют одну из ключевых ролей в формировании современной экономической теории и описании сложившейся экономической картины мира.

Столь важное место, при отсутствии полной ясности, возможно по одной причине — явление,

лежащее в основе появления циклов, сегодня в значительной мере предопределяет как настоящее мировой экономики, так и ее неясное будущее.

Это явление называется **кризисом**. Анализ экономической литературы показывает, что при наличии одинаковых взглядов на предмет общее сложившееся определение выделить сложно. Представим собственное определение.

По нашему мнению, **кризис** — это нарушение сложившейся системы отношений, которое приводит к существенным проблемам функционирования элементов и отдельных подсистем, вплоть до их потери или разрушения всей системы.

При этом в экономическом сообществе с момента начала формирования теории Адамом Смитом и до настоящего времени есть большое число экономистов, которые вообще отвергают экономический кризис как явление.

Данная позиция связана, прежде всего, с прародителями экономической теории, которые в период первичного развития капитализма не имели практической возможности наблюдать такого рода явления, опираясь при этом на закон Сэя, определяющий саморегуляцию спроса и предложения.

Еще одной яркой категорией ученых, отвергавших данный подход, как известно, являлись некоторые последователи марксизма. При этом они не отвергали возможность кризисов как таковых, но считали, что они невозможны в социалистической системе.

Таким образом, из вышеприведенных высказываний следует, что по своей природе кризис не может являться чисто экономическим явлением, и, более того, начинает формироваться под действием иных факторов; при этом имеющийся исторический опыт так называемых социалистических стран говорит о том, что они действовали не в рамках социализма, так как разного рода кризисы, в том числе и экономические, в таких странах наблюдались неоднократно.

Однако на пути создания теорий цикла стояли не только указанные выше группы экономистов. Существует достаточно большой круг ученых, отрицающих не наличие самого кризиса, что при богатом опыте развития данного явления за последние 200 лет достаточно сомнительно, но считающих, что кризисные явления в экономике не имеют периодической природы, а связаны исключительно с различными и случайно совпадающими причинами, порождающими кризисы.

Таким образом, в современной науке до сих пор стоит вопрос о необходимости наличия теорий экономического (делового) цикла.

Отметим, что и в рядах сторонников циклической природы возникновения кризисов нет

полного единства во взглядах как на причины их возникновения, так и на механизм и структуру развития цикла, а также на его взаимосвязь с социальными явлениями в обществе и их совместное развитие. Как следствие — определенное разнообразие моделей деловых циклов, прежде всего имеющих чисто экономическую природу.

Вместе с тем большинство исследователей склоняется к наиболее распространенному определению экономического цикла как циклического изменения экономической конъюнктуры, регулярного колебания уровня деловой активности от экономического подъема (бума) до спада (экономической депрессии), отраженному в Википедии [24].

Соответственно, цикл экономической (деловой) активности в большинстве теорий цикла подразделяют на четыре фазы: подъем, пик, спад, дно.

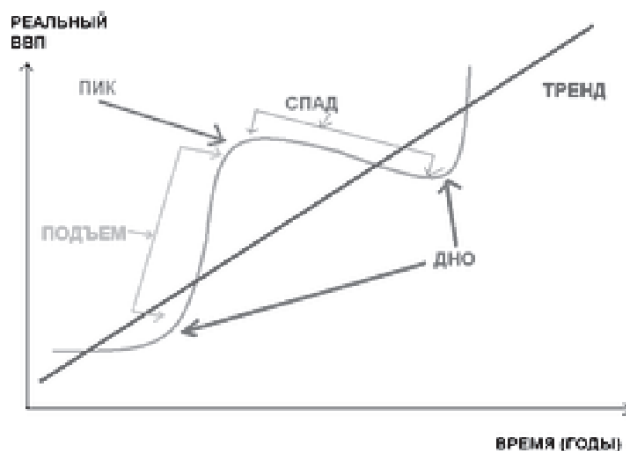

Рис. 1. Модель экономического цикла [33]

Данные фазы определяются следующим образом.

Подъем — определяется ростом производства и внедрением инноваций с коротким сроком окупаемости и, соответственно, занятости, при невысоких темпах инфляции. Для него также характерен нарастающий спрос, который формируется за счет предшествующего сжатия рынка.

Пик — переходная зона от подъема к спаду, характеризующаяся минимизацией безработицы, максимальной загрузкой мощностей, которые, в свою очередь, усиливают конкуренцию из-за насыщения товаров, снижением эффективности вложений и созданием перегрева в формировании новых производственных мощностей.

Спад — возникшее относительное перепроизводство товаров приводит к сокращению общей деловой активности и скорости формирования

будущих производств, что ведет к росту безработицы и инфляции.

Дно — непродолжительная переходная зона, в которой падение производства, соответственно, и занятости сокращается до минимума, после которого возобновляется их рост.

Считается, что выход из депрессии связан с системным освобождением производителей от устаревшего оборудования и массовой закупкой основных средств, на что требуются новые кредиты, и это начинает ускорять процесс развития. Однако такая ситуация наблюдается не всегда. Например, Великая депрессия продолжалась около 10 лет (фактически целый цикл), и при этом уничтожилось большое количество не только средств производства, но и, например, товаров (хлопок — миллионами гектаров, или кофе — миллионами мешков).

По нашему мнению, к представленной логике смены фаз следует подходить осторожно. С одной стороны, указанные явления имеют место в большинстве случаев. С другой — в ряде наблюдений выделяются и другие детерминанты, например, в текущем кризисе в России, корни которого лежат не столько в экономической плоскости, сколько в попытке оказать политическое давление со стороны других заинтересованных в этом государств, что в большей степени является продолжением военной агрессии (государственный переворот на Украине, осуществленный прозападными силами).

Следует также отметить, что определенную методическую проблему составляет вопрос начала и окончания цикла. Так, одни теории определяют кризис как начальную фазу развития цикла, другие исходят из того, что кризис является по факту разрушением сложившегося баланса, а следовательно, и заключительной стадией развития.

Данная логика приводит нас к очевидной мысли, что причиной кризиса в этом случае являются накопленные проблемы развития конкретного экономического процесса, но не отвечает на вопрос: почему для столь разных экономических субъектов, в столь разных экономических нишах, для разных бизнесов, как правило начинаемых в разное физическое время, кризис приходит одновременно? Если следовать далее этому подходу, получается, что не столько состояние самой системы оказывает влияние на кризис, сколько некие общие и не зависящие от системы обстоятельства, т.е. внешние причины.

Ситуацию выбора усложняет то, что в большинстве кризисных явлений за последних 200 лет чаще всего невозможно выделить одного или нескольких очевидно доминирующих факторов.

Более того, исследования четко показывают, что почти всегда на ситуацию влияет целый конгломерат проблем, как чисто экономических внутренних, так и внешнего плана, а сами кризисы, если объединить все наблюдения, в общей массе четких статистических наблюдений не формируют.

Как следствие, исследователи в рамках имеющихся наблюдений начинают выбирать из них, как им кажется, отдельные закономерности. Накопленная база наблюдений сегодня такова, что разного рода исследователи в процессе своей деятельности уже обозначили возможность существования (наличия) около 1380 различных циклов. Однако, даже не обладая всей глубиной знаний и без непосредственного исследования этих данных, с учетом нашего представления о характере и сложности международного экономического механизма, рискнем предположить, что, несмотря на всю сложность, в экономике вряд ли действует такое количество периодических процессов. Говоря о столь высоком их числе, скорее, надо ориентироваться на недостаточность комплексных исследований, которые должны были неизбежно выявить связанность «разных» на первый взгляд закономерностей.

Таким образом, признание 1380 циклических процессов в экономике столь же необоснованно и неубедительно, как и очевидное отрицание циклических процессов как таковых. При этом основные вопросы — сколько таких процессов в природе есть? и на чем они основываются? — остаются пока без ответа.

Отметим также, что в наиболее распространенных подходах из четырех указанных условных фаз циклов, очевидно, преобладают две — подъем и спад; две других фазы, фактически, являются условным переходом, имеющим не более чем специфические характеристики, отличные от основных фаз.

Однако на практике это выглядит совсем по-другому. Перелом тренда роста экономики и ее параметров имеет выраженные признаки «торможения маховика», когда большая сила инерции подъема автоматически увеличивает и поддерживает рост, даже вопреки сложившейся ситуации и изменению всех ключевых параметров. При этом инертность системы определяется ее объемом и глобальными взаимосвязями. В результате отдельные системы могут испытывать подобного рода изменения месяцы, а наиболее крупные — годы, и даже целые циклы не меняют глобальных трендов. Сегодня такая ситуация складывается, например, с США, по факту являющимися финансовыми банкротами, но уже не одно десятилетие изыскивающими возможности оттянуть

срок обвала собственной экономики, и все чаще за счет уничтожения и обвала других.

Еще больше вопросов к зоне «дна». Если рассматривать вопрос начала нового подъема как целевое достижение заданных параметров минимизации социально-экономических процессов, после которого автоматически наступает подъем, то бороться с кризисами было бы просто — уволить заданный объем людей, сжал предложение шоковым образом — и «получи желательный результат». В такой постановке вопроса это очень напоминает шоковую терапию 90-х, примененную в России.

Возможно, это позволило тогда быстро «вернуть» на полки товар (большинству он сразу стал не по карману), но никакого подъема экономики такой подход не создал. Более того, разрушающая мощь данных действий привела к фактическому разрушению имевшихся экономических связей и социальному геноциду населения.

Нет спешки и в разрешении современных экономических проблем. Считается, что, таким образом, работает невидимая рука рынка, заставляя в сложных условиях уходить наиболее неэффективных и «дефектных» для данного механизма участников.

Рассмотрение ряда кризисов как в России, так и за рубежом, например, в Японии в конце 90-х, показывает, что конкретная эффективность этих «псевдорыночных систем самоочистки» весьма сомнительна и правила выживания в таких условиях отнюдь не объективные и эволюционные.

Так, если в начале XX в. происходившие экономические кризисы ставили компании на рынке в относительно равные условия, то начиная с 70–80-х гг. механизмы выросших транснациональных компаний полностью эти правила поменяли. Как следствие, менее эффективные, но обладающие большим административным ресурсом компании обеспечивали себе защиту за счет более эффективных, но менее значимых конкурентов.

Такие изменения хотя и возможны, но бесследно не проходят. Так, Япония, защитившая банковскую систему от банкротства, получила два десятилетия рецессии в экономике, несмотря на все собственные достижения по развитию. США уже не одно десятилетие создают «навес» в попытке сохранить все сложившиеся дисбалансы, как следствие — рост трудностей в преодолении каждого последующего кризиса, существенное их усложнение и рост цены выхода из накопленных проблем. При этом сегодня процесс постепенно приобретает необратимый характер, и его разрешение в уже недалеком будущем практически неизбежно приведет к существенному разрушению

финансовой, а, следовательно, и всей социально-экономической модели США и стран, оказавшихся на той же платформе или тесно с ними связанными.

Интересующая нас в данном контексте причина — неэффективность работы отдельных институтов или их функций, в частности, фактическая потеря контроля над деятельностью целого ряда транснациональных корпораций, которые уже пытаются подменить собой государства, активно разрушая их структуру.

Характерный пример — ВПК США. Несмотря на все особенности современного мира и положения в нем США, многие действия силового характера последних десятилетий ничем оправдать невозможно. Точнее, ничем — на уровне межгосударственной деятельности. Но как только происходит перемещение на уровень менеджмента корпораций, действия США обретают смысл, но смысл — не для государства или общества в целом, а лишь для интересов отдельных групп, получивших полный иммунитет от контроля со стороны общества.

Указанными корпорациями ситуация не ограничивается. Следствие — проблемы дисбалансов не устраняются, а активно накапливаются, создавая «пузырь» уже не только в области финансовых инструментов, но и в социально-экономическом пространстве в целом.

Частично указанные проблемы самим циклом не отслеживаются (но накладывает отпечаток на состояние проблемы в целом), но частично эти проблемы формируют характер и параметры самого «дна», особенно в условиях отсутствия резких переходов от падения к росту или фактическому сохранению «пузырей» на финансовых рынках.

Краткий анализ основных видов циклов

К основным наиболее изученным и принятым международным сообществом видам циклов относятся следующие: Китчина (2–4 года), Жуглара (7–12 лет), Кузнеца (16–25 лет), Кондратьева (40–60 лет).

Кроме того, нередко к ним добавляют еще две позиции, которые содержательно имеют не чисто экономический, а скорее, социальный подтекст. Это циклы Форрестера (200 лет) и Тоффлера (1000–2000 лет).

Обратим внимание, что разброс границ циклов у всех позиций очень велик, настолько, что может смешаться и с другим явлением. Кроме того, такой разброс существенно повышает манипулятивность расчетов. При этом практически все циклы имеют

не по одному ключевому признаку (например, промышленный цикл), а несколько разных, что, в свою очередь, может рассматриваться как разные стороны одного явления или как разные явления, собранные в одну кучу.

Как мы отмечали ранее, четких ответов на эти вопросы до сих пор нет.

С другой стороны, появление практически всех признанных исследований по данным циклам (за исключением цикла Жуглара) приходится на относительно узкий временной период 1926–1946 гг. Наиболее интересные обобщения по циклам Жуглара формируются в это время Чижевским. При этом достаточно быстро отдельные исследователи начинают пытаться еще и увязать указанные циклы в единую систему, например, как английский экономист Р. Мэттьюз.

И хотя данные исследователи действовали независимо друг от друга в разных странах и обстоятельствах, вряд ли можно говорить о случайности совпадения их корней, тем более что среди предшественников отмечалась не последняя роль наших соотечественников, таких, например, как Туган-Барановский [17]. Все это говорит не только о значимой вовлеченности передовой российской мысли в единое общечеловеческое развитие, но свидетельствует о наличии целой школы, позволившей так методично и последовательно оказываться на острие развития теорий экономических циклов.

Хотя впоследствии столь активным присутствием российская экономическая школа блеснуть не могла, итоги по участию в развитии этого вопроса подводить еще рано — острых проблем остается достаточно много, и предложений по их разрешению ждет, без преувеличения, не только экономическое сообщество, но и вся цивилизация, и надежда найти их в родном Отечестве активно растет.

Циклы Китчина (циклы запасов) определяют собой колебания запасов, т.е. товарные циклы длиной 2–4 года [Kitchin, 1923, 30].

Цикл Жуглара (имеет несколько исторических названий, в том числе промышленного цикла) часто определяется как инвестиционный цикл, был выделен ранее всего и связывал наиболее известные и мощные экономические кризисы. Его протяженность определяется в 7–12 лет [Juglar, 1862, 29].

Циклы Кузнеца первоначально определял так называемый строительный цикл (цикл колебаний статистических индексов в США на стоимость строительства) [Kuznets, 1930, 31]. Позднее американский ученый М. Абрмовиц описал 20-летние циклы в экономике как колебания: доход —>

иммиграция —> жилищное строительство —> совокупный спрос —> доход.

Циклы Кондратьева (большие волны) рассматривались как волны крупных структурных изменений и смены технологических укладов. Несмотря на широкую популярность и большое количество исследований на данную тему, в рамках выделенных ранее циклов, исследователи не могут четко определить деление и содержание последнего наблюдаемого цикла и ожидаемого следующего, что говорит о недостаточном представлении о его механизме [Кондратьев, 1989, 11].

Отметим, что при сравнительно высокой изменчивости данных циклов для них характерен слабый уровень их прогнозирования и описания даже ближайшей итерации, что лишним раз подчеркивает слабость имеющегося уровня проработки данного вопроса и условность сделанных на базе его изучения выводов.

Анализ основных теорий экономических циклов

Рассматривая экономические процессы, по нашему мнению, можно выделить три их основных аспекта: **люди** как субъекты экономических отношений; **экономические связи** и действия, совершаемые между людьми и людьми с окружающей природой с целью реализации экономических задач; **окружающая природа**, которая выступает и как субъект экономических отношений, и как система факторов, влияющая на данные отношения. Соответственно, каждый из данных аспектов порождает группы факторов, влияющих на экономическую деятельность, часть из которых, доминируя или внося свое участие в результирующее воздействие, может привести к дисбалансу экономических процессов, вплоть до возникновения кризисов.

Анализ сложившихся к настоящему времени теорий циклов показывает, что за прошедшие почти 200 лет человечество затронуло в своих исследованиях практически все ключевые группы факторов, идя к этому не от системного, комплексного анализа кризисов, а от частных гипотез и наблюдений.

В результате созданные теории, на наш взгляд, можно подразделить на три крупных блока: экзогенные (внешние), эндогенные (внутренние) и психогенные (поведенческие). При этом исследователи вместо психогенного блока выделяют эклектический (синтезированный). Логика такого подхода ясна, но против нее можно привести простой довод — все подходы подразумевают определенное смешанное воздействие на процесс,

при этом для разных подходов выделяются возможные доминанты факторов, связанные с указанным нами выше делением процесса. По этой же причине мы выделяем психогенные факторы в отдельную группу. При этом само указание на то, что в этом случае рассматривается ситуация, при которой внешние факторы задают импульс внутренним, интуитивно верна. Однако в нашем подходе, рассматривая экзогенные системы, мы не просто предполагаем или относим к ним системы, где есть внешнее воздействие и только из него принимается решение, что оно влияет на внутреннее воздействие, а рассматриваем их природу. При этом если такой связи воздействий нет, мы готовы констатировать их отсутствие, а если доминирующее воздействие внешних факторов будет доказанным или очевидным, мы согласимся с этим подходом, но в обоих случаях, по нашему мнению, речь идет об активности внешних факторов, что позволяет оба случая отнести к экзогенному блоку.

Единственное, что, возможно, нуждается в дополнительной классификации, по нашему мнению, это вопрос разделения факторов социального развития и взаимодействия от факторов внешней природы, так как они в этом случае могут иметь принципиально разный подтекст. В этом случае предложенное нами деление может составить: экзогенное (внешнее), эндогенное (внутреннее), социогенное (социальное) и психогенное (поведенческое). С другой стороны, рассмотрение таких социогенных факторов, как войны, революции, говорит о том, что за этими действиями стоят решения, основанные на психологии их принятия, и эти факторы могут быть объединены в один блок, но тогда предложенная классификация будет уже содержательно, а не только структурно отличаться от используемых в настоящее время.

Отметим, что вопрос этой структуризации не праздный, и от него зависит не только порядок изложения исследования или популярной статьи, но и логика исследования воздействий, а также возможное сравнение и выявление общих черт у сходных групп признаков влияния.

Первые из экзогенных теорий появились достаточно рано и, фактически, были одними из первых теорий цикла. В частности, речь идет о теории Джевонса, выделившего воздействие на экономический цикл цикла солнечной активности. Отметим, что Джевонс подошел к этому вопросу революционно, так как объективно сумел увидеть в имевшихся скудных данных очевидную статистическую взаимосвязь солнечных и промышленных циклов. Однако недостаток информации и

знаний ограничили интерпретацию этой связи лишь фактором урожайности, которая, несомненно, имела место, играла свою роль, но отражала только часть воздействия, в том числе скрытым осталось и воздействие солнечной активности на другие аспекты экономической деятельности [Jevons, 1884, 28].

Лишь спустя почти полвека выдающийся русский ученый Чижевский блестяще определил целый ряд основных подходов к оценке рассматриваемой взаимосвязи. В последующем ученые из разных стран и в разные периоды времени (Х.М. Мор, С. Юдзи и др.) продолжили развитие данной темы, хотя общего признания как наиболее верная данная теория до настоящего времени не получила.

Отметился своими оригинальными мыслями в этом направлении еще один великий мыслитель XX в. Л. Троцкий, вычеркнутый советской надстройкой, но обладавший тонким и интересным мышлением. Троцкий предложил выделить длинные циклы, в 55 лет, независимо от Кондратьева, но его обоснование носило во многом политический оттенок, что говорит не столько о его научном предвидении, сколько отражает накал политической борьбы, которая в данном контексте видится приятной к ситуации [Троцкий, 1991, 18].

Второй блок теорий смотрится менее экзотично в силу того, что отражает в большей степени технологию самого процесса, что не требует усилия по доказательству принадлежности данных факторов рассматриваемой ситуации. Несмотря на это, только прямая принадлежность к процессу, сама по себе, не обеспечивала безошибочности выбора.

К этим теориям относятся чисто монетарная теория (Хоутри), Теория перенакопления и Теория недопотребления (Сисмонди). Все они рассматривают разные стороны финансового регулирования как центрального уравнивателя экономических процессов. В этом отношении они, скорее, дополняют друг друга, рассматривая разные периоды развития общества и глубины сложившейся проблемы. Но они все имеют существенный недостаток, так как появились они сравнительно давно, то в целом отражали реалии своего времени, и в полной мере их можно было бы относить к указанной группе. Однако, говоря о собственно экономическом процессе между психологией и деньгами, сегодня потерялся целый пласт проблем, которые современные исследователи выделяют, но неверно относят к вопросам психологии, там присутствующей, но не определяющей содержание. В частности, речь идет об управленческих вопросах, которые мы затронем ниже.

Определенным особняком стоит марксистская теория, которая номинально относится к чисто экономическим подходам рассмотрения кризиса. Однако реально по своей природе основное противоречие, которое там рассматривается, — это вопрос социальной трансформации общества [Маркс, 2011, 12].

Данный подход марксизма, безусловно, является существенным движением вперед, так как он в отличие от ранее сделанных подходов рассматривает экономическую сторону бытия в тесной связи со всеми остальными сторонами, и прежде всего социальной.

Однако, во-первых, это подход явно из другой категории, мы бы его отнесли в категорию социогенных, во-вторых, заявленное центральное противоречие капиталистического распределения результатов труда, не соответствующего общественному характеру производства, по нашему мнению, не в полной мере рассмотренная марксизмом проблема распределения социально-экономических функций в обществе, и его выводы верны лишь отчасти.

Такое положение связано с тем, что основной функцией развития капиталистического строя была, по факту, функция развития предпринимательства, в том числе с точки зрения принципиального усложнения производственных систем. При этом не капитал лишил рабочий класс средств производства, а усложнение общественного производства потребовало на данном этапе усложнения и разделения функций собственника и работника. Работник в этот период мог оставаться и собственником средств труда, что было распространено среди мелких ремесленников, однако большинству рабочих, сменивших простые инструменты на сложные заводские машины, было не под силу их приобрести, да и без надобности, так как они могли предложить только свой труд, но уже не обремененный средствами производства.

Вопрос распределения средств и ограбления трудящихся не так прост. Но он выходит за рамки данного исследования. Касательно же распределения средств капиталистами, то к концу капиталистического строя, а он все же окончился уже как почти сто лет назад (Бакунин, Бердяев, Троцкий, Сорокин, Друкер и др.), капиталы были так же стратифицированы обществом, как и труд, в отдельную весьма формализованную категорию, наличие которой перестало быть волшебным кольцом всевластия. Так, только в США насчитывается более 80 млн частных акционеров. Далекое не все из них попадают в журнал «Форбс» или хотя бы способны его регулярно покупать. Показательно, что само слово *капиталист* стало, скорее, журналистским

или популистским термином, выйдя как из широкого употребления, так и из деловой практики, где одних наследников капитала теперь называют инвесторами, других — предпринимателями. Иногда эти понятия пересекаются, но чаще всего это теперь две разные категории.

Как было отмечено выше, из категории эндогенных теорий выпал блок, связанный с управленческими задачами. Так вот, вопрос не только в специфике его классификации. Проблема в том, что с 20–30-х гг. прошлого века после смены общественной формации миром стал править не капитал, а каста управленцев. Соответственно, и среди экономических проблем ключевыми стали управленческие просчеты, как и роль спасительной шлюпки. При этом вопросы монетарной политики стали играть зависящую, второстепенную роль, что хорошо было видно по развитию событий в 2008–2015 гг. на примере действий американских монетарных властей.

Научная мысль попыталась учесть произошедшие изменения. Однако, на удивление, эти действия давались очень тяжело, что показывает и первый кризис, возникший в таких условиях. Великая депрессия длилась десять лет. Точнее, в течение целого экономического цикла американская, да и мировая экономики не могли отважиться начать правильно решать проблемы — и именно в управленческой плоскости, где, в конце концов, они и были разрешены Рузвельтом. И хотя впоследствии эти действия были названы госкапитализмом и госрегулирование рыночной экономики рассматривалось как экстраординарная мера, именно они производили корректировки как раз управленческих ошибок. Отметим, однако, что никакого госкапитализма тогда уже не было, и не могло быть, в связи с отсутствием в тот период времени капитализма как такового, который, фактически, был похоронен вследствие Первой мировой войны, разрухой в Европе и чуть позже окончательно Великой депрессией в Америке. Структура и отношения общества усложнились настолько, что выполнивший свою миссию капитализм вынужден был передать эстафету общественного развития следующему функционалу — управленческому звену.

Это же время показало, что в своих оценках лукавит не только Кейнс, но и марксисты, так как одновременно с Великой депрессией отмечались весьма значительные проблемы развития общества и в советской России, в том числе связанные с неурожаем и голодом. Показательно, что именно в тот же период возникли наиболее жесткие репрессии, и они были направлены на управленческие амбиции номенклатуры (эту ситуацию частично описал Троцкий в 1936 г. [18], но и он не

до конца представлял реальные общественные и экономические связи, хотя видел их намного лучше, чем его современники).

Показательно, что среди родоначальников психологических теорий циклов оказался все тот же Джевонс, который увидел солнечный след в этой истории. Показательно это потому, что описанные им особенности влияния затрагивали опять воздействие солнечной активности на экономику, но уже опосредованно — через влияние на психологию людей. Он, возможно, просто не мог знать о наличии такой взаимосвязи, но блестяще ее уловил и вместе с еще одним выдающимся мыслителем (Парето) сформировал одну из основных теорий, определяющую влияние психологии сознания на принятие решений по экономической деятельности.

Впрочем, в психологической теории отметил-ся и Кейнс, достаточно осторожно относившийся к понятиям кризисов, циклов и даже к смене капиталистической формации, что в совокупности показывает, что фактор определенных заблуждений или, может быть, намеренных действий, совершенно не помешал Кейнсу [10], совместно с Пигу, искать практические выходы из ситуаций, которые он по каким-то только ему ведомым причинам не может признать такими, какие они есть.

Не выходит за рамки шаблона и равновесная теория цикла Р. Лукаса, центральной идеей которой является взаимодействие денежных шоков.

Таким образом, несмотря на противоречивую природу экономических циклов и их основного события — кризиса, данный вопрос получил широкое рассмотрение в научных кругах, которые достаточно детально изучили ситуацию. Особенно активным обсуждение стало в конце 20–30 гг. XX в.

По нашему мнению, роль в этом сыграл не только накопленный к тому времени статистический материал, но и мощный социально-общественный пласт менеджмента, который пришел на смену капитализма. Как следствие, неэффективность прежних методов разрешения проблем, мощный вызов обществу и его встряска привели к появлению множества теорий, действительно затрагивающих многие ключевые проблемы.

Однако постепенно с середины 70-х гг. активность рассмотрения проблем цикличности развития экономики, природы и характера развития кризиса, а также реального состояния социально-экономического развития общества превращается почти в узко научное знание, хотя уровень и последствия кризисов в мире только нарастают.

По нашему мнению, причиной этого следует считать незаинтересованность, как теперь говорят, правящих мировых элит в реальном рассмотрении

данных вопросов как для одних стран — стран социалистического блока (развитие данной темы было равносильно развалу идеологического базиса, определившего, что при социализме кризисов быть не может), так и для других стран (в странах так называемого капитала уже начала происходить тихая революция, заместившая на уровне управления странами воздействие на общество транснациональных корпораций, для которых кризисы и денежные инструменты были инструментами управления ситуацией), что закрывало эту тему для широкого использования.

Но скрывать эту тему долго оказалось невозможным, так как логика и механизмы социально-экономического развития, а также действующие природные факторы усилили проходящие в последнее время кризисы и сделали их структурно тяжелыми в силу того, что удобные для управляющих мировым сообществом компаний механизмы и решения не способны восстановить растущие в обществе и экономике дисбалансы.

Поэтому обществам для решения сложившихся проблем необходимо в первую очередь усилить контроль над управляющим звеном внутри страны как на уровне госуправления, так и на уровне крупных компаний и повысить их профессионализм, а также оптимизировать его деятельность как общественную функцию, снизив запредельный уровень манипулирования финансовым инструментом.

Однако сделать это в сегодняшних условиях в рамках всего мира затруднительно. Поэтому существует высокий риск полного выхода из-под контроля формирования мировой финансовой массы в ближайшие годы, что к 2018–2019 гг. может не только неизбежно породить очередной мировой экономический кризис, но и обрушить имеющуюся финансовую систему.

В настоящее время затруднительно сделать прогноз возможности и эффективности преодоления сложившихся проблем к 2018–2019 гг. Разумеется, проблемы эти имеют выраженный международный характер, и полностью изолироваться от них невозможно, однако сочетание разумной внутренней и внешней политики может позволить России существенно улучшить перспективы своего развития и экономического положения к началу 20-х гг.

Выводы

Для преодоления кризисных явлений и построения эффективной экономики в средне- и долгосрочной перспективе необходимо:

- признать цикличность развития общества, связанную с наличием детерминантного, комплексного воздействия природной среды на

все стороны человеческой деятельности (прежде всего, в части солнечной активности), выступающего в виде катализатора при разрешении накопившихся внутренних дисбалансов этого развития (имеющих разную природу и характер цикличности);

- организовать комплексное изучение данного вопроса;
- учитывать полученные выводы при планировании и реализации социально-экономического развития на государственном и общественном уровне;
- сформировать на новом уровне контроль и регулирование основных дисбалансов социально-экономического развития, прежде всего в части процедур выявления неэффективной деятельности и в части работы государственного аппарата и управленческих структур крупных компаний разных форм собственности;
- предпринять усилия по повышению качества управления госаппарата и управленческих структур компаний, способных оказывать влияние на социально-экономическое развитие страны;
- поддерживать на высоком уровне защиту от угроз влияния других социально-экономических систем;

- в построении промышленности и экономических механизмов следует сконцентрироваться на формировании базы развития нового экономического уклада;

- рассмотреть и сформировать программу, учитывающую необходимость и особенности трансформации общества к условиям развития нового социально-экономического уклада, среди которого выделяются создание и развитие идеологии общественного развития, всеобщего высшего образования, контроль за качеством работы госаппарата, существенный рост защиты интеллектуальной собственности России, экономики знаний, тотальной автоматизации и робототехники, системы 3D-печати, индивидуализации производств, сверхкомпактных и мощных энергетических систем, роста ответственности и управленческих знаний, культурной идентификации.

При этом все это будет сложно развивать без постепенного перехода общества в целом к новой универсальной формуле развития — «этот мир строится человеком ради человека и развития человеческих ценностей», что, в свою очередь, возможно при возникновении и развитии «взаимного уважения и внутренней ответственности личности и общества».

Список литературы

1. Глазьев С.Ю., Микерин Г.И., Тесля П.Н. и др. Длинные волны: НТП и социально-экономическое развитие. Новосибирск: Наука, 1991.
2. Гринин Л., Коротаев А. Циклы, кризисы, ловушки современной мировой системы. М.: Либроком, 2012.
3. Де Сото Х. У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Издательство «Социум», 2012.
4. Иванов В.В., Иванова А.В. Новый формат экономических кризисов. Причина. Сущность. Ловушки / Девятый Международный молодежный экономический и финансовый форум «Россия в трансформирующемся мире: финансовые тенденции и экономические перспективы» РАНХиГС при Президенте РФ, 25 апреля 2013. М.: Ваш полиграфический партнер, 2013. С. 23–29.
5. Иванов В.В., Иванова А.В. Природа спускового механизма экономических кризисов. Инновации в экономике, проектном менеджменте, образовании, юриспруденции, социологии, медицине, экологии, философии, психологии, физике, технике и математике / Сборник научных статей по итогам Международной заочной научно-практической конференции, 29–30 апреля 2013 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: КультИнформПресс, 2013. С. 102–106.
6. Иванов В.В., Иванова А.В. Причины неудачи социализации российской экономики в XX веке / Современные проблемы гуманитарных и естественных

References

1. Glazyev S., Mikerin G., Teslya P. *Dlinnye volny: NTP i sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye*. [Long waves: scientific and technical progress and social and economic development]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991.
2. Grinin L., Korotayeva A. *Tsikly, krizisy, lovushky sovremennoy mir-sistemy*. [Cycles, crises, traps modern world system]. Moscow, «Librokom» Publ., 2012.
3. De Soto H.U. *Dengi, bankovskiy kredit i ekonomicheskiye tsikly* [Money, bank loan and economic cycles], Sotsium Publ., 2012.
4. Ivanov V.V., Ivanova A.V. *Noviy format ekonomicheskikh krizisov. Prichina. Sushchnost. Lovushki*. Devyaty mezhdunarodny molodezhny ekonomichesky i finansovy forum «Rossiya v transformiruyushchimsy mire: finansovy tendentsii i ekonomicheskiye perspektivy» RANXhGS pri Prisdente RF, 25 aprelya 2013 [New format of economic crises. Reason. Essence. Traps.]. The ninth international youth economic and financial forum «Russia in transformed the world: financial tendencies and economic prospects» a RANEPa of the Russian President, on April 25, 2013]. Moscow, Vash poligraficheskiy partner Publ., 2013, pp. 23–29].
5. Ivanov V.V., Ivanova A.V. *Priroda spuskovogo mehanizma ekonomicheskikh krizisov. Innovatsii v ekonomike, projektom menedzhmente, obrazovanii, yurispreidentsii, sotsiologii, meditsine, ecologii, filosofii, psikhologii, fizike, tekhnike i matematike*. Sbornik nauchnykh statey po itogam Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 29-30 aprelya 2013 goda [Nature of the trigger mechanism of economic crises of the Innovation in economy, project management, education, law, sociology

- наук: материалы XV Международной научно-практической конференции 25–26 июня 2013 г. Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». М.: Спецкнига, 2013. 512 с.
7. *Иванов В.В., Иванова А.В.* Влияние социализации общества на экономические процессы / Современные направления развития гуманитарных, юридических и экономических наук: сб. трудов. М.: НПО «Типография Москва», 2013. 223 с.
 8. *Иванов В.В., Иванова А.В.* Анализ природы экономических кризисов / Проблемы и перспективы экономики и управления (II): Материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июнь 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. vi, 143 с: ил.
 9. *Иванов В.В., Иванова А.В.* Всеобщее высшее образование как признак развитого человеческого капитала и как продукт в условиях глобализации / Problems and prospects of professional education development in the 21st century: materials of the V international scientific conference on April 10–11, 2015. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. 177 p. (p 14–20).
 10. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег: избранные произведения. М.: Гелиос, АРВ, 2002.
 11. *Кондратьев Н.* Большие циклы экономической конъюнктуры. Проблемы мировой динамики. М., Экономика, 1989.
 12. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т.1–3. М.: Эксмо, 2011.
 13. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2010 гг. М.: Издательство института Гайдара, 2012.
 14. *Рейнхарт К., Рогофф К.* На этот раз все будет иначе. М.: Карьера Пресс, 2012.
 15. *Сорокин П.* Обзор циклических концепций социально-исторического процесса. Социол. центр. «Социо» 12, 1998.
 16. Стратегия 2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузмина. М.: Дело РАНХиГС, 2013.
 17. *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. Переизд. 1923. М.: Книга, РОСПЭН. 1997.
 18. *Троцкий Л.Д.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991.
 19. *Фон Мизес Л.* Теория экономического цикла. Изд. «Социум», 2012.
 20. *Фокуяма Ф.* (2008) Крах корпорации «Америка» // http://discussiya.com/2008/10/10/america_corporation (дата обращения: 29.05.2015).
 21. *Фрашон А.* (2012) Критика чистого капитализма. The Financial Time критикует чистый капитализм. («Le Monde», Франция) // <http://www.inosmi.ru/usa/20120127/184121973.html> (дата обращения: 02.06.2015).
 22. *Робинсон С.* (2012) Новый тоталитаризм: как корпорации превратили США в подобие Советского Союза («AlterNet», США) // <http://www.inosmi.ru/>gy, medicine, ecology, philosophy, psychology, physics, equipment and mathematics. The collection of scientific articles following the results of the International correspondence scientific and practical conference, on April 29-30, 2013]. St. Petersburg. Izd. «KultInformPress» Publ., 2013, pp.102-106]
 6. *Ivanov V.V., Ivanova A.V.* *Prichiny neudachi sotsializatsii rossiyskoy ekonomiki v XX veke.* Sovremennyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy XV mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii 25-26 iyunya 2013 [The reasons of failure of socialization of the Russian economy in the XX century. Modern problems of humanitarian and natural sciences: materials XV of the international scientific and practical conference on June 25-26, 2013 scientific and information Publishing Center «Institute of Strategic Researches]. Moscow: Spetskniga publishing house, 2013. 512 p.
 7. *Ivanov V.V., Ivanova A.V.* *Vliyaniyae sotsializatsii obshchestva na ekonomicheskiye protsessy* [Influence of socialization of society on economic processes]. Sovremennyye napravleniya razvitiya gumanitarnykh, uridicheskikh i ekonomicheskikh nauk: sb. трудов [Modern directions of development of humanitarian, legal and economic sciences: the collection of works]. Moscow, NPO «Tipografia Moskva» Publ., 2013. 223 p.
 8. *Ivanov V.V., Ivanova A.V.* *Analiz prirody ekonomicheskikh krizisov* [Analysis of the nature of economic crises]. Problemy i perspektivy ekonomiki i upravleniya (II): materisly mezhdun. Nauch. Konf. (g. Sakt-Peterburg, iyun 2013 g.) [Problems and prospects of economy and management (II): materials of the international Scientific Conference (St. Petersburg, June, 2013)]. St. Petersburg, Ryenomye Publ., 2013. 143 p.
 9. *Ivanov V.V., Ivanova A.V.* *Vsyeobshcheye vyssheye obrazovaniye kak priznak razvitogo cheloveyecheskogo kapitala i kak produkt v usloviyakh globalizatsii* [General higher education as a sign of the developed human capital and as a product in the conditions of globalization]. Problems and prospects of professional education development in the 21st century: materials of the V international scientific conference on April 10–11, 2015. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» Publ., 2015. 177 p.
 10. *Kyeysn Dzh.* *Obshchaya tyeoriya zanyatosti, protsyenta i dyenyeg.* Izbrannyye proizvyedyeniya [General theory of employment, percent and money. Chosen works]. Moscow, Helios, ARV Publ., 2002]
 11. *Kondratyev N.* *Bolshiy tsikly ekonomichyeskoy konyunktury. Probyemy mirovoy dinamiki* [Big cycles of an economic environment. Problems of world dynamics]. Moscow, Economy Publ., 1989]
 12. *Marks K.* *Kapital: Kritika politichyeskoy ekonomii.* [Capital «Criticism of political economy»] Volume 1-3. Moscow, «Eksmo» Publ., 2011]
 13. *Meddison E.* *Kontury mirovoy ekonomiki v 1 – 2010 gg.* [Contours of world economy in 1 – 2010 years]. Moscow, izdatyelstvo instituta Gaydara Publ.
 14. *Ryeynkhart K., Rogoff K.* *Na etot raz vse budyet inachye* [This time everything will be differently]. Moscow. Career Press Publ., 2012.
 15. *Sorokin P.* *Obzor tsiklichyeskikh kontsyepstiy sotsialno-istorichyeskogo protsyessa.* [Overview of cyclic concepts of social historical process]. Sotsio 12 Publ., 1998]
 16. *Mau V.A., Kuzminov YA.I.* *Stratyegiya 2020: novaya modely rosta – novaya sotsialnaya politika.* Itogovyy doklad o ryezultatakh ekspyertnoy raboty po aktualnym problemam sotsialno-ekonomichyeskoy stratyegii Rossii na pyeriod do 2020 goda: kn. 1. pod nauchnoy ryedaktsiyey [Strategy 2020: new model of growth — new social policy. The final report on results of expert work on actual

- world/20120717/195082003.html (дата обращения: 25.05.2015).
23. Митчелл У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.-Л., 1930.
 24. http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономические_циклы (дата обращения: 05.05.2015).
 25. Ivanov V., Ivanova A. Struggle for human capital between contemporary socio-economic system in the conditions of globalization // VII Science, Technology and Higher Education. [Text]: materials of the VII international research and practice conference, Westwood, Canada, April 2–3, 2015 / publishing office Accent Graphics communications. Westwood — Canada, 2015. 278 p. (p. 62–66).
 26. Ivanov V., Ivanova A. The nature of economic cycles and their place in the economic theory // The 6th International Conference on Economic Sciences. Proceedings of Conference (April, 24 2015). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2015. (p. 167–174).
 27. Ivanov V., Ivanova A. Analysis of origins of «financial bubbles» / European Science and Technology: materials of the X International research and practice conference, Munich, May 28–29, 2015, Vol. 1. Publishing office Vela Verlag Waldkraiburg — Munich — Germany. 2015. 368 p. (p. 131–134).
 28. Jevons W.S. Investigation in Currency and Finance. London. 1884.
 29. Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis. Paris. Guillaumin. 1862.
 30. Kitchin J. Cycles and Trends in Economic Factors. Review of Economic and Statistics Preliminary 5(1). 1923.
 31. Kuznets S. Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston. Houghton Mifflin. 1930.
 32. Schumpeter J. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. N.Y.; L. 1939.
 33. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Wikicycle.PNG> (дата обращения: 05.05.2015).
 17. Tugan-Baranovskiy M.I. *Pyeriodichyeshkiye promyshlyennyye krizisy. Istoriya anglyiskikh krizisov. OBshchaya tyeoriya krizisov* [Periodic industrial crises. History of English crises. General theory of crises]. Moscow, Kniga Publ., ROSPEN Publ., 1997.
 18. Trotskiy L.D. *Pryedannaya ryevolutsiya: CHto takoye SSSR i kuda on idyet?* [Devoted revolution: What is the USSR and where it goes?]. Moscow, Scientific research institute of culture of the Ministry of Culture of RSFSR. 1991
 19. Fon Mizyes L. *Tyeoriya ekonomichyeskogo tsikla* [Theory of economic cycle]. Sotsium publishing house, 2012
 20. Fokuyama F. (2008) *Krakh korporatsii «Amyerika»* [Crash of America corporation]. Available at; http://discussiya.com/2008/10/10/america_corporation, 29.05.2015
 21. Frashon A. (2012) *Kritika chistogo kapitalizma. The Financial Time kritikuyet chisty kapitalizm.* («Le Monde», Frantsiya) [Criticism of net capitalism. The Financial Time criticizes net capitalism. («Le Monde», France)]. Available at: <http://www.inosmi.ru/usa/20120127/184121973.html>, 02.06.2015
 22. Robinson S. (2012) *Novyy totalitarizm: kak korporatsii pryevratili SSHA v podobiye Sovyetskogo Soyuza* («AlterNet», SShA) [New totalitarianism: as corporations turned the USA into similarity of the Soviet Union («AlterNet», the USA)]. Available at: <http://www.inosmi.ru/world/20120717/195082003.html>, 25.05.2015
 23. Mitchyell U.K. *Ekonomichyeshkiye tsikly. Probyema i yeye postanovka* [Economic cycles. Problem and its statement]. Moscow, Leningrad, 1930
 24. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономические_циклы, 05.05.2015
 25. Ivanov V., Ivanova A. *Struggle for human capital Between contemporary socio-economic system in the conditions of globalization.* VII Science, Technology and Higher Education: materials of the VII international research and practice conference, Westwood, Canada, April 2-3, 2015. publishing office Accent Graphics communications.- Westwood - Canada, 2015. 278 p. (p. 62-66).
 26. Ivanov V., Ivanova A. *The nature of economic cycles and their place in the economic theory.* «The 6th International Conference on Economic Sciences». Proceedings of Conference (April, 24 2015). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2015 (p. 167-174).
 27. Ivanov V., Ivanova A. *Analysis of origins of «financial bubbles» / European Science and Technology: materials of the X International research and practice conference, Munich, May 28 – 29, 2015, Vol.1.-Publishing office Vela Verlag Waldkraiburg – Munich – Germany- 2015 – 368p. (p.131-134)*
 28. Jevons W.S. *Investigation in Currency and Finance.* London. 1884
 29. Juglar C. *Des crises commerciales et de leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis.* Paris. Guillaumin. 1862.
 30. Kitchin J. *Cycles and Trends in Economic Factors.* Review of Economic and Statistics Preliminary 5(1). 1923.
 31. Kuznets S. *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their bearing upon Cyclical Fluctuations.* Boston. Houghton Mifflin. 1930.
 32. Schumpeter J. *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process.* N.Y.; L. 1939.
 33. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Wikicycle.PNG>.05.05.2015

Актуальная проблема культурной доминанты в управлении экономикой

Urgent Problem of the Cultural Dominant in National Economy Management

Получено 02.07.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 316

DOI: 10.12737/13556

МАЧХЕЛЯН Г.Г.

канд. экон. наук, доцент, редактор по международной информации
ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»
105043, Москва, 4-я Парковая ул., д. 29
E-mail: garry_machkhelyan@mail.ru

MACHKHELYAN G.G.

Ph.D. in Economics, Associate Professor, International Information
Editor, All-Russia Centre of Living Standard PLC
29 4th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: garry_machkhelyan@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема культурной доминанты в управлении экономикой Российской Федерации на современном этапе. Подчеркивается значение современного английского языка как важнейшего средства международного общения. Предлагается концепция реорганизации преподавания современного повседневного и делового английского языка для обеспечения внедрения во все возрастающих масштабах новейших достижений мировой науки и техники в целях коренной модернизации экономики страны, повышения эффективности международного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества.

Abstract

An urgent problem of the cultural dominant in Russian national economy management today is considered. The importance of the contemporary English language as a major means of international communication is stressed. A new concept in organizing teaching contemporary everyday and business English on evergrowing scale is proposed to enable introducing the latest achievements in science and technology for fundamental modernizing the national economy of the Russian Federation, increasing the efficiency of international economic, scientific and technological, and cultural cooperation.

Ключевые слова: актуальная проблема, культурная доминанта, управление экономикой, модернизация экономики, наука и техника, НИОКР, иностранные языки, современный повседневный и деловой английский, концепция, британский и американский варианты английского языка, реорганизация преподавания иностранных языков, комплексная программа, всеобъемлющий справочный курс по современному английскому языку, эталонный образец учебного пособия для русского студента, необходимые дополнительные издания.

Keywords: an urgent problem, a cultural dominant, national economy management, modernizing national economy, science and technology, R&D (research and development), foreign languages, contemporary everyday and business English, BE (British English) and AE (American English), reorganization of teaching English, a comprehensive reference book on practical English usage, a specimen of an English textbook for a Russian student, additional «musts».

В реализации задачи модернизации экономики страны на нынешнем этапе главную роль играет улучшение управления на всех уровнях власти — начиная с самого высокого до муниципального. Организационно-управленческая культура предполагает серьезную экономическую, научно-техническую и юридическую подготовленность руководителей и участников общественного производства. Сегодня «...культурная доминанта в управлении — категорический императив времени» [1, с. 4]. Она включает, с одной стороны, высокую грамотность работников производственной и научно-технической сферы российской экономики, обеспечивающую развитие всех отраслей на основе новейших достижений научно-технического

прогресса, с другой стороны, настоятельную необходимость ускоренного развития НИОКР, что может быть достигнуто в огромной степени путем овладения иностранными (преимущественно — английским) языками, позволяющими использовать новейшую научно-техническую информацию непосредственно из первоисточников, повысить уровень международного научно-технического, экономического и культурного сотрудничества.

Решение проблемы представляется в рамках глубоко продуманной концепции реорганизации преподавания современного английского языка в России. Сегодня непрерывно повышается интерес к изучению современного английского языка, что обусловлено возрастанием его роли как сред-

ства международного общения, глобального языка науки и техники, теле- и радиовещания, воздушного и морского судоходства, экономических связей и спорта. Несмотря на отмечаемый в стране широкий размах обучения английскому языку на всевозможных курсах, издание разношерстных по уровню качества учебников для вузов, колледжей и школ (в том числе с так называемым углубленным изучением английского языка), все еще острой остается проблема владения грамотной английской речью. Число людей в нашей стране, свободно владеющих повседневным и деловым английским языком, до сих пор незначительно. «Пожалуй, из европейских стран только Россия еще остается страной, в которой простое знание английского языка с минимальными навыками устной и письменной речи — уже профессия. На международных форумах самого разного характера — деловых встречах, выставках и ярмарках, научных конференциях — сопровождение российского руководителя переводчиком, скорее норма, чем исключением из правила. Точно так же и деловая переписка на английском и других иностранных языках чаще всего ведется переводчиками или референтами, а не самими «субъектами общения» [2, с. V]. Отсюда большое значение приобретает реорганизация системного обучения английскому языку как иностранному на основе анализа и преодоления очевидных недостатков, допускаемых типичных ошибок и лексико-грамматических трудностей в процессе обучения. В связи с этим встает вопрос об улучшении учебно-методического обеспечения изучения современного английского языка в общеобразовательных учреждениях, высших учебных заведениях и в системе дополнительного образования, на курсах профессиональной переподготовки представителей различных профессиональных групп.

В настоящее время сложилась критическая ситуация с качеством перечисленных образовательных услуг, не в последнюю очередь связанная с серьезными недостатками в содержании, методике изложения и дидактизации фонетического, лексического и грамматического материала в используемых в России учебных изданиях, вне зависимости от того, опубликованы ли они в нашей стране или в англоязычных странах. В этих изданиях ощущается значительный отрыв от динамично развивающейся современной английской устной и письменной речи, допускаются ошибки и искажения, имеющие систематический характер и превращающиеся в устойчивую дидактическую мифологию, переходящую из учебника в учебник и закрепляющуюся в сознании учителей и учащихся. Среди подобных ошибок особое место

занимают недостаточное отражение достижений современной контрастивной лингвистики, новейших фонетико-орфографических и лексико-грамматических явлений современной английской устной и письменной речи, слабое иллюстрирование примерами соответствий и различий английских и русских грамматических норм, многочисленные неточности в переводах английских реалий, объяснении грамматических конструкций, использование устаревшего грамматического материала, терминологическая перегруженность, смешивание британского и американского вариантов английского языка, серьезные искажения при транслитерации русских имен собственных на английском языке, незнание типов текстов и норм, связанных с их составлением, и пр. Немалую отрицательную роль сегодня играет порою слишком облегченное восприятие английского языка как «простого» для усвоения, не требующего особых усилий в грамматике, акцентирование внимания на так называемом разговорном языке, в процессе освоения которого на многочисленных рекламируемых курсах слушатели не будут особенно утруждать себя изучением языковой системы.

В результате, несмотря на количественный рост часов, уделяемых изучению английского языка, введение преподавания английского языка в начальной школе, наличие многочисленных курсов и центров изучения «разговорного языка», сотен учебников и пособий различного типа, качество знаний снижается, и это характерно не только для выпускников учебных заведений России, но и для широких кругов предпринимателей, научных сотрудников, работников СМИ и пр. Назрела настоятельная необходимость поставить заслон систематическим ошибкам и ляпсусам, содержащимся в учебно-методических изданиях по английскому языку и активно используемых в России, и на этой основе реорганизовать процесс обучения английскому языку в целом.

Первоочередными мерами по реорганизации преподавания английского языка в России, коренному повышению уровня учебно-методического обеспечения процесса обучения представляются:

- утверждение комплексной программы реорганизации преподавания современного английского языка в стране (A Comprehensive Programme of Reorganizing Teaching Contemporary English in Rossiya);
- принятие в качестве основы учебно-методического обеспечения преподавания и изучения современного повседневного и делового английского языка комплекса учебных изданий качественно нового типа, включающего:

- 1) всеобъемлющее справочное учебно-методическое пособие, подробно излагающее основные правила современного английского произношения и правописания и основы практической грамматики. Важнейшие особенности пособия — ориентация на аудиторию обучающихся в России; учет новейших норм и тенденций в фонетике, орфографии, грамматике и лексике британского и американского вариантов современного английского языка; отсутствие типичных ошибок в преподавании английского языка в России;
- 2) эталонный образец учебного пособия для русского студента, разработанного согласно основным принципам программы реорганизации преподавания английского языка (см. ниже) и в соответствии со справочным учебно-методическим пособием.

В качестве необходимого дополнения к двум указанным пособиям целесообразно подготовить и издать:

- 3) лингвострановедческий курс: современная британская и русская антропонимика, топонимика и научно-техническая терминология (фонетические, грамматические и лексические аспекты);
- 4) русско-английский словарь-разговорник для организаторов и участников международных научно-практических конференций на английском языке.

Комплексная программа реорганизации преподавания английского языка как иностранного должна быть основана на следующих принципах: 1) строгая ориентация на аудиторию обучающихся в России, направление учебного процесса на постоянное выявление соответствий и сопоставление явлений, характерных для фонетики, лексики и грамматики русского и английского языков, преодоление закономерных трудностей; 2) оптимальное соотношение британского и американского вариантов современного английского языка; 3) максимальный учет новейших норм и тенденций в фонетике, орфографии, грамматике и лексике этих вариантов [3, с. 39–44]; 4) грамотное и системное овладение как официальной, так и неофициальной устной и письменной речью [4, с. 8–16, 28] без назойливого упора лишь на «разговорную» речь; овладение навыками «англизирования» — передачи идей своего родного языка устно и письменно на грамотном английском языке сегодняшнего дня; 5) повышение уровня коммуникативной и лингвокультурной компетенций обучающихся на основе курса лингвострановедения путем использования в учебном процессе аутентичного страноведческого материала

по географии, истории и культуре основных англоязычных стран (Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии) [5, с. 223–365; 19, с. 92, 93, 154–192], информации о новейших мировых достижениях научно-технического прогресса, а также изучения русской и британской антропонимики и топонимики; 6) неременной составляющей программы курса английского языка должны быть такие практически игнорируемые преподавателями и составителями учебных изданий сферы, как изучение правил английской каллиграфии, грамотного письма и речевого этикета, правильное ведение словаря новых слов и таблицы неправильных глаголов; 7) программа должна предусматривать развитие аудитивной компетенции в отношении не только повседневной, но и деловой коммуникации, привитие профессионально значимых компетенций, например, навыков и умений, связанных с участием в международных научных мероприятиях, организуемых на английском языке, овладение основами современного делового английского языка и коммерческой корреспонденции, включая знание электронного адреса, интернет-адреса и умение вести электронную переписку на международном английском языке (emails and text messages) [8, с. W126–W129; 20, с. 24–43; 21, с. 1–594]; 8) единый подход к использованию системы знаков международной фонетической транскрипции с обязательным выделением особенностей фонетической транскрипции, применяемой сегодня в британском и американском варианте современного английского языка [9, с. 1212–1224]; 9) новейшая русская транслитерация английских (британских и американских) антропонимов, топонимов и научно-технических терминов [11, с. 34, 113, 130, 164; 12, с. 47, 48; 6, с. 25–198]; 10) современная английская транслитерация русских антропонимов, топонимов и научно-технических терминов [10, с. 268–399].

Решение этой проблемы возможно с привлечением имеющихся, но пока не ставших массово востребованными, учебников качественно нового типа — «Современный английский язык для общения без ошибок» [12, с. 1–840] и двухтомника «Современный английский для повседневного и делового общения без ошибок» (автор — доцент Г.Г. Мачхелян) [13, с. 1–440; 14, с. 1–392], а также ряда учебных пособий того же автора, находящихся в печати.

Характерными особенностями этих пособий являются строгая научность в сочетании с критическим подходом к анализу существующей дидактической литературы по английскому языку, комплекс упражнений для постановки правильного британского произношения, овладения орфогра-

фией и пунктуацией, грамматикой современного английского языка, наличие звукового приложения. Важная специфическая черта пособий — опора на сопоставление фонетических, орфографических, лексических и грамматических явлений русского и английского языка, с акцентированием новейших тенденций развития и потенциальных ошибок русскоязычного обучающегося [3, с. XXVI–XXIX; 15, с. 130–134; 16; 17; 18, с. 1–20].

Серьезное внимание уделено проблеме активного расширения словарного запаса русскоязычного учащегося. Многолетняя практика автора доказала эффективность организации работы студента над составлением личного словаря новых слов, вводимых к каждой тематической программе пособия в лексическом комментарии (Vocabulary Notes), принципиально отличающегося структурой от принятой до сих пор примитивной схемы такого словаря, включающей три части: слово — транскрипция — перевод (слова в данном тексте). В пособии предложен новый вид словаря из пяти компонент: 1) порядковый номер слова (No); 2) слово (Word); 3) фонетическая транскрипция, международная или кириллицей (Transcription); 4) значение (значения) слова (в данном тексте и основного, взятого из справочного издания) (Meaning); 5) примечание (Note). В примечании (Note) приводятся не только примеры применения данного слова, но и его синонимы, антонимы, омонимы и характерные особенности употребления, если таковые имеют место быть [13, с. VI, 7–9].

Лексический комментарий к каждой тематической программе состоит из следующих обязательных разделов:

- 1) Активные слова и словосочетания (Words & Word Combinations);
- 2) Собственные имена и географические названия (Proper and Geographical Names);
- 3) Речевые модели (Speech Patterns);
- 4) Список сокращений (List of Abbreviations);
- 5) Дополнительный словарь (Additional Vocabulary).

Последний раздел включает интернациональные слова, русские заимствования, а также «ложных друзей переводчика».

Большое значение придается и проблеме усвоения русскоязычным студентом английских правильных и неправильных глаголов, что обеспечивается приводимыми в пособиях методическими рекомендациями по изучению неправильных глаголов, исключающими возможность допущения учащимся типичных ошибок, присутствующих во всех отечественных изданиях по английскому языку [14, с. 181, 182].

С точки зрения лингвокультурологии эти пособия содержат ценный лингвострановедческий

материал в рамках концепции «живого страноведения», иллюстрирующего все основные ситуации бытового и делового общения в англоязычной среде. В полном смысле слова эти пособия компенсируют лингвокультурный опыт, не полученный пока изучающими английский язык, не посетившими англоязычных стран либо посетившими их без каких-либо положительных последствий для своей лингвокультурной компетенции. Как показывает практика, даже многолетнее пребывание и усиленное изучение английского языка русскими обучающимися в реальной атмосфере живого языка в Великобритании или иной англоязычной стране может в лучшем случае способствовать пониманию собеседника, но не позволяет в полной мере получить языковые, речевые и межкультурные компетенции без непременно предварительного системного изучения английского языка, усвоения норм произношения и простых грамматических норм и правил с последующим наложением на них лексического запаса и более сложных грамматических конструкций. Такое системное изучение позволяет в максимальной степени исключить ошибки и упущения, оно основано на новейших учебно-методических и словарно-справочных источниках, опубликованных в Великобритании и США, которые автор столь же систематически исследует и использует для постоянной корректировки информации в своих изданиях.

В печати: 1) Современная британская и русская антропонимика, топонимика и научно-техническая терминология: учебно-методическое пособие по лингвострановедению (20 а. л., 2015 г.); 2) Научно-практическая конференция. Русско-английский словарь-разговорник. Организатору и участнику международной научной конференции (25 а. л., 2015 г.). Автор: доцент Г.Г. Мачхелян; под ред. д-ра филол. наук, проф. О.А. Радченко, науч. ред. — засл. деят. науки РФ, д-р экон. наук, проф. В.Н. Бобков.

«Современная британская и русская антропонимика, топонимика и научно-техническая терминология» — это пособие, в котором излагаются важнейшие фонетические, грамматические и лексические аспекты современной британской и русской топонимики, антропонимики и научно-технической терминологии, в частности, новые явления в русской транслитерации британских имен и топонимов, изменения в английской практической транскрипции русских антропонимов, топонимов, научных терминов, проблема йотирования и ёфикации, нейтральной лексики (политкорректности), «ложных друзей переводчика», культуры научных публикаций и выступлений, типичные ошибки при изучении топонимов, антропонимов и научно-технической терминологии.

Русско-английский словарь-разговорник «Научно-практическая конференция» — пособие в помощь организаторам и участникам международных научных конференций на английском языке — на всех этапах их организации (планирование, программа, подготовка и проведение, официальные и неофициальные контакты организаторов, участников и гостей).

Таким образом, в заключение проведенного анализа актуальной проблемы культурной доминанты в управлении экономикой России можно сделать вывод о том, что реализация стратегии мобилизационного рывка в экономике страны,

введение постиндустриального уклада требует пересмотра существующей концепции организации системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации по иностранным языкам, проведения реорганизации преподавания английского языка как важнейшего средства международного общения, что позволит максимально эффективно использовать огромный потенциал научно-технической информации, реализации новейших НИОКР, повысить уровень международного научно-технического, экономического и культурного сотрудничества.

Список литературы

1. Столяров Н.С. Речевая агрессия — угроза безопасности России // Вестник АККОР. 2014 (30). № 2.
2. De Vries, Mary A. *Internationally Yours*. М., 2001.
3. Swan, Michael. *Practical English Usage*. Third Edition. Oxford, 2009.
4. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Fourth Edition. Cambridge, 2013.
5. *Encyclopaedia Britannica World Atlas*. Third Printing 2008.
6. Rybkin, AI. *A Dictionary of English Personal Names*. М., 2000.
7. Rybkin, AI. *A Dictionary of English Surnames*. М., 2000.
8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Eighth Edition. Oxford, 2015.
9. *Webster's New Encyclopedic Dictionary*. New York, 1993.
10. *World Atlas Concise*. Sixth Edition. London, New York, Melbourne, Munich, Delhi, 2013.
11. *The American Atlas*. Fifth Edition. SanDiego, CA, 1997.
12. Мачхелян, Гарри Г. Современный английский язык для общения без ошибок. (в помощь преподавателю и студенту): справочное учебно-методическое пособие. Ч. I. М., 2013.
13. Мачхелян, Гарри Г. Современный английский для повседневного и делового общения без ошибок: учебно-методическое пособие. Начальный курс. Ч. I. Основы повседневной и деловой лексики / под науч. ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра экон. наук, проф. В.Н. Бобкова. М., 2014.
14. Мачхелян, Гарри Г. Современный английский для повседневного и делового общения без ошибок: учебно-методическое пособие. Начальный курс. Ч. II. Основы практической грамматики / под науч. ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра экон. наук, проф. В.Н. Бобкова. М., 2014.
15. Мачхелян, Гарри Г. О культуре научных публикаций и выступлений // Уровень жизни населения регионов России. 2014. №1 (191).
16. Вейхман, Г.А. Новое в английской грамматике. М., 2009.

References

1. Stolyarov N. S. Rechevaya agressiya — ugroza bezopasnosti Rossii [Speech aggression - the threat to Russia's security]. «AKSOR» Publ., №2/2014/30
2. De Vries, Mary A. *Internationally Yours*. Moscow, 2001.
3. Swan, Michael. *Practical English Usage*. Third Edition. Oxford, 2009.
4. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Fourth Edition. Cambridge, 2013.
5. *Encyclopaedia Britannica World Atlas*. Third Printing 2008.
6. Rybkin, AI. *A Dictionary of English Personal Names*. Moscow, 2000.
7. Rybkin, AI. *A Dictionary of English Surnames*. Moscow, 2000.
8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Eighth Edition. Oxford, 2015.
9. *Webster's New Encyclopedic Dictionary*. New York, 1993.
10. *World Atlas Concise*. Sixth Edition. London, New York, Melbourne, Munich, Delhi, 2013.
11. *The American Atlas*. Fifth Edition. SanDiego, CA, 1997.
12. Machkhelyan, Garri G. *Sovremennyy angliyskiy yazyk dlya obshcheniya bez oshibok*. (v pomoshch' prepodavatelyu i studentu) [Modern English to communicate without errors. (For Teachers and Students)]. Part I. Moscow, 2013.
13. Machkhelyan, Garri G. *Sovremennyy angliyskiy dlya povsednevnogo i delovogo obshcheniya bez oshibok*. Ch. I. Osnovy povsednevnoy i delovoy leksiki. [Modern English for everyday and business communication without errors. Part I. Basics of everyday and business vocabulary]. Moscow, 2014.
14. Machkhelyan, Garri G. *Sovremennyy angliyskiy dlya povsednevnogo i delovogo obshcheniya bez oshibok*. Ch. II. Osnovy prakticheskoy grammatiki [Modern English for everyday and business communication without errors. Part II. Fundamentals of practical grammar]. Moscow, 2014.
15. Machkhelyan, Garri G. O kul'ture nauchnykh publikatsiy i vystupleniy [On culture of scientific publications and presentations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of regions of Russia], 2014, I. 1 (191).

17. Вейхман Г.А. Английский без грамматических ошибок. М., 2005.
18. Collins Russian Dictionary & Grammar. First Edition. Glasgow, 2013.
19. World Atlas Compact. A Practical Companion to the World Today. Fifth Edition. London, New York, Melbourne, Munich, Delhi, 2012.
20. Compact Oxford English Dictionary of Current English. Oxford, 2013.
21. Longman Business English Dictionary. New Edition. Harlow, Essex, 2007.
16. Veykhman, G.A. *Novoe v angliyskoy grammatike* [New in English grammar]. Moscow, 2009.
17. Vekhman, G.A. *Angliyskiy bez grammaticheskikh oshibok* [English without grammatical errors]. Moscow, 2005.
18. *Collins Russian Dictionary & Grammar*. First Edition. Glasgow, 2013.
19. World Atlas Compact. A Practical Companion to the World Today. Fifth Edition. London, New York, Melbourne, Munich, Delhi, 2012.
20. *Compact Oxford English Dictionary of Current English*. Oxford, 2013.
21. *Longman Business English Dictionary*. New Edition. Harlow, Essex, 2007

Правовое регулирование геноцида на примере Республики Армения

Legal Regulation of Genocide by the Example of the Republic of Armenia

Получено 19.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 347

DOI: 10.12737/13557

АГАДЖАНИАН М.А.

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин МИЭПП
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: manvel91@mail.ru

AGHAJANIAN, MA

Post-graduate Student of the Department of Criminal Law MIEPP
29 4th Parkovaya Street, Moscow, 105043, Russia
E-mail: manvel91@mail.ru

Аннотация

В статье раскрывается сущность геноцида на ярком примере истории Республики Армения, теоретические проблемы, связанные с определением понятия геноцида. Проводится анализ научных позиций по предмету исследования. Анализируется историческая хроника преступления.

Abstract

The article reveals the essence of genocide, on a bright example of the history of the Republic of Armenia. Examines the theoretical problems associated with the definition of genocide. The analysis of the scientific point of view on the subject of the study. Analyzes the historical chronicle of crime.

Ключевые слова: геноцид, международное право, уголовное право, Армения, ООН, наказание, законодательство.

Keywords: genocide, international law, criminal law, Armenia, UN punishment legislation.

Мировое сообщество и геноцид: правовой анализ

«Резня армян — величайшее преступление этой войны, и если нам не удастся выступить против Турции, значит, мы потворствуем им... Неудача радикальной борьбы с турецким ужасом означает, что все разговоры о будущем мире во всем свете — чепуха»¹, — Теодор Рузвельт (26-й Президент США, 1918) [1].

Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. ООН «...геноцид — международное преступление. Действия, осуществляемые с целью частичного или полного уничтожения каких-либо национальных, этнических, расовых или религиозных групп. Страны, подписавшие конвенцию, обязывались предотвращать геноцид, а также карать за его совершение» [1997, 2, с. 68–71].

Геноцид армян, совершенный 24 апреля 1915 г. османами, стал первым в новой истории широко-масштабным международным преступлением, совершенным с целью уничтожения целого народа. Одной из причин выступил тот факт, что Армения и армянский народ исповедовали христианство —

единственный народ, не считая соседствующую Грузию, которые сохранили свою религию и самобытность, живя на территории исламского государства. Армяне составляли сильнейший этнический барьер для осуществления турецких идей «пантюркизма» и имели в то время русскую ориентацию. Эти обстоятельства явились одной из основных причин осуществления геноцида армян 1915 г. Присутствовали также экономические, политические и идеологические факторы.

В соответствии с заранее разработанным планом все армянское население, без различия возраста и пола, было преднамеренно уничтожено на 9/10 территории его исторической родины. С беспрецедентной жестокостью, по сравнению с которой меркнут все известные в истории человеческой патологии случаи массовых убийств, были лишены жизни 1,5 млн армян; около 800 тыс. человек бежали из страны, которую их предки населяли на протяжении тысячелетий. Сегодня потомки этих беженцев — 2 млн 225 тыс. зарубежных армян, рассеянные в 84 странах мира, — находятся на положении «народа-изгнанника» и до сих пор испытывают последствия этого чудовищного преступления.

Но идеология правящей верхушки нынешней Турции спустя 100 лет не сильно отличается от

¹ Из письма Кливленду Гудли Доджу, 11 мая 1918 г.

своих предков. Так, на вопрос: «Что мешает Турции признать геноцид армян и при каких обстоятельствах это могло бы произойти?» экс-премьер Турции Тансу Чиллер ответил: «Вы не устали вспоминать об этом? Учтите, постоянно апеллируя к прошлому, далеко не уедете. Наоборот, всегда будете в проигрыше, поскольку вас всего 3 миллиона и окружены вы 60 миллионами турок и 7 миллионами азербайджанцев. Всегда помните об этом» [1997, 3].

Пьер Видаль-Наке говорит, что официальное «государственное мнение» Турции по этому вопросу выражается следующим алогизмом: «Геноцида армян не было; этот геноцид был полностью обоснован; армяне сами себя вырезали; это армяне вырезали турок» [1984, 4, pp. 12, 13].

Правительство Турции и те страны, которые, не признавая факта геноцида армян, поддерживают политику фальсификации, попросту закрывают глаза на многочисленные факты как исторического, так юридического характера.

Правовое регулирование геноцида

Комитет по борьбе с геноцидом при Правительстве Республики Армения собрал более 8 тыс. документов-обвинений, которые оголяют турецкое варварство. Обратимся к некоторым из них:

Одним из первых является документ «Обращение армянского населения Османской империи к католикосу всех армян Геворку IV», датированный 1876 г.

Задолго до событий апреля 1915 г. армянское население уже было обеспокоено притеснениями на религиозной почве. «Ныне нам, отчаявшимся, остается обратиться к Западу (прим. 1), быть может, христианские государства и народы посочувствуют армянам и ту защиту, которую намерены оказать болгарам, соизволят пожаловать и нам», — писали они.

В 1914 г. русский генеральный консул, выступая очевидцем событий, рассказывает послу в Константинополе: «Здесь армяне пережили в пятницу настоящую панику. Утром большинство лавок было закрыто, и армяне с минуты на минуту ждали нападения. Несмотря на возбужденное состояние мусульман, подстрекаемых иттихадистами под руководством столичного эмиссара Хильми-бея, иттихадский клуб, по инициативе германского консула, устроил на окраине города призовую стрельбу из револьверов. Собралось большинство местных хулиганов, или дадашей, со своим оружием, и сам консул принимал участие в стрельбе, на которую были приглашены лишь мусульмане, даже из ближайших к

городу селений. Подобная несвоевременная и дотоле неизвестная забава породила среди армян уверенность в наступлении момента резни и вызвала опасение среди русских подданных, почему я протестовал перед вали через драгомана против забавы, сеющей панику. Армяне уверены, а дадаши открыто говорят, что резня лишь отложена» [1977, 5, с. 255].

Из телеграммы немецкого консула Шойбнера в Посольство в Константинополе от 2 июня 1915 г. мы узнаем: «Мои переговоры с главнокомандующим относительно выселения армян не привели к положительным результатам. Армянское население из всех долин, по-видимому, и из Эрзрума, должно быть выслано в сторону Дейр эл-Зора. Эта депортация большого масштаба равносильна массовому уничтожению, т.к. из-за отсутствия каких-либо транспортных средств даже половина депортируемых едва ли достигнет живыми места назначения, и, видимо, депортация эта повлечет за собой не только разорение армян, но и всей страны. Основания военного характера не могут быть подведены под эти акции, потому что возможность восстания местных армян исключена, ибо депортируемые — это старики, женщины и дети. Армяне, которые переходят в ислам, не высылаются. Осмотренные мной покинутые армянские деревни были разграблены; разграблен также и монастырь Кизилванк, церковь которого опустошена»².

И вот уже 100 лет прошло с тех зверских событий, но армяне всего мира вели и ведут все эти годы борьбу с этой исторической несправедливостью, требуя признания всей мировой общественности факта геноцида, в частности признания Турцией.

Результатами «борьбы» стали международные документы — доказательства.

Одним из первых является Декларация 24 мая 1915 г. по вопросу о геноциде армян. В совместной Декларации стран-союзниц — Великобритания, Франция и Российская империя — убийства армян стали первым признанным преступлением против человечества. В документе говорилось: «Ввиду новых преступлений Турции против человечества и цивилизации, правительства Союзных государств публично заявляют о личной ответственности за эти преступления всех членов Османского правительства, а также тех их агентов, которые вовлечены в такую резню» [1985, 6].

Следующий документ — Конвенция ООН о предотвращении преступлений геноцида и наказании. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.

² Телеграмма немецкого консула Шойбнера в Посольство в Константинополе от 2 июня 1915 г.

Так, 26 июля 1950 г. в письме Р. Лемке писал: «Эта Конвенция — вопрос совести и испытание нашего личного отношения ко злу. Я знаю, что в июле и августе слишком жарко, чтобы работать, но, не желая быть сентиментальным или прибегать к цветистым фразам, все же скажу: давайте не будем забывать, что жара этого месяца не так тяжела для нас, как жара печей Аушвица и Дахау или убийственная жара пустыни Алеппо, которая испепелила тела сотен тысяч армян-христиан — жертв геноцида 1915 года» [1990, 7].

Относятся также следующие документы:

Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала 1950 года;

Женевские конвенции 1949 года;

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года;

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года;

Конвенция о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года;

Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 года;

Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года; и некоторые другие [1997, 3].

На данный момент геноцид армян признали 20 государств.

Россия постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ 1995 г. признала и осудила геноцид армян 1915 г. [2014, 8].

Такого рода примеры можно было бы приводить без конца, но и этого достаточно, чтобы убедиться, что в этих общепринятых оценках в конкретной форме присутствовали элементы определения: «убийство целой национальной группы». Геноцид XX в. стал реальной основой для появления и утверждения этого термина и определения состава самого преступления. Несмотря на это, виновники зверств не готовы признать очевидных фактов, которые у адекватного человека вызвать сомнений не могут. Самым новым документом является «Всеармянская декларация к 100-летней годовщине Геноцида армян». Декларация была единогласно принята на заседании комиссии по координации мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида армян. Президент Армении отметил, что один экземпляр декларации будет направлен генсеку ООН, один экземпляр будет передан в Национальный архив Армении. Считаю, что это яркое и четкое заявление Армении того, что у таких преступлений нет срока годности, что мы помним, мы боремся. И будем бороться до тех пор, пока правосудие не восторжествует.

Список литературы

1. Официальный сайт к 100-летию геноцида армян. <http://armeniangenocide100.org/ru/>
2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 9 декабря 1948 г. // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 68–71.
3. Общественно-политический журнал «Армения & Мир», МО «Российско-Армянское Содружество». Москва. 1997. № 2 (3).
4. Tribunal Permanent des Peuples le crime de silence le gynocide des armyniens. Pryface de Pierre Vidal-Naquet. Paris. Flammarion, 1984. Pp. 12, 13.
5. Броунли Я. Международное право. Кн. II. М.: Прогресс, 1977. С. 255.
6. Вестник общественных наук. 1985. № 9 (513).
7. Барсегов Ю. Геноцид армян — преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации). Ереван: Айастан, 1990.
8. Уголовное право Армении и России / отв. ред. С.С. Аветисян и А.И. Чучаев. М.: Контракт. 2014.

References

1. Ofitsial'nyy sayt k 100-letiyu genotsida armyan [The official website for the 100th anniversary of the Armenian Genocide]. Available at: <http://armeniangenocide100.org/ru/>
2. Konventsiya o preduprezhdenii prestupleniya genotsida i nakazanii za nego 09.12.1948 [Genocide Convention 09/12/1948]. *Deystvuyushchee mezhdunarodnoe pravo* [The current international law]. V. 2. Moscow, Moskovskiy nezavisimyy institut mezhdunarodnogo prava Publ., 1997, pp. 68 - 71.
3. Obshchestvenno-politicheskiy zhurnal «Armeniya & Mir» [Socio-political magazine «Armenia & World»]. Moscow, I. 2 (3), 1997
4. Tribunal Permanent des Peuples le crime de silence le gynocide des armyniens. Pryface de Pierre Vidal-Naquet. Paris. Flammarion, 1984, pp. 12-13.
5. Brounli Ya. *Mezhdunarodnoe pravo* [international law]. Book II, Moscow, Izd-vo «Progress» Publ., 1977, p. 255.
6. *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Social Sciences], 1985, I. 9 (513)
7. Barsegov Yu. «Genotsid armyan — prestuplenie protiv chelovechestva» (o pravomernosti termina i yuridicheskoy kvalifikatsii) [Armenian Genocide - a crime against humanity (the term of the legality and legal training)]. Erevan, Izdatel'stvo «Ayastan» Publ., 1990.
8. Avetisyan S.S., Chuchaev A.I. *Ugolovnoe pravo Armenii i Rossii* [Criminal Law of Armenia and Russia]. Moscow, Kontrakt Publ., 2014.

Уровень и качество жизни населения как основа формирования конкурентоспособности рабочей силы региона

The Standard of Living and Quality of Life of the Population As the Foundation for Building a Competitive Workforce in the Region

Получено 19.06.2015 Одобрено 22.07.2015 Опубликовано 17.09.2015

УДК 330.341

DOI: 10.12737/13558

ШУНЯЕВ А.В.

ст. преподаватель кафедры экономики и управления на воздушном транспорте Московского государственного технического университета гражданской авиации
125993, Россия, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20
E-mail: y-m2002@mail.ru

SHUNYAEV A.V.

Assistant Professor, Chair of Economics and Aircraft Management
Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTU CA)
20, Kronstadtsky blvd., 125993, Moscow, Russia
E-mail: y-m2002@mail.ru

Аннотация

Актуальность. Формирование и развитие конкурентоспособности рабочей силы — процесс постоянный, происходящий в определенных условиях и под влиянием совокупности внешних и внутренних причин. По степени влияния на развитие способностей человека к труду важнейшими являются социально-экономические факторы, прежде всего уровень и качество жизни населения.

Объект. Конкурентоспособность рабочей силы, уровень и качество жизни населения.

Предмет. Формирование теоретических основ конкурентоспособности и качества рабочей силы. Анализ дифференциации регионов: по индексу человеческого развития; уровню: валового регионального продукта, занятости населения, денежных доходов и покупательной способности, заработной платы, расходов, образования, здравоохранения, численности и естественного движения населения, обеспеченности жильем.

Цель. Определить влияние уровня и качества жизни населения на развитие способностей человека к труду и его конкурентных преимуществ на рынке труда на современном этапе.

Основные положения статьи. Предложены параметры, оказывающие непосредственное влияние на соотношение и развитие конкурентоспособности и качества рабочей силы на уровне региона. На основе проведенного экономико-статистического анализа с учетом синтетической типологии регионов выявлены проблемы уровня и качества жизни населения. Сделан вывод: качество жизни значительной части населения России остается низким, что оказывает негативное влияние на развитие способностей человека к труду и его конкурентные преимущества на рынке труда. Сформулированы предложения по повышению конкурентоспособности совокупной рабочей силы на основе выравнивания социально-экономического развития регионов.

Ключевые слова: рабочая сила, качество, конкурентоспособность, уровень и качество жизни, индекс развития человеческого капитала, рынок труда, регион, классификация, доходы, дифференциация.

Abstract

Actuality. Building and further developing a competitive workforce is an ongoing process taking place under certain conditions and driven by both exogenous and endogenous factors. Socio-economic factors, primarily, the standard of living and quality of life of the population, are most important in terms of their impact on the development of an individual's ability to work.

Object. Competitiveness of the workforce, the standard of living and quality of life of the population.

Subject. Establishing a theoretical foundation for the competitiveness and quality of the workforce. Regional differentiation analysis: By HDI (Human Development Index), GRP (Gross Regional Product), employment rate of the population, income and purchasing power, compensation, expenses, education, healthcare, size and natural movement of the population, housing per capita.

Purpose. To define the impact of the standard of living and quality of life of the population on the development of an individual's ability to work and his/her competitive advantage on the labour market at present.

The main provisions of the article. The article proposes parameters exerting direct effects on the ratio and development of the competitiveness and quality of the workforce at the regional level. In accordance with the economic and statistical analysis performed, with due regard to the synthetic typology of regions, the article identifies a range of issues related to the standard of living and quality of life of the population. The article concludes that the quality of life of a significant part of the population in Russia is still low, which has an adverse impact on the development of an individual's ability to work and his/her competitive advantage on the labour market. The article formulates a proposal for raising competitiveness of the aggregate workforce based on the alignment of the socio-economic development of regions.

Keywords: workforce, quality, competitiveness, standard of living and quality of life, HCI (Human Capital Index), labour market, region, classification, income, differentiation.

Решение важнейшей задачи — переход на инновационный путь развития экономики России — представляется возможным лишь при качествен-

ном развитии способности личности к труду. Последствия мирового финансово-экономического кризиса явственно продемонстрировали всю

опасность ее ориентации на экспортно-сырьевую модель. Экономический спад как следствие названных обстоятельств усиливает потребность решения проблем социально-трудовой сферы, прежде всего формирование конкурентоспособной рабочей силы на основе повышения ее качества.

Конкурентоспособность рабочей силы как форма проявления ее качества в рыночной экономике

Конкурентоспособность традиционно рассматривается применительно к товару как объекту рыночных отношений. М. Портер, характеризуя преимущества государств и отдельных территорий, видит в конкурентоспособности источник результативности применения национальных ресурсов – как капитала, так и труда [Портер, 2000, 10, с. 20, 21]. Р.И. Фатхутдинов считает, что конкурентоспособность выражается в системе черт участника экономического процесса, которому присуща мера действительного или потенциального соответствия определенным интересам в сопоставлении с подобными структурами, функционирующими на рассматриваемом рынке [Фатхутдинов, 2003, 15, с. 31–43].

Во многих исследованиях сущность конкурентоспособности рабочей силы представлена как равновесное взаимодействие закона спроса на труд и закона предложения труда. Она определяется как величина ее профессионально-квалификационного уровня, позволяющая ее носителю «конкурировать», «соперничать», претендовать на «качественные», «престижные» рабочие места. Например, по мнению Т.И. Безденежных, экономическое понятие «конкурентоспособность рабочей силы» отражает сущность конкурентных отношений субъектов рынка труда. Эти отношения характеризуют уровень развития носителей рабочей силы и их способность выдержать конкуренцию на данном целевом рынке [Безденежных, 2005, 2, с. 7, 8].

Представляется, что такая трактовка конкурентоспособности не в полной мере отражает сущность и содержание исследуемого понятия. На наш взгляд, основным показателем конкурентоспособности рабочей силы служит не только победа в конкурентной борьбе за рабочее место, но прежде всего возможность ее носителя обеспечить конкурентоспособность выпускаемой продукции или оказания услуг, что в значительной мере зависит от качества рабочей силы.

Конкурентоспособность рабочей силы и качество рабочей силы тесно связаны. Вместе с тем

эта взаимосвязь не является прямолинейной. Зачастую дополнительные вложения, направленные на повышение качественных характеристик рабочей силы, выходящие за рамки интересов работодателя и не отражающиеся на эффективности производства, не рассматриваются им при оценке конкурентоспособности работника. Поэтому последствия конкуренции на рынке труда различны и не всегда предсказуемы. В конкуренции зачастую побеждают работники, менее квалифицированные, но более адаптированные к условиям определенной конкурентной среды, умеющие оптимально использовать способности к саморекламе.

Таким образом, можно сделать вывод, что конкурентоспособность рабочей силы отражает конкурентные отношения субъектов рынка труда, определяет соответствие уровня развития рабочей силы конкретной временной общественной потребности и интересам ее применения. При этом качество рабочей силы трактуется как уровень развития совокупных способностей человека к труду в условиях существующего технологического уклада, а ее конкурентоспособность отражает степень соответствия качественных характеристик способности к труду социально-экономическому этапу развития страны и ее регионов.

Конкурентоспособность носителя рабочей силы зависит от территориальной специфики, временного периода и конкретных условий производства, а также экономических интересов работодателя. Работодатель, стремясь уменьшить себестоимость выпущенной продукции или оказанных услуг, как правило, заинтересован в использовании квалифицированных работников при минимальных издержках, а носитель рабочей силы стремится предложить ее по цене, достаточной для поддержания и развития его человеческого потенциала. Как показывает практика, низкая цена рабочей силы зачастую становится весомым конкурентным преимуществом претендентов на рабочие места. Однако в этом случае происходит снижение мотивации работника в повышении производительности труда, уровня человеческого капитала и в конечном итоге утрате конкурентоспособности не только индивидуума, но и самой организации.

Конкурентоспособность рабочей силы формируется на различных уровнях: личном (отдельный работник), микроуровне (организация, предприятие, корпорация), мезоуровне (регионы, отрасли), макроуровне (государство). Конкурентоспособность региональной рабочей силы во многом зависит не только от ее качества, но и от географического положения субъекта, развития экономики и социальной сферы, институциональ-

ной политики властей, уровня внешнеэкономических и межрегиональных связей, развития инфраструктуры рынка труда.

Большое значение для определения качества рабочей силы на региональном уровне с позиции ее конкурентоспособности имеет правильное установление параметров, оказывающих непосредственное влияние на их соотношение и развитие. К параметрам, определяющим конкурентоспособность рабочей силы на уровне региона, можно отнести множество показателей: состояние здоровья населения; распределение работников по отраслям сферы материального производства и услуг; способность к участию в трудовых процессах с высоким уровнем организации труда и технической оснащенности; способность не только осваивать достижения научно-технического прогресса, обусловленные вступлением предприятий в новый технологический уклад, но и предлагать свои решения по рационализации деятельности организаций; способность к миграции в регионе в связи с изменением условий труда и жизни; способность к систематическому обновлению знаний при наличии системы опережающей подготовки работников и непрерывного процесса переподготовки в течение трудового периода; способность работника к адаптации, т.е. возможность приспосабливаться к изменениям на рынке труда (менять квалификацию и уровень профессионализма), содержанию, условиям трудовой деятельности и непосредственной социальной среде; профессиональная и территориальная мобильность работников.

Уровень и качество жизни — определение, система индикаторов

Формирование и развитие конкурентоспособности рабочей силы — процесс постоянный, происходящий в определенных условиях и под влиянием совокупности внешних и внутренних причин. По степени воздействия на развитие способностей человека к труду и, соответственно, на конкурентоспособность работника важнейшими являются социально-экономические факторы, прежде всего уровень и качество жизни населения. В работе «Принципы экономической науки» А. Маршалл подчеркивал необходимость поддержания нормального уровня жизни человека, влияющего на его работоспособность и развитие рабочей силы. Дефицит жилья или топлива вынуждает человека жить в стесненных условиях, вредящих здоровью. Некачественные дома с плохой канализацией способствуют болезни, резко ослабляющей жизненные силы людей; многие другие жилищные

проблемы рождают нравственное уродство, сокращающее жизнь и портящее характер любого человека [Маршалл, 1993, 9, с. 272].

Под уровнем жизни принято понимать степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения. Для измерения уровня жизни наиболее часто используются следующие группы индикаторов: ВВП на душу населения и доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств в ВВП; доходы на душу населения, заработная плата, показатели распределения населения по уровню среднедушевого дохода; общий уровень потребления материальных благ и услуг; общий уровень безработицы; доля государственных расходов на образование и здравоохранение; образовательный уровень и обеспеченность населения услугами здравоохранения.

В середине 50-х гг. в мировом обиходе появился термин «качество жизни». В связи с лозунгами о благоденствии народов, правах и свободах людей. Л.С. Бабынина определяет содержание понятия «качество жизни» как совокупность жизненных ценностей личности, характеризующих виды его деятельности, структуру потребностей и степень их удовлетворения, условия жизни человека в обществе и гармоничные отношения с природной средой, в целом создающих ощущение счастья и удовлетворенность жизнью [Бабынина, 2007, 1, с. 17]. Как видим, качество жизни — более широкое понятие, чем уровень жизни, и кроме материальной обеспеченности включает такие факторы, как условия окружающей среды, ожидаемая продолжительность жизни, социальное окружение, удовлетворение культурных и духовных потребностей, психологический комфорт и т.п.

Качество жизни предопределяет качество человеческих ресурсов, основы конкурентоспособности экономически активного населения. Основным обобщающим индикатором качества жизни выступает Индекс человеческого развития (ИЧР), до 2013 г. — ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала). Индекс человеческого развития учитывает: индекс валового национального дохода, индекс ожидаемой продолжительности жизни, индекс образования, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения. Данные ежегодных докладов о развитии человеческого потенциала в мире, подготовленные Программой развития ООН (ПРООН), определяют качество человеческих ресурсов, которыми располагают страны мира.

Анализ индикаторов качества жизни населения России выявил, что за годы реформ не произошло значительного роста жизненных условий боль-

шинства населения как в экономическом, так и в социальном аспектах. В первом рейтинге ООН, определившем уровень человеческого развития по странам (опубликован в 1990 г.), СССР занимал 26-е место, к 2005 г. — 71-е. Согласно докладу ПРООН 2014 г., Россия с ИЧР — 0,778 находится на 57-й позиции, входит в список высокоразвитых стран. Наша страна по-прежнему занимает первые строчки индекса по числу врачей, доле студентов вузов в общей численности населения и уровню грамотности. Образованность жителей России близка к уровню самых развитых стран мира — Японии, Ирландии, Швейцарии, Австрии, Германии, Франции; уровень грамотности составляет 99,6%, число поступивших в средние и высшие учебные заведения — 88%, общий индекс уровня образования — 0,95 [ПРООН, Доклад, 2014, 5].

Основной причиной, снижающей уровень ИЧР России, является прежде всего низкий показатель долголетия (129-е место в мире по продолжительности жизни). Данный факт указывает на явно неэффективное использование человеческого потенциала в России. Согласно статистическим данным, уровень здоровья российского населения за годы реформ резко снизился. Вновь начали распространяться болезни, которые в СССР были ликвидированы, не уменьшается инвалидность. Всего, по данным Росстата, на начало 2014 г. в стране зарегистрировано 12,4 млн инвалидов, почти 9,0% населения, доля лиц трудоспособного возраста среди всех лиц, впервые признанных инвалидами, достигла почти 50% [Здравоохранение, 2013, 8, с. 160, 161].

На основе проведенного экономико-статистического анализа выявлена значительная дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню ИЧР. Различия по этому показателю достигают 13,6 раза. До введения санкций самые высокие показатели ИЧР по валовому внутреннему продукту на душу населения (ВВП), исчисленному по паритету покупательной способности (ППС), имели сырьевые экспортно-ориентированные регионы: Республики Коми и Саха (Якутия), Тюменская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, финансовые центры — города Москва и Санкт-Петербург, а также области, опирающиеся на развитую добывающую промышленность, — Красноярский край, Белгородская область (ВВП от 27,1 до 69,9 тыс. долл.). Низкий душевой ВВП от 5,2 до 9,2 тыс. долл. характерен для девяти субъектов федерации, преимущественно слаборазвитых аграрных республик Северо-Кавказского, Южного и Сибирского регионов. В боль-

шинстве регионов индекс дохода был в средних пределах при ВВП 11,5–2,5 тыс. долл. (табл. 1).

Ограниченный перечень показателей по ИЧР не дает полной картины качества жизни в регионах. Рейтинговые агентства «РИА Рейтинг» разработали методику, и в 2014 г. в третий раз провели исследование оценки диспропорций в этой области, в результате составили рейтинг регионов по качеству жизни «Рейтинг качества жизни — 2014». Итоги проведенного рейтинга практически лишь подтвердили данные по ИЧР. В десятке лидеров существенных изменений немного, первые позиции по многим показателям в рейтинге по-прежнему занимают города Москва и Санкт-Петербург. Негативно влияет на качество жизни жителей в обеих столицах лишь экология. Десятка регионов, замыкающая рейтинг, осталась практически неизменной [Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» 2014, 14, с. 3].

Как показывает анализ, между уровнем индекса дохода и остальными социальными индикаторами ИЧР нет прямой зависимости. Низкие значения продолжительности жизни сегодня отмечаются в территориальных образованиях Восточной Сибири и Дальнего Востока, Центральной и Северо-Западной России, имеющих различный индекс дохода. Так, в некоторых дотационных регионах индекс долголетия выше, чем в высокоразвитых субъектах Российской Федерации. Например, в Ингушетии (душевой ВВП — 5,5 тыс. долл.) продолжительность жизни к 2013 г. достигла 78,8 лет, самая высокая по стране, а в Сахалинской области, имеющей наивысший индекс дохода 1,0 (ВВП — 58,6 тыс. долл., индекс долголетия один из самых низких (менее 0,7) [Доклад, 2014, 11, с. 54, 55]. На наш взгляд, данный факт связан с природно-климатическими условиями жизни и труда населения, религиозными и социокультурными традициями, структурой питания, уровнем здравоохранения и социальной защиты.

Низкий уровень экономики и высокая рождаемость, характерные для некоторых депрессивных регионов (преимущественно Северо-Кавказского федерального округа), приводят к росту безработицы и оттоку работающего населения в другие регионы. Трудовые ресурсы Дальнего Востока и ряда областей Приволжского и Уральского федеральных округов продолжают также сокращаться за счет миграции населения в экономически развитые регионы Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов, повышая конкуренцию между потенциальными работниками на рынке труда этих территорий и, тем самым, обесценивая местную рабочую силу.

Таблица 1

Показатели индекса человеческого развития (ИЧР) по отдельным регионам Российской Федерации в синтетической классификации (по данным за 2011 г.)*

	Душевой ВВП по ППС, долл.	Индекс дохода	Продолжительность жизни	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся 7-24 лет, %	Индекс образования	ИЧРП 2011 (с 2013 ИЧР)
Российская Федерация	22496	0,904	69,83	0,747	99,7	0,737	0,91	0,854
Высокоразвитые								
Финансово-экон. центры								
г. Москва	43313	1	75,79	0,847	99,99	0,897	0,965	0,937
Московская область	20444	0,888	70,36	0,756	99,9	0,626	0,875	0,84
г. Санкт-Петербург	27926	0,94	73,06	0,801	99,9	0,888	0,962	0,901
Сырьевые экспортно-ориентированные регионы								
Республика Коми	29447	0,949	67,95	0,716	99,7	0,79	0,928	0,864
Тюменская область	69997	1	70,45	0,758	99,7	0,742	0,912	0,89
Сахалинская область	58557	1	65,68	0,683	99,7	0,71	0,901	0,861
Развитые								
Регионы с диверсифицированной экономикой								
Ростовская область	12811	0,81	70,28	0,755	99,7	0,728	0,907	0,824
Республика Татарстан	28092	0,941	71,3	0,772	99,7	0,786	0,927	0,88
Нижегородская область	17634	0,863	68,48	0,725	99,7	0,754	0,916	0,835
Свердловская область	20695	0,89	69,29	0,738	99,8	0,755	0,917	0,848
С опорой на обрабатывающую промышленность								
Ленинградская область	22520	0,904	69,44	0,741	99,8	0,478	0,825	0,823
Челябинская область	17419	0,861	68,79	0,753	99,7	0,765	0,92	0,845
С опорой на добывающую промышленность								
Белгородская область	27553	0,938	71,71	0,779	99,7	0,743	0,912	0,876
Республика Башкортостан	19106	0,877	69,04	0,734	99,6	0,764	0,919	0,843
Красноярский край	28387	0,943	68,27	0,679	99,6	0,75	0,914	0,845
Кемеровская область	23288	0,91	66,18	0,682	99,7	0,717	0,904	0,832
Среднеразвитые								
Промышленно-аграрные регионы								
Владимирская область	13074	0,813	68,08	0,718	99,7	0,709	0,901	0,811
Ивановская область	9294	0,756	68,56	0,726	99,7	0,719	0,904	0,796
Приморский край	16306	0,85	67,17	0,693	99,8	0,758	0,918	0,82
Аграрно-промышленные регионы								
Брянская область	11571	0,793	68,83	0,731	99,6	0,722	0,905	0,809
Воронежская область	13895	0,824	70,41	0,757	99,6	0,77	0,921	0,834
Краснодарский край	17134	0,858	71,15	0,769	99,8	0,699	0,898	0,842
Менее развитые								
Сырьевые регионы								
Магаданская область	23198	0,909	65,99	0,664	99,8	0,902	0,966	0,846
Чукотский автономный округ	35661	0,981	61,58	0,639	99,7	0,679	0,891	0,837
Аграрные регионы								
Республика Дагестан	9035	0,752	74,26	0,821	99,2	0,524	0,836	0,803
Республика Ингушетия	5489	0,669	76,29	0,855	98,2	0,5	0,821	0,782
Чеченская Республика	5118	0,657	72,13	0,786	98,3	0,615	0,86	0,768

*Составлено автором на основе синтетической типологии регионов.

Источник: [Григорьев, 2011, 4, с. 41]; по данным Федеральной службы государственной статистики [Доклад, 2014, 6, с. 40–42].

Повышение конкурентоспособности трудовых ресурсов требует инвестирования в развитие человеческого капитала. Развитие возможно лишь при соответствующем уровне доходов населения, что дает возможность человеку получить полноценное питание, медицинскую помощь, качественное профессиональное образование и т.д.

Важными показателями уровня дохода населения являются его величина, структура, использование, отношение к величине прожиточного минимума, дефицит денежного дохода. Семья, располагающая среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума, имеет право на социальные выплаты.

Денежные доходы населения включают: доходы от предпринимательской деятельности, доход, получаемый в виде заработной платы, социальные выплаты; доходы от собственности, другие доходы (в основном получаемые от занятости в неформальном секторе экономики) (рис. 1).

Рис. 1. Структура денежных доходов населения Российской Федерации в 2014 г.

Источник: [Россия в цифрах, 2015, 12, с. 126]

Основным источником денежных доходов домохозяйств в России является заработная плата,

выплачиваемая рабочим и служащим компаниями или государственными учреждениями, в которых они работают, как вознаграждение за труд. Заработная плата является ценой трудовых ресурсов, задействованных в производственном процессе (оплата труда работника), или вознаграждением за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационных и стимулирующих выплат. Достойный уровень оплаты труда повышает мотивацию индивида к профессиональному росту и во многом определяет производительность труда.

В настоящее время средние величины зарплаты работников в масштабе конкретной отрасли (вида деятельности) в диапазоне максимальных и минимальных значений могут различаться в 15–20 раз. Максимальные и минимальные величины средних вознаграждений по различным видам деятельности колеблются в 6–7, а между регионами — в 7–8 раз. Такие различия не допустимы с позиций воспроизводства рабочей силы, низкая оплата труда ведет к снижению качества трудовых ресурсов, так как снижается востребованность работников, имеющих высокую квалификацию, и не мотивирует работодателя к обновлению средств производства и внедрению новых технологий.

Высококвалифицированная рабочая сила, цена рабочей силы может быть конкурентоспособна при условии наличия в регионе предприятий и кластеров, осуществляющих развитие производства за счет внедрения передовых технологий и инноваций, имеющих высокий уровень производительности труда и заработной платы, достойные условия жизни и труда, способствующие улучшению состояния здоровья работников, повышению

Таблица 2

Динамика среднедушевых денежных доходов и среднемесячной заработной платы в России за 2000–2015 гг.*

	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014/2000	2015 (01-06 м.)	2015/2014, %
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2281	8088	16895	18958	20780	23221	25928	27755	12,2 раза	29819	107
Реальные располагаемые денежные доходы, в процентах к предыдущему году	112	112	103	106	100	105	104	99		96,5	
Среднедушевые денежные расходы населения (в месяц), руб.	2218	7968	16835	18529	20441	23219	25736	27688	12раз	-	
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	2223	8555	18638	20952	23369	26629	29792	32611	14,7 раз.	35930	110
Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	121	113	97	105	103	108	105	101		92,8	

* Источник: Составлено автором по данным [Россия в цифрах, 2015, 12, с. 117–119; Доклад «Социально-экономическое положение России», 2015, 7]

уровня их квалификации, профессиональной переподготовки и переобучения.

В связи с кризисными явлениями в экономике положение основной массы занятых в 2008–2009 гг., а затем в 2014–2015 гг. ухудшилось. В 2014 г. рост среднедушевых доходов составил 7,5%, но реально располагаемые доходы уменьшились на 1%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась за год на 2819 руб. (9,5 %), но реальная начисленная заработная плата выросла всего на 1% (табл. 2).

Самый высокий уровень среднедушевого дохода имеют сырьевые финансовые центры — Москва и Санкт-Петербург; экспортно-ориентированные регионы Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа Республики — Коми и Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, где этот показатель выше, чем в среднем по стране, в 1,5–2,6 раза. Низкий душевой доход, менее 70% от среднего по стране, наблюдается в республиках Калмыкия, Ингушетия, Мари-Эл, Алтай и Тыва, а также в Кировской, Курганской, Псковской областях (табл. 3).

Уровень бедности зависит от способа его измерения. Применение национальной черты бедности, определяемой по прожиточному минимуму, определяет уровень бедности как долю населения с доходами ниже ПМ. Этот способ измерения показывает абсолютную бедность [Бобков, 2012, 3, с. 174]. К 2014 г. доля работающих с заработной платой от 1 до 3 БПМ выросла с 47,4% до 50,2%; повысился удельный вес тех, чья заработная плата находилась в диапазоне 3–7 БПМ, с 27,2% до 29,8%; доля же средне- и высокооплачиваемых работников сжалась с 11,2% до 7,4%. В целом величина заработной платы, недостаточная для жизни по средним стандартам, более чем у 90% занятых.

В 2015 г. положение российской экономики резко ухудшилось. Основными причинами такого состояния являются значительное снижение уровня цен на нефть на мировом рынке и введение странами Запада и США санкций против России. По данным Росстата, в первом полугодии 2015 г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года произошло снижение ВВП на 2,3%. Сокращение промышленного производства за этот же период достигло 2,7%. Внешнеторговый оборот уменьшился более чем на 30%, оборот розничной торговли упал на 8%. Одновременно рост индекса потребительских цен составил 16,2%, рост цен на промышленные товары — 11,6%. Уровень жизни населения в 2015 г. в результате инфляционных и девальвационных процессов резко снизился. В среднем за 5 месяцев заработная плата сократилась на 8,8%, реальные доходы населе-

ния — на 3%. По последним данным, уровень безработицы на рынке труда в 2015 г. по сравнению с 2014 г. вырос на 13,5% [Доклад «Социально-экономическое положение России», 2015, № 6, 7].

Выравнивание уровня и качества жизни в регионах — основа повышения конкурентоспособности рабочей силы. По мнению ученых, территориальные различия в качестве и уровне жизни населения России представляют серьезную внутреннюю угрозу для экономической безопасности страны [Бобков, 2012, 3, с. 170]. Если санкции против России будут сохранены, то ситуация в экономике ряда регионов, особенно экспортно-ориентированных, может резко поменяться в худшую сторону. Многие предприятия этих регионов будут вынуждены сокращать численность занятых на предприятии, минимизировать издержки за счет снижения оплаты труда. Вместе с тем некоторые регионы смогут извлечь выгоду, связанную с программой импортозамещения.

Важной задачей государства выступает формирование достойного уровня жизни народа. Речь идет о том, что данный уровень должен быть выше прожиточного минимума, высчитываемого в основном методом потребительской корзины. В Российской Федерации используется ряд подходов в расчете упомянутого показателя, различия между которыми состоят, как правило, в объеме потребительской корзины. Такие негативные структурные сдвиги в области человеческого капитала произошли в основном из-за того, что проводимые экономические реформы привели к резкому социальному расслоению — небольшому слою населения удалось присвоить значительную часть национального богатства, а уровень жизни большей части жителей страны резко снизился.

Более того, государству пока не удается обеспечить гражданам достойный уровень и качество жизни. В стране создается негативный миграционный баланс в виде «утечки мозгов». Это отрицательно отражается в первую очередь на качестве кадров как специалистов, так и массовых профессий. К сожалению, если не предпринять энергичных мер, это может серьезно затормозить экономический рост, а заодно и уход от сырьевой направленности национального хозяйства.

В заключение заметим, что уровень жизни и качество жизни в приложении к процессу формирования и развития повышения конкурентоспособности — понятия неразделимые. Снижающийся уровень жизни населения не позволяет воспитывать принципиально иного работника, способного овладеть новой технологией, стремящегося к профессиональному росту, заинтересованного в инновационной деятельности и повышении эффективности труда и производства.

Таблица 3

Доля федеральных округов и отдельных субъектов Российской Федерации в общем объеме ВРП; соотношение душевого ВРП региона и среднедушевого дохода населения к среднему по стране (2013 г.)

	Валовой региональный продукт, (млн руб.)	Доля региона, в общем объеме ВРП, в %	ВРП на душу населения, (руб.)	Соотношение душевого ВРП региона к среднему по стране, в %	Среднедушевые доходы населения, руб.	Соотношение среднедушевого дохода населения региона к среднему по стране, в %
Российская Федерация	30 761 346,2	100	376 383,0	100	25828	100
Центральный федеральный округ	12 582 979,9	23,3	489 708,3	130,1	33467	129,6
Белгородская область	569414,1	1,1	369139,1	98,1	23735	91,9
Брянская область	223324,3	0,4	178926,9	47,5	20152	78,0
Ивановская область	157735,1	0,3	150791,8	40,1	18128	70,2
г. Москва	11632506,4	21,5	965842,7	256,6	54869	212,4
Северо-Западный федеральный округ	3613930,3	6,7	406026,2	107,9	26167	101,3
Республика Коми	490741,1	0,9	559984,3	148,8	29335	113,6
в т.ч. Ненецкий авт. округ	171771,9	0,3	4003353,8	1063,6	66276	256,6
Псковская область	114246,5	0,2	173354,5	46,1	17804	68,9
г. Санкт-Петербург	2496549,1	4,6	491449,5	130,6	31407	121,6
Южный федеральный округ	1731024,3	3,2	253152,3	67,3	21842	84,6
Республика Адыгея	72011,6	0,1	161676,7	43,0	18512	71,7
Республика Калмыкия	41136,8	0,1	145318,3	38,6	11311	43,8
Краснодарский край	1617875,9	3,0	301436,1	80,1	25777	99,8
Северо-Кавказский федеральный округ	953049,6	1,8	142102,8	37,8	18900	73,2
Республика Дагестан	429510,6	0,8	145351,7	38,6	21717	84,1
Республика Ингушетия	45171,0	0,1	100910,7	26,8	13821	53,5
Ставропольский край	478368,0	0,9	171295,6	45,5	19768	76,5
Приволжский федеральный округ	2045610,1	3,8	288054,8	76,5	21864	84,7
Республика Марий Эл	124400,2	0,2	180416,2	47,9	14517	56,2
Республика Татарстан	1547151,7	2,9	403941,9	107,3	26161	101,3
Кировская область	224726,5	0,4	170894,3	45,4	18012	69,7
Уральский федеральный округ	6062371,1	11,2	626119,2	166,4	28994	112,3
Курганская область	165150,3	0,3	187361,2	49,8	17583	68,1
Тюменская область	5017946,8	9,3	1422113,3	377,8	36399	140,9
в т.ч. Ханты-Мансийский а /о — Югра	2789654,0	5,2	1753776,9	466,0	39292	152,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	1373494,9	2,5	2540488,6	675,0	58040	224,7
Сибирский федеральный округ	2144884,3	4,0	287026,9	76,3	20454	79,2
Республика Алтай	33089,9	0,1	156828,0	41,7	14752	57,1
Республика Тыва	41749,2	0,1	134193,8	35,7	13472	52,2
Красноярский край	1256674,5	2,3	440993,8	117,2	24922	96,5
Дальневосточный федеральный округ	1627496,6	3,0	450126,2	119,6	31528	122,1
Амурская область	211224,4	0,4	259460,1	68,9	24671	95,5
Магаданская область	88490,1	0,2	584729,7	155,4	42463	164,4
Сахалинская область	673775,4	1,2	1369003,1	363,7	39971	154,8
Еврейская автономная область	37885,4	0,1	220875,0	58,7	20417	79,0

Источник: Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [Российский статистический ежегодник, 2014, 13, с. 133, 134, с. 281; Регионы России, 2014, 11].

Список литературы

1. *Бабьнина Л.С., Колесников О.А., Похвощев В.А.* Региональные проблемы занятости, уровня и качества жизни населения: монография. М.: Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт) МВА, 2007. 258 с.
2. *Безденежных Т.И.* Занятость, рынок труда и конкурентоспособность рабочей силы: концепция, формы и методы управления на региональном уровне: автореф. дис. ...д-ра экон. наук: 08.00.05 / Т.И. Безденежных. СПб., 2005. 24 с.
3. *Бобков В.Н., Гулюгина А.А.* Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // Экономика региона. 2012. № 2. С. 170–178. Режим доступа: <http://region.council.gov.ru/media/files/41d4c51abc73059f36f8.pdf>.
4. *Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С.* Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики / Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. С. 34–56.
5. Доклад о человеческом развитии 2014 (ПРООН). Режим доступа: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>
6. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2014 г. / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с.
7. Доклад «Социально-экономическое положение России». 2015. № 6. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm
8. Здравоохранение в России. 2013 / Стат. сб. М.: Росстат, 2013. 380 с. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. В 3-х т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 415 с.
10. *Портер М.* Конкуренция. М.: Вильямс, 2000. 495 с.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 / Стат. сб. М.: Росстат, 2014. 647 с.
12. Россия в цифрах. 2015 / Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2015. 543 с.
13. Российский статистический ежегодник. 2014 / Стат. сб. М.: Росстат, 2014. 693 с.
14. Рейтинг качества жизни — 2014. М.: Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг», 2014. 25 с. Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf
15. *Фатхутдинов Р.А.* Стратегическая конкурентоспособность и экономика России // Общество и экономика. 2003. № 1. С. 31–43.

References

1. Babynina, L.S. Kolesnikov O.A., Pohvoshchev V.A. *Regional'nye problemy zanyatosti, urovnya i kachestva zhizni naseleniya* [Regional problems of employment, living standards and quality of life]. Moscow, Moscow international higher business school MIRBIS (The Institute) MBA Publ., 2007. 258 p.
2. Bezdenezhnyh T.I. *Zanyatost', rynek truda i konkurentosposobnost' rabochej sily: koncepciya, formy i metody upravleniya na regional'nom urovne*. Dokt. Diss. [Employment, labor market and labour's competitive abilities: conception, form of management and managing approach at a regional level. Doct. Diss.]. Saint-Petersburg Publ, 2005. 24 p.
3. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. Neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya regionov [Inequality of quality and social standards of living in regions]. *Ekonomika regiona* [Region Economy]. 2012, I. 2., pp. 170-178. Available at: <http://region.council.gov.ru/media/files/41d4c51abc73059f36f8.pdf>.
4. Grigor'ev L.M., Urozhaeva Y.V., Ivanov D.S. *Sinteticheskaya klassifikaciya regionov: osnova regional'noj politiki* [Regions synthetic classification: cornerstone of regional policy]. Rossijskie regiony: ehkonomicheskij krizis i problemy modernizacii [Russian regions: commercial crisis and renovation problems]. Moscow, TEIS Publ, 2011, pp. 34-56.
5. *Doklad o chelovecheskom razviii 2014 (PROON)* [The human development report 2014 (UNDP)]. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>.
6. *Doklad o razviii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federacii za 2014 g.* [Report on human potential development in the Russian Federation for 2014 year]. Moscow, Analytical center for the government of the Russian Federation Publ., 2014. 204 p.
7. *Doklad «Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie Rossii» 2015. № 6.* [Report “Socio-economic situation of Russia” I. 6.]. Federal state statistics service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm.
8. *Zdravoohranenie v Rossii.* 2013 [Health care in Russia. 2013]. Moscow, Rosstat Publ., 2013. 380 p. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734.
9. Marshall A. *Principy ehkonomicheskoy nauki* [Principles of economic science]. In 3 V. Moscow, Progress Publ., 1993, V. 1. 415 p.
10. Porter M. *Konkurenciya* [Competition]. Moscow, Williams Publ., 2000. 495 p.
11. *Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli.* 2014 [Regions of Russia. Socioeconomic index. 2014]. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 647 p.
12. *Rossiya v cifrah.* 2015 [Russia by the Numbers. 2015]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 543 p.
13. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik.* 2014 [Russian Statistical Yearbook 2014]. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 693 p.
14. *Rejting kachestva zhizni – 2014* [Rating of the quality of life – 2014]. Moscow, The rating Agency “RIA Rating” Publ., 2014. 25 p. Available at: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf.
15. Fathutdinov R.A. *Strategicheskayakonkurentosposobnost' i ehkonomika Rossii* [Strategical competitive abilities and Russian Economy]. *Obshchestvo i ehkonomika* [Society and economy]. 2003, I.1, pp. 31-43.

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала «Уровень жизни населения регионов России»

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах.

Статья должна быть оригинальной, ранее не опубликованной, не нарушающей авторских прав третьих лиц. Текст статьи должен сопровождаться иллюстративными материалами (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.). **Объем статьи 0,5–1,0 п.л.**

Аннотация

Аннотация должна обрисовывать общую направленность статьи и формулировать ее основные результаты. В аннотации следует использовать основные ключевые понятия, относящиеся к представляемой статье, имея в виду, что большинство современных информационных систем осуществляют контекстный поиск только по названиям и аннотациям научных публикаций. Объем аннотации **250–400** слов.

Структура аннотации

В аннотации, согласно требованиям ВАК, нужно отразить следующие элементы:

- «**Объект**»;
- «**Предмет**» (если в статье есть эмпирические исследования, указывается «Предмет», затем — два подзаголовка: «**Теоретическая сторона предмета**», «**Эмпирическая сторона предмета**»);
- «**Цель**»;
- «**Основные теоретические положения статьи**», или «**Основные теоретические и эмпирические положения статьи**».

Структура статьи

Статья должна быть разбита на разделы, а при необходимости — подразделы и более мелкие структурные единицы, имеющие многоуровневую (при наличии подразделов) нумерацию. Первым разделом статьи должно быть введение. В нем рекомендуется четко обрисовать объект исследования и привести краткий обзор опубликованных по данной теме работ (3–4 ссылки на литературу 2005–2014 гг.). Если статья имеет большой объем,

во введении следует ознакомить читателя с ее структурой.

Требования к оформлению статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, записывается с расширением .doc, docx, или rtf. Название файла должно соответствовать фамилии автора и названию статьи.

Статья должна содержать следующие элементы:

- **УДК** — универсальная десятичная система классификации информации и картотек.
- **Блок 1 — на русском языке:** Ф.И.О. автора(-ов) (полностью); название статьи; аннотация; ключевые слова (5–7 слов) или словосочетания, разделенные точкой с запятой).
- **Блок 2 — на английском языке:** информация блока 1 в той же последовательности.
- **Блок 3 — данные об авторах на русском языке:** фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание; адресные данные автора(-ов); организация(-и), электронная почта всех или одного автора.
- **Блок 4 — информация блока 3 в той же последовательности на английском языке.**
- **Блок 5 — полный текст статьи на русском языке с употреблением буквы ё (шрифт основного текста Times New Roman, размер основного текста — 12 пт, поля: верхнее и нижнее — 2 см, правое и левое — 3 см, межстрочный интервал — полуторный; отступ первой строки 1,25, выравнивание текста — по ширине; ссылки на формулы даются в круглых скобках; формулы набираются в редакторе формул; рисунки — средствами Word; растровые иллюстрации представляются отдельными файлами в формате .jpg с разрешением не менее 300 dpi).**
- **Блок 6 — список литературы на русском языке.** Название «Литература». Списки литературы оформляются по алфавиту в соответствии с библиографическими требованиями (ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления») в едином

формате, установленном РУНЭБ. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (из списка литературы), год издания, номер источника по списку литературы, страница.

- Пример отсылки к списку литературы в основном тексте статьи: [Иванов, 2014, 3, с. 25].
- На все источники литературы должны быть ссылки в тексте работы.
- Список литературы должен состоять не менее чем из 15 источников с обязательным цитированием зарубежных авторов в объеме не менее 10%.
- **Блок 7 — транслитерированный список литературы** (название «References»).

Пример транслитерации источника:

9. Losev, A.F. Istoriya antichnoy estetiki. Posledniye veka. Kniga 2. M.: Folio, 2000, pp. 124–128.

Для выделения в тексте допустимо **полужирное** и *курсивное* написание. Примеры рекомендуется выделять курсивом, новые термины и понятия — полужирным шрифтом.

Не рекомендуется использовать

такие выделения, как ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ, р а з р ы д а через пробел и подчеркивание; подстрочные ссылки.

Перечень дополнительных материалов, прилагаемых к статье

В связи с тем что публикуемая статья получает международный индекс научного цитирования DOI, необходимо представить данные для заключения договора с издательством ИНФРА-М на публикацию статьи в форматах doc, docx (фамилия, имя, отчество, дата рождения, паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, код

подразделения); адрес регистрации с почтовым индексом; ИНН, номер страхового свидетельства пенсионного страхования; адрес электронной почты (e-mail) для переписки; контактный телефон (мобильный); название статьи).

Прочие условия публикации

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причиненный третьим лицам, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- его статья не оформлена в соответствии с данными правилами;
- автор отказался от доработки статьи согласно требованиям редакционной коллегии и рецензента;
- автор не выполнил в срок конструктивные замечания рецензента;
- текст статьи содержит более 10% заимствований.

Окончательное решение о публикации материала принимает редакционная коллегия.

Адрес редакции: 105043, г. Москва, ул. 4-я Парковая, д. 29
Телефон редакции: 8-499-164-97-61
E-mail для авторов: nsmalikov@yandex.ru